

ISSN 1987-5533

UDK (удк) – 34+32. 001

П – 685

L - 41

International scientific journal

LAW AND POLITOLOGY

Международный научный журнал

ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 26

Chisinau

Julay - 2014

Supreme Council on Science and Technological Development of the Academy of Sciences of Moldova and the National Council for Accreditation and Attestation of Moldova, recognized «Law and Politology» as a journal in law, political science, making part of “B” scientific journal (Decision no. 146 of 27 Jun 2013).

The journal „Law and Politology” is the periodical-scientific edition of the following academic partners

INSTITUTE OF LEGAL AND POLITICAL RESEARCH OF ACADEMY OF SCIENCES OF MOLDOVA

GELATI ACADEMY OF SCIENCES (GEORGIA)

INSTITUTE ON HUMAN RIGHTS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF AZERBAIJAN

EDITORIAL BOARD

Mariam Tsatsanashvili - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of editorial board (**Georgia**)
Ion Guceac - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of editorial board (**Republic of Moldova**)
Kamal Makili-Aliyev - PhD, doctor of Law - co-chairman of editorial board (**Republic of Azerbaijan**)
Guram Markhulia - PhD, doctor of History, ass. Professor (**Georgia**)
Namig Aliyev - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Hijran Huseynova - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Ayten Mustafaeva - PhD, doctor of Law (**Republic of Azerbaijan**)
Victor Moraru - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Tariel Sikharulidze - PhD, doctor of Philology, ass. Professor in International Relations (**Georgia**)
Gheorge Costachi - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Ruslan Shevchenko - PhD, doctor of History (**Republic of Moldova**)
Lew Spivak - Professor (**Israel**)
Irina Galayeva - LL.M, Master of International Law (**University of Lund, Sweden**) - academic secretary

COORDINATIVE-SCIENTIFIC COUNCIL

Lala Ahmadova - doctor of Philological Sciences (**Republic of Azerbaijan**)
Tamara Kiknadze - doctor of Political Sciences, Professor (**Georgia**)
Andrei Smochina - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Tariel Sikharulidze - doctor of Philological Sciences, Professor (**Georgia**)
Kamil Salimov - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Anzor Totadze - doctor of Economics Sciences, Professor (**Georgia**)
Victor Balmus - doctor of Law, conf. (**Republic of Moldova**)
Nazim Imanov - doctor of Economics Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Eliko Tsiklauri-Lamich - LL.D, doctor of Law, Professor (**Germany**)

The journal is being issued since 2007

Address: Chisinau,
Moldova. Tel/FAX: +37322270313,
E-mail: guceac@mail.ru

The magazine registered
16th of august in 2007.
Reg. № 2320

The authors opinion does not necessarily coincide with position of editors

Решением Высшего Совета по Науке и Технологическому Развитию Академии Наук Молдовы и Национального Совета по Аккредитации и Аттестации журнал «Право и Политология» признан как издание в области права и политологии, относящееся к научным журналам категории «В» (решение № 146 от 27 июня 2013 года).

Журнал «Право и политология» является периодическим изданием научных партнеров

**ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
АКАДЕМИИ НАУК МОЛДОВЫ**

**ИНСТИТУТ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНА**

ГЕЛАТСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК (ГРУЗИЯ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Мариам Цацанашвили - доктор юридических наук, профессор - сопредседатель редколлегии (Грузия)
Ион Гучак - доктор юридических наук, профессор - сопредседатель редколлегии (Республика Молдова)
Камал Макили-Алиев - доктор философии в праве — сопредседатель редколлегии (Азербайджанская Республика)
Гурам Мархулия - доктор истории, ассоциированный профессор (Грузия)
Намик Алиев - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Хиджран Гусейнова - доктор политических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Айтян Мустафаева - доктор философии в праве (Азербайджанская Республика)
Виктор Морару - доктор политических наук, профессор (Республика Молдова)
Тариел Сихарулидзе - доктор филологии, ассоциированный профессор по международным отношениям (Грузия)
Георгий Костаки - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)
Руслан Шевченко - доктор истории (Республика Молдова)
Лев Спивак - профессор (Израиль)
Ирина Галаева - магистр международного права Лундского (Швеция) университета - ученый секретарь

НАУЧНО-КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ

Лала Ахмедова - доктор филологических наук (Азербайджанская Республика)
Тамара Кикнадзе - доктор политических наук, профессор (Грузия)
Андрей Смокинэ - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)
Тариэл Сихарулидзе - доктор филологических наук, профессор (Грузия)
Камиль Салимов - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Анзор Тотадзе - доктор экономических наук, профессор (Грузия)
Виктор Балмуш - доктор права, доцент (Республика Молдова)
Назим Имамов - доктор экономических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Элико Циклаури-Ламих - доктор права (Германия)

Журнал выходит с 2007 года
Адрес: Кишинэу, Молдова
Тел/FAX: +373 22270313,
E-mail: guceac@mail.ru

Журнал зарегистрирован
16 августа 2007 г.
Регистрация № 2320

Мнение авторов не всегда совпадает с мнением редакции

CONTENT

LEGAL SCIENCES

Ion GUCEAC, Ghenadie ROTARU

ABOUT THE PERSPECTIVE SYSTEMATIZATION OF LEGISLATION OF
THE REPUBLIC OF MOLDOVA IN THE FIELD OF HEALTH CARE 6

Kamal MAKILI-ALIYEV

IMPLICATIONS OF THE PERINCEK V. SWITZERLAND CASE ON THE
SO-CALLED ARMENIAN “GENOCIDE” 12

Roman MEREUTSA

PRIORITY OF INTERNATIONAL LAW IN THE NATIONAL
LEGISLATION 17

SERGIU ARNAUT

ACCESS TO JUSTICE IN MATTERS OF ENVIRONMENTAL
PROTECTION 21

POLITICAL SCIENCES

Victor JUC, Liubovi CEBAN

THE FOUNDATION AND DIVERSIFICATION OF THE INTERNATIONAL
SYSTEM THEORY 25

Lilia LITVIN

THE NATIONAL INTERESTS OF UKRAINE IN THE CONTEXT OF
CONTEMPORARY GEOPOLITICAL CHALLENGES 35

Valeryan DOLIDZE

USA: THE MECHANISM OF PRACTICAL FUNCTIONING OF
DEMOCRACY AND COMMITTEES OF POLITICAL ACTION 39

Sabyna GARASHOVA

THE POLITICAL CRISIS IN UKRAINE AND USA STRATEGY 45

Karam MAMEDOV

THE EFFECTIVENESS OF UN PEACEKEEPING OPERATIONS 49

Lilia BRAGA

THE EVOLUTION OF POLITICAL CULTURE IN THE REPUBLIC OF
MOLDOVA AT THE INITIAL STAGE OF DEMOCRATIC MODERNIZATION 51

Rahman MUSTAFAEV

RELATIONS BETWEEN THE CAUCASIAN ALBANIA AND BYZANTIUM IN
THE HISTORY OF CHRISTIANITY IN AZERBAIJAN 57

Hatira MEHDYEVA

THE LEVEL OF COOPERATION OF THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN WITH
THE SPECIALIZED AGENCIES OF THE UN AT THE PRESENT STAGE 63

Aynur FARMANOVA

THE DIRECTION AND DYNAMICS OF DEVELOPMENT OF AZERBAIJAN’S
COOPERATION WITH UNESCO 67

Yuri TIRCUS

FUNCTIONALITY OF CIVIL SOCIETY AS A FACTOR OF UKRAINE’S EUROPEAN
INTEGRATION 71

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Ион ГУЧАК, Геннадий РОТАРУ

О ПЕРСПЕКТИВЕ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ 6

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ

ПОСЛЕДСТВИЯ „ДЕЛА ПЕРИНЧЕК ПРОТИВ ШВЕЙЦАРИИ” О ТАК
НАЗЫВАЕМОМ АРМЯНСКОМ „ГЕНОЦИДЕ” 12

Роман МЕРЕУЦА

ПРИОРИТЕТ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В НАЦИОНАЛЬНОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 17

Сергей АРНАУТ

ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ
ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ 21

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Виктор ЖУК, Любовь ЧЕБАН

ОСНОВАНИЕ И ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ
СИСТЕМ 25

Лилия Л ИТВИН

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ 35

Валериян ДОЛИДЗЕ

США: МЕХАНИЗМЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ДЕМОКРАТИИ И КОМИТЕТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ 39

Сабина ГАРАШОВА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС НА УКРАИНЕ И СТРАТЕГИЯ США 45

Карам МАМЕДОВ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ ООН 49

Лилия БРАГА

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА
НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ 51

Рахман МУСТАФАЕВ

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИЕЙ И ВИЗАНТИЕЙ В
ИСТОРИИ ХРИСТИАНСТВА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ 57

Хатира МЕХДИЕВА

УРОВЕНЬ СОТРУДНИЧЕСТВА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ СО
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ ООН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 63

Айнур ФАРМАНОВА

НАПРАВЛЕНИЯ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА
АЗЕРБАЙДЖАНА С ЮНЕСКО 67

Юрий ТЫРКУС

ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР
ЕВРОИНТЕГРАЦИИ УКРАИНЫ 71

Ион ГУЧАК,

доктор юридических наук, профессор, Академия наук
Молдовы

Геннадий ПОТАРУ,

кандидат медицинских наук,
Медицинский центр „PROSANFAM”

О ПЕРСПЕКТИВЕ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В современной юридической литературе отмечается, что влияние процесса глобализации и регионализации на право носят «не фрагментарный, разрозненный, а системный характер». Этот процесс обусловлен, с одной стороны, системной природой правовой материи, а с другой стороны - аналогичными системными свойствами процесса глобализации и регионализации [1]. Такой подход к анализу права предоставляет ряд преимуществ, среди которых следует отметить следующие:

- позволяет выявить более широкую правовую реальность;
- содержит в себе дополнительную возможность объяснения сущностных и содержательных характеристик правовой материи;
- создает возможности, обеспечивающие ее функционирование и развитие;
- даёт возможность исследования правовой материи как целостного, относительно самостоятельного явления в комплексе с другими экономическими, социально-политическими и иными явлениями;
- позволяет находить наиболее оптимальные решения, возникающие в различных сферах жизни;
- помогает более точно и целенаправленно определять основные пути развития и совершенствования существующих правовых систем [2].

Конституции современных государств уделяют особое внимание проблемам здравоохранения, так как

укрепление этой отрасли одна из наиболее важных задач развития населения в целом. В Конституции Азербайджана (статья 41) провозглашается право каждого на охрану здоровья и получение медицинской помощи [3]. Государство обязано принимать необходимые меры для развития всех видов здравоохранения, действующего на основе различных видов собственности, гарантировать санитарно-эпидемиологическое благополучие, создать возможности для различных форм медицинского страхования. В соответствии с Конституцией Бельгии (статья 23) каждый имеет право вести жизнь, соответствующую человеческому достоинству, это право, включает, в частности, право на охрану здоровья и медицинскую помощь [4]. Статья 28 Конституции Эстонии фиксирует право каждого на охрану своего здоровья [5]. Конституция Грузии (статья 37) предоставляет каждому право пользоваться страхованием здоровья как доступным средством медицинской помощи [6]. В установленном законом порядке при определенных условиях обеспечивается бесплатная медицинская помощь. Государство контролирует все организации здравоохранения, производство лекарственных средств и торговлю ими. В соответствии с Конституцией Греции (статья 21), государство заботится о здоровье граждан [7]. Статья 32 Конституции Италии обязывает государство охранять здоровье как основное право личности и основной общественный

О ПЕРСПЕКТИВЕ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

интерес и гарантирует бесплатное лечение неимущих. Никто не может быть принужден подвергаться определенным медицинским мерам иначе, как в соответствии с законом [8]. Конституция Латвии (статья 111) определяет, что государство охраняет здоровье человека и гарантирует каждому минимум медицинской помощи [9]. Конституция Польши (статья 68) провозглашает право на охрану здоровья. Гражданам, независимо от их материального положения, публичные власти обеспечивают равный доступ к медицинскому обслуживанию, финансируемому из публичных средств. Публичные власти обязаны обеспечивать особую заботу о здоровье детей, беременных женщин, лиц с физическими и умственными недостатками и лиц пожилого возраста, вести борьбу с эпидемическими болезнями [10].

Охрана здоровья граждан является одной из основных государственных задач и в Республике Молдова, где одной из тенденций современного законодательства является активное развитие формальных источников права, охватывающих, практически, все сферы общественных отношений, в том числе и здравоохранение. На протяжении последних 20 лет принималось более двадцати законов, посвященных регулированию отношений в сфере здравоохранения. Однако единая система законодательства, регулирующая сферу здравоохранения, так и не создана. Отсутствие такой системы затрудняет осуществление всестороннего и полного контроля медицинской деятельности и приводит к серьезным трудностям в правоприменительной практике.

В настоящее время в сфере здравоохранения обозначились некоторые структурные изменения. Так, например, отмена административного планирования развития сети лечебно-профилактических учреждений и сокращение государственного финансирования здравоохранения привели к ликвидации больничных учреждений и уменьшению количества больничных коек в расчете на 1000 человек населения. Следует отметить, что аналогичный процесс происходил и в других государствах с переходной экономикой. В Республике Молдова закрывались маленькие больницы, главным образом, в сельской местности, которые были не способны предоставить полноценное лечение и использовались скорее как учреждения социальной помощи. Учитывая избыточную по сравнению с другими странами обеспеченность больничными койками, указанное их сокращение также нельзя расценивать как негативное изменение. К тому же, оно сопровождалось расширением возможностей амбулаторного лечения. Структурные изменения происходили и в кадровом составе отрасли [11].

Законодательство, регулирующее правоотношения в сфере оказания медицинских услуг в настоящее время, представляет собой весьма многоуровневую разветвленную структуру, ее комплексный характер опосредуется проявлением регулятивных норм в различных отраслях права.

Стратегия реформирования здравоохранения в качестве одного из основных направлений предусматривает совершенствование правового регулирования деятельности в сфере здравоохранения. Остро стоит необходимость обновления действующих законодательных актов об охране здоровья, поскольку значительная их часть морально устарела, система законодательства в целом не вполне соответствует реальной организации здравоохранения, возможностям и потребностям общества.

Правовые отношения, возникающие в сфере здравоохранения, настолько многогранны, что тесно вплетаются нормами различных отраслей права в структуру законодательства [12]:

- Административное право формулирует требования к организации управления здравоохранением и контролю в данной сфере, устанавливает круг административно-правовых запретов;

- Гражданское право регулирует порядок и условия возмещения причиненного вреда жизни или здоровью гражданина и компенсации морального вреда, в случае ненадлежащего оказания медицинской помощи, а также предоставление всех медицинских услуг;

- Трудовое право содержит нормы, регулирующие взаимоотношения медицинского работника и медицинской организации при осуществлении трудовой функции;

- Уголовное право устанавливает ответственность за преступления против свободы, против жизни и здоровья, против здоровья населения, против чести и достоинства личности и др.

Единую систему законодательства, регулирующую сферу здравоохранения, должны составлять те нормативные правовые акты, которые имеют свой специфический круг регулируемых отношений и были приняты непосредственно для регулирования медицинской деятельности.

Необходимость развития и совершенствования правового регулирования деятельности в сфере здравоохранения обусловлена целым рядом факторов, которые заставляют нас проверить и пересмотреть многие, казалось бы, устоявшиеся в правовой науке и практике представления. Это - организационные факторы (в связи с децентрализацией системы здравоохранения и многообразием субъектов медицинской деятельности), финансовые (в связи с переходом на многоканальную систему финансирования здравоохранения), научно-технологические (в связи с практическим освоением новых медицинских технологий и способов профилактики, лечения, диагностики) [13].

Законодательство, регулирующее здравоохранение, основано на статье 36 Конституции Республики Молдова, в которой закреплено право на охрану здоровья и медицинскую помощь, занимающее важнейшее место в системе прав человека и гражданина. Конституция является основным правовым актом, который содержит все остальные положения закона, в том числе медицинского права [14].

Ион ГУЧАК, Геннадий РОТАРУ

Статья 36 “Право на охрану здоровья” включена в Раздел III, главы II Конституции, озаглавленной “Основные права и свободы”, наряду с другими правами, признанными международным сообществом в качестве прав незаменимой современной цивилизации. Важно отметить, что авторы Конституции развивают поверхностные положения, касающиеся здоровья, содержащиеся во Всеобщей декларации прав человека и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, провозглашая право на охрану здоровья как одного из прав, гарантируемых государством.

Законодательство, регулирующее здоровье населения, представлено несколькими законодательными актами, решениями правительства и документами, утвержденными Министерством здравоохранения и другими органами государственной власти.

Что касается законов, влияющих на здравоохранение, парламент принял несколько десятков законов, которые можно разделить на законы, устанавливающие основные принципы функционирования системы здравоохранения, и законы, регулирующие определенные конкретные сегменты.

К основным законам, регулирующим функционирование общей системы здравоохранения, относятся:

- Закон о фармацевтической деятельности №-1456-XII от 25.05.1993г, который регламентирует все аспекты фармацевтической деятельности, фармацевтические учреждения, их формы собственности и другие вопросы [15].

- Закон об охране здоровья №-411-XIII от 28.03.1995 регулирует основные области охраны здоровья, такие как - структура и принципы системы здравоохранения, финансирования системы здравоохранения, права и обязанности населения в области обеспечения здоровья, устанавливает принципы и формы медицинского обслуживания, определяет основы охраны семьи, матери и ребенка и другие важные вопросы, связанные с правом на здоровье [16].

- Закон о лекарствах №-1409-XIII от 17.12.1997. Цель этого закона заключается в обеспечении доступа населения к лекарствам хорошего качества, эффективным и безопасным, по доступной цене [17].

- Закон об обязательном медицинском страховании №-1585-XIII от 27.02.1998 устанавливает основы обязательного медицинского страхования, объект страхования, субъекты страхования, принципы организации обязательного медицинского страхования, финансовые средства обязательного медицинского страхования и порядок их использования [18].

- Закон об оценке и аккредитации в системе здравоохранения №. 552-XV от 18.10.2001 устанавливает принципы оценки и аккредитации в области здравоохранения с целью улучшения качества медицинских услуг, предоставляемых населению [19].

- Закон о правах и ответственности пациента №. 263-XVI от 27.10.2005 устанавливает основные права человека в системе здравоохранения, обеспечивает соблюдения достоинства и независимости пациента [20].

- Закон о врачебной деятельности №. 264-XVI от 27.10.2005 устанавливает правовые основы и регламентирует условия организации и виды врачебной деятельности, определяет требования к лицу, желающему заниматься врачебной деятельностью, его основные права, обязанности и ответственность при осуществлении данной деятельности согласно клятве врача [21].

- Закон о государственном надзоре за общественным здоровьем №. 10-XVI от 03.04.2009 регулирует организацию государственного надзора за общественным здоровьем, устанавливая общие требования к общественному здоровью, права и обязанности физических и юридических лиц, порядок организации системы государственного надзора за общественным здоровьем. Цель настоящего закона – обеспечение оптимальных условий для максимальной реализации потенциала здоровья каждого индивидуума на протяжении всей жизни посредством организованных усилий общества по предупреждению заболеваний, охране и продвижению здоровья населения, улучшению качества жизни [22].

К основным законам, регулирующим определенные конкретные сегменты, относятся:

- Закон о психиатрической помощи №. 1402-XIII от 16.12.1997 устанавливает условия и регулирует отношения, связанные с психиатрической помощью, определяет учреждения, которые оказывают психиатрическую помощь, виды психиатрической помощи и другие аспекты [23].

- Закон об охране репродуктивного здоровья и планировании семьи №. 185 от 24.05.2001 является законодательной базой для свободного осуществления лицом своих прав на воспроизводство и получение услуг по планированию семьи. Положения настоящего закона вытекают из конституционного права на уважение и охрану интимной, семейной и частной жизни и обеспечивают невмешательство государства в вопросы планирования семьи [24].

- Закон о профилактике ВИЧ/СПИД-инфекции №. 23 от 16.02.2007 регулирует правоотношения, связанные с деятельностью по профилактике и снижению воздействия ВИЧ/ СПИД - инфекции, обеспечением соблюдения прав лиц, инфицированных ВИЧ/ СПИДом, путем сокращения числа новых случаев инфицирования, сдерживания масштабного роста эпидемии, обеспечения медицинской и социально - психологической помощи лицам, инфицированным ВИЧ/ СПИДом, и членам их семей, а также консолидации усилий по профилактике ВИЧ/ СПИД - инфекции и борьбе с ней [25].

- Закон о трансплантации органов, тканей и клеток человека №. 42 от 06.03.2008 составляет правовую базу регулирования трансплантации всех органов, тканей и клеток человека, кроме репродуктивных органов, эмбриональных и фетальных тканей, клеток и органов, крови и ее компонентов [26].

- Закон о контроле и профилактике туберкулеза №. 153 от 04.07.2008 устанавливает правовую основу

О ПЕРСПЕКТИВЕ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

реализации государственной политики в области контроля и профилактики туберкулеза в целях защиты здоровья граждан и обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения [27].

· Закон об охране здоровья и безопасности труда №. 186 от 10.07.2008 регулирует правовые отношения, касающиеся введения мер по обеспечению безопасности и здоровья работников на рабочем месте, устанавливает общие принципы, касающиеся предупреждения профессиональных рисков, безопасности работников на рабочем месте, исключения факторов риска и травмирования, информирования, консультирования, пропорционального участия, обучения работников и их представителей, а также общие направления реализации этих принципов [28].

· Закон о донорстве и переливании крови №. 241 от 20.11.2008 разработан в целях регулирования и стимулирования добровольного донорства человеческой крови и ее компонентов, предоставления комплекса социальных, юридических, экономических и медицинских прав донорам и реципиентам компонентов и препаратов крови, а также использования компонентов и препаратов крови медико - санитарными учреждениями [29].

В дополнение к законам, непосредственно относящимся к Министерству здравоохранения, нормативные положения, касающиеся сферы здравоохранения, содержатся в достаточно большом количестве законов других субъектов. Реализация положений этих актов, как правило, является сложной и требует юридического разделения задач и обязанностей. К ним относятся:

· Закон об общей безопасности продукции №. 422 от 22.12.2006 устанавливает в статье 3, что продукт является безопасным и может быть размещен на рынке, если отвечает санитарным нормам [30].

· Закон о пищевых продуктах №. 78 от 18.03.2004 устанавливает ряд требований, которые включают в себя действия Министерства здравоохранения и подведомственных ему структур [31].

· Закон о контроле и предупреждении злоупотребления алкоголем, незаконного потребления наркотиков и других психотропных веществ №. 713 от 06.12.2001.

· Закон о питьевой воде №. 272 от 10.02.1999.

· Закон об охране атмосферного воздуха №. 1422 от 17.12.1997.

· Закон о режиме вредных продуктов и веществ №. 1236 от 03.07.1997.

Законодательство работает как одно целое и, в принципе, невозможно отделить правовые акты, связанные только с областью здравоохранения. Правовые нормы развиваются, пересекаются, дополняются, а иногда и противоречат друг другу. Только поняв, как этот механизм работает в динамике, можно построить правильную стратегию вмешательства, чтобы изменить некоторые элементы правового регулирования.

Принятие Основ законодательства Республики Молдова об охране здоровья граждан в 1993 г. позволило установить базовые направления правового регулирования, закрепить права граждан в данной сфере, сформулировать гарантии их реализации. Казалось, что Основы выступают платформой, для укрепления которой будет приниматься законодательство, дополняющее, но не нарушающее системность базовой составляющей. Однако этого не произошло. Говоря о законодательстве Республики Молдова в области медицинского права, следует выделить некоторые вопросы системного характера. Законы, регулирующие здоровье населения, были приняты в разные периоды государственности, каждый имеет отпечаток социального статуса, принципов правления и правовой философии своего времени. Хотя основные законы области (в первую очередь Закон об охране здоровья №. 411 из 28.03.1995) дополнялись многими поправками, это не изменило ситуацию в целом, так как изменения, обычно продиктованы оперативной и политической ситуациями. Правовое регулирование сферы здравоохранения в современном обществе стало чрезвычайно дифференцированным и сориентированным на более узкие области отношений. Значительным шагом является принятие Закона о государственном надзоре за общественным здоровьем (№ 10 из 03.04.2009) и последующих правовых актов, но и это не объясняет, как далеко простираются проблемы здравоохранения и в какой степени вопросы общественного питания, окружающей среды, определенных социальных групп и т.д. являются объектом учреждений здравоохранения и как они формируют обязанности других органов государственной власти [32].

В процессе гармонизации национального законодательства важно учитывать ряд недостатков, которые имеют значения уже на стадии применения нормативного акта. В первую очередь, отсутствует комплексный подход к законодательству как к единому организму. В большинстве случаев не хватает должной оценки нормативных требований, не учитываются воздействие правового регулирования, побочные эффекты и финансовые затраты. Техника редактирования все еще является общим недостатком нормативных актов, абсолютное большинство нормативных актов страдают от логической непоследовательности формулировок. Наиболее серьезной теоретической и практической проблемой является определение правового механизма оценки качества оказываемых медицинских услуг. Одним из основных критериев качества медицинской услуги является выполнение стандартов медицинской помощи [33].

Государство, в лице законодательной и исполнительной власти, должно обеспечить единую правовую политику построения отрасли здравоохранения.

Однако главным в этом процессе является государственная политика по модернизации сферы здравоохранения и, соответственно, разработка концепции реформирования данной отрасли законодательства. На

Ион ГУЧАК, Геннадий РОТАРУ

стабильность законодательства о здравоохранении влияет, в первую очередь, единая, согласованная государственная политика. Между тем, попытки формирования государственной политики, направленной на развитие данной отрасли законодательства в ее системном виде предпринимаются лишь на концептуальном уровне, и крайне ограничены.

В научной литературе неоднократно подчеркивалось, что значительная роль в том, что уровень отечественного здравоохранения существенно отстает от мирового, отводится несовершенству законодательной базы в этой острой сфере общественных отношений, почти полному отсутствию реальных правовых механизмов обеспечения охраны здоровья [34].

Без формирования стройного и внутренне согласованного законодательства, которое позволит с максимальной отдачей регулировать отношения субъектов - граждан, юридических лиц и государства в этой сфере, развитие правовых механизмов обеспечения охраны здоровья практически невозможно.

В конце прошлого и начале нынешнего тысячелетия, в юридической литературе появились работы, посвященные изучению вопросов развития права и законодательства в области здравоохранения. Авторы представили разные точки зрения о природе правовых явлений в этой сфере, в том числе и по основным позициям, касающимся определения предмета регулирования и места законодательства о здравоохранении в общей системе законодательства [35].

Некоторые авторы подчеркивают необходимость систематизации правового регулирования отношений в сфере здравоохранения, подчеркивая следующие обстоятельства:

- право является одним из необходимых условий существования и развития такой особой сферы деятельности, как охрана здоровья населения;

- необходимость теоретического обоснования основ медицинского права.

При этом предлагалось определить медицинское

право в качестве пограничной комплексной отрасли национального права, структурного элемента правовой системы, имеющей свой предмет регулирования и законодательную базу отрасли [36].

В настоящее время существуют два основных подхода относительно места медицинского права в системе права. Первый исходит из того, что медицинское право является подотраслью права социального обеспечения. Второй рассматривает медицинское право как комплексную отрасль права. В Государственном университете медицины и фармации имени Николая Тестемицану на кафедре Судебной медицины проводится обучение основам медицинского права.

В силу развивающихся общественных отношений в сфере здравоохранения, наблюдается комплексный характер медицинского права. Так, права человека на охрану здоровья и медицинскую помощь регламентируются, в первую очередь, нормами конституционного права гражданского, административного, уголовного и предпринимательского права. Таким образом, комплексность законодательства о здравоохранении обуславливается, прежде всего, комплексным подходом законодателя к правовому регулированию рассматриваемой сферы общественных отношений [37].

В данной публикации мы обозначили некоторые аспекты изменений в законодательстве в сфере здравоохранения, которые наиболее отчетливо отражают новые правовые подходы в современном здравоохранении. Современная медицинская деятельность в значительной степени связана с правовым регулированием многочисленных общественных отношений, возникающих в сфере здравоохранения. Знание медицинским работником и, особенно руководителями лечебных организаций, основных нормативно-правовых актов, составляющих законодательство о здравоохранении, реально обеспечит не только повышение качества оказываемой медицинской помощи, но и усовершенствует профилактику правовых конфликтов.

Литература:

1. Марченко Н. М. Государство и право в условиях глобализации. - Москва: Проспект, 2009, с. 246.
2. Черненко А. К. Теоретико-методологические проблемы формирования правовой системы общества. - Новосибирск, 2004, с. 94-96.
3. Конституция Азербайджанской Республики. - Сборник законодательства Азербайджанской Республики, 1997, № 1.
4. Конституция Бельгии (1994, rev. 2000) - www.myrpzs.ru/30.06.2014/
5. Конституция Эстонской Республики. - Принята на референдуме 28 июня 1992 года. www.concourt.am/30.06.2014/
6. Конституция Грузии (1991, rev. 1995) - www.myrpzs.ru/30.06.2014/
7. Конституция Греции (1975). www.worldconstitutions.ru/30.06.2014/
8. Конституция Италии. Конституции зарубежных государств: Учебное пособие/Сост. проф. В.В.Маклаков. - 4-е изд., перераб. и доп. - Москва: Волтерс Клувер, 2003.
9. Конституция Латвийской Республики (в редакции закона от 15 октября 1998 г., с изменениями, провозглашенными до 17 мая 2007 г.)
10. Конституция Республики Польша от 2 апреля 1997 г. Дневник законов от 16 июля 1997 г. № 78, поз. 483
11. Стеценко С.Г. Право и медицина: проблемы соотношения. - Москва, 2002.
12. Ефимов К. С. Стратегия развития медицинских учреждений на рубеже 21-го века // Менеджмент в России и за рубежом, 2006, № 1.
13. Чех О. И. ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ Международной заочной научно-практической конференции «Вопросы современной юриспруденции» (Россия, Новосибирск, 31 июля 2013 г.)
14. Конституция Республики Молдова от 29.07.1994. Опубликовано: 12.08.1994 в Monitorul Oficial, Nr. 1.

О ПЕРСПЕКТИВЕ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

15. Закон о фармацевтической деятельности Nr-1456-XII от 25.05.1993. Опубликовано 01.07.1993 в Monitorul Parlamentului, Nr. 007.
16. Закон об охране здоровья Nr-411-XIII от 28.03.1995. Опубликовано: 22.06.1995 в Monitorul Oficial, Nr. 34, статья №: 373.
17. Закон о лекарствах Nr-1409-XIII от 17.12.1997. Опубликовано: 11.06.1998 в Monitorul Oficial, Nr. 52-53, статья №: 368.
18. Закон об обязательном медицинском страховании Nr-1585-XIII от 27.02.1998. Опубликовано: 30.04.1998 в Monitorul Oficial Nr. 38-39, статья №: 280.
19. Закон об оценке и аккредитации в системе здравоохранения Nr. 552-XV от 18.10.2001. Опубликовано: 20.12.2001 в Monitorul Oficial, Nr. 155-157, статья №: 1234.
20. Закон о правах и ответственности пациента Nr. 263-XVI от 27.10.2005. Опубликовано: 30.12.2005 в Monitorul Oficial, Nr. 176-181, статья №: 867.
21. Закон о врачебной деятельности Nr. 264-XVI от 27.10.2005. Опубликовано: 23.12.2005 в Monitorul Oficial, Nr. 172-175, статья №: 839.
22. Закон о государственном надзоре за общественным здоровьем Nr. 10-XVI от 03.04.2009. Опубликовано: 03.04.2009 в Monitorul Oficial, Nr. 67, статья №: 183.
23. Закон о психиатрической помощи Nr. 1402-XIII от 16.12.1997. Опубликовано: 21.05.1998 в Monitorul Oficial, Nr. 44-46, статья №: 310.
24. Закон об охране репродуктивного здоровья и планировании семьи Nr. 185 от 24.05.2001. Опубликовано: 02.08.2001 в Monitorul Oficial, Nr. 90-91, статья №: 697.
25. Закон о профилактике ВИЧ/СПИД-инфекции Nr. 23 от 16.02.2007. Опубликовано: 20.04.2007 в Monitorul Oficial, Nr. 54-56, статья №: 250.
26. Закон о трансплантации органов, тканей и клеток человека Nr. 42 от 6.03.2008. Опубликовано: 25.04.2008 в Monitorul Oficial, Nr. 81, статья №: 273.
27. Закон о контроле и профилактике туберкулеза Nr. 153 от 4.07.2008. Опубликовано: 05.08.2008 в Monitorul Oficial, Nr. 143-144, статья №: 583.
28. Закон об охране здоровья и безопасности труда Nr. 186 от 10.07.2008. Опубликовано: 05.08.2008 в Monitorul Oficial, Nr. 143-144, статья №: 587.
29. Закон о донорстве и переливании крови Nr. 241 от 20.11.2008. Опубликовано: 13.01.2009 в Monitorul Oficial, Nr. 1-2, статья №: 2.
30. Закон об общей безопасности продукции Nr. 422 от 22.12.2006. Опубликовано: 16.03.2007 в Monitorul Oficial, Nr. 36-38, статья №: 145.
31. Закон о пищевых продуктах Nr. 78 от 18.03.2004. Опубликовано: 28.05.2004 в Monitorul Oficial, Nr. 83-83, статья №: 431.
32. Cercone J. Godinho J. The elements of the health care system reforms in Moldova, 2001. Eurohealth.
33. Сергеев Ю.Д. Медицинское право в Российской Федерации. // Медицинское право, 2003, № 2, с. 3.
34. Литовка П.И. Медицинское право - комплексная отрасль национального права России. // Публичное и частное право: проблемы развития и взаимодействия законодательного выражения и юридической практики.- Екатеринбург, 1999.
35. Шленева Е. Медицинское право. Предмет отрасли. // Право и жизнь, 2000, № 26.
36. Квернадзе Р.А. Некоторые аспекты становления и развития законодательства в области здравоохранения. // Государство и право, 2001, № 8.
37. Тихомиров А.В. Медицинское право: Практическое пособие. - Москва, 1998.

Summary

Health Reform Strategy as one of the main directions implies improvement relations in the sphere of medical services in Republic of Moldova is a highly branched multilevel structure. The adoption of a large number of legislative acts in the last decade has not created a unified system of legislation, adjusting the health system. This complicates the implementation of a joint and complete control over medical practice and leads to serious difficulties in law enforcement.

There are two basic approaches regarding the position of medical law in the legal system. The first derives from the fact that medical law is a right sub-division of the social security law. The second examines the medical law as a complex area of law.

Keywords: legislative act, health system, medical law.

Kamal MAKILI-ALIYEV**Kamal MAKILI-ALIYEV,**

Doctor of Law, LL.D. in International and Constitutional Law

**IMPLICATIONS OF THE PERINCEK V. SWITZERLAND CASE ON THE SO-CALLED
ARMENIAN „GENOCIDE”**

Throughout the history mankind have sought to combat situations that could possibly lead to the ultimate annihilation of humanity and destruction of moral and humane values. Unfortunately history have seen such crimes as genocide, mass ethnic cleansings and other such horrific instances of human destruction that cast a shadow on the innate humane nature of peoples around the world.

Nonetheless, science and academia for the purposes of prevention and persecution of such horrific crimes as genocide, crimes against humanity, war crimes, mass murder, aggression, etc. have created a classifications and mechanisms that are supposed to bring justice to the situations and perpetrators. For example, establishment of the International Criminal Court in 2002 with entry into force of Rome Statute of 1998 [1], have moved humanity to the new stage of development in this area. It have to be pointed out that international community as a whole is very and keenly interested in this process and its continuation.

Thus, as international community believes (which is evident from the structures that it has created, such as mentioned International Criminal Court (ICC) or European Court of Human Rights (ECHR) in the judicial classification and study of the international crimes, it is logical to assume that all of the classifications of the events and matters that are connected to atrocities and mass murders should get their reviews in the frameworks of existing or specially created (ad hoc) legal structures.

Unfortunately such is not always the case and affected groups and even communities, diasporas and arguably peoples themselves, strive towards the politicization of such situations to achieve leverage in the current state of international relations, seeking the answers not in the international courts and tribunals, but rather in political bodies of different states, that in truth cannot be competent to give neither legal, nor historical review of the atrocities believed to be falling under the classification of international crimes.

Such situation arose with the infamous case of Armenian “genocide” to which Armenian people and the widespread Armenian Diaspora of the world refers to as the “first genocide of XX century” [2]. For many years Armenians sought to recognize the atrocious events that

took place in 1915 in Ottoman Empire as “genocide” in different political structures of many states around the world (parliaments, executive structures, municipalities, etc.) to gain the political leverage and to pressure the successor of Ottoman Empire – Republic of Turkey for reparations and official apologies. In some instances they were able to succeed in formal political recognitions by some states in forms of resolution. In other cases certain provisions were introduced into legislation of such states as for example France, where the denial of Armenian “genocide” briefly became crime punishable by law (January 2012) [3]. But in many occasions they simply failed.

This article will show the hypocrisy and weakness of such approach and prove that despite all the attempts of Armenians to force the recognition of the 1915 events as genocide upon the states in the world it is clear that despite all their claims it remains neither historical nor legal fact, but simply a political myth.

Only recently the ECHR have made a decision that has become a precedent that nullifies any of the arguments of Armenians concerning what their call “historical facts and reality”. On 17 December 2013 in Strasbourg the Court made a ruling in the case of Perincek v. Switzerland [4]. Decision on that particular case has been expected by many around the world as some on the experts pointed out that it was crucial for the discourse that is present in all the matters of relations between Turkey and Armenia. Thus it was as important for lawyers in their jurisprudence as well as to the international relations scholars and analysts.

The case starting point relates to the March 9, 2007 when Dogu Perincek was found guilty and fined by the court of Swiss Lausanne in the case instigated against him by the “Switzerland-Armenia” Association and accused with that he had participated in three instances in conferences in Switzerland in 2005 where he denied that Ottoman Empire have conducted the genocide against Armenians in 1915. The idea of Armenian “genocide” itself he called an “international lie”. When making judgment court of Lausanne held the accused guilty in racial discrimination in line with definition of the Criminal Code of Switzerland, due to the fact that his motives held

IMPLICATIONS OF THE PERINCEK V. SWITZERLAND CASE ON THE SO-CALLED ARMENIAN „GENOCIDE”

racial tendencies and was negative for the historical discussion of the question. With that basically depriving Perincek from freely expressing his opinions.

Perincek appealed the decision of court of Lausanne to the higher court, but was not successful. On 19 June 2007 the court of appeals of francophone canton of Vaud ruled that the Armenian “genocide”, just like Holocaust, was a proved “historical fact” [5] recognized by the Swiss legislative body falling under the provisions of the article 261bis of Criminal Code of Switzerland. The problem with the ruling is first of all that court of appeals of Vaud have referred in its decision not to any kind of international court or tribunal that reviewed the matter previously (due to the fact that such a body never existed and review never happened), but to the resolution of the lower chamber of Swiss parliament. Despite the fact that such resolution is non-legally binding document of political nature (not a law) and it was not adopted by the whole Swiss legislative body, but merely its lower chamber, the court of appeals ruled that the historical expertise should not be used during the trial as unnecessary. Nonetheless that court acknowledged that Perincek did not deny the fact of mass murder and deportations of Armenians, but merely the definition of such actions as “genocide”.

That ruling led to the decision by the Perincek to exhaust all of the instances of legal defense as there clearly were a very weak legal grounds in the decision of the court of appeals of Vaud. If we would take a look at the article 261bis of the Criminal Code of Switzerland it is evident that it is a general article that prohibits racial discrimination and in particular states that: “...any person who publicly denigrates or discriminates against another or a group of persons on the grounds of their race, ethnic origin or religion in a manner that violates human dignity, whether verbally, in writing or pictorially, by using gestures, through acts of aggression or by other means, or any person who on any of these grounds denies, trivializes or seeks justification for genocide or other crimes against humanity... is liable to a custodial sentence not exceeding three years or to a monetary penalty” [6]. So the article does not refer to any particular group or ethnic identity. That is why to use such an article the court needs an appropriate justification, which it found in the form of aforementioned resolution. Unfortunately, the court freely used a political resolution on the Armenian “genocide” of one of the chambers of legislative body that does not carry the legal authority of the law to enact the article 261bis into action. Even on the scratch that looks like the court overstepped its authority in that matter.

Moreover drawing an equality sign between the Holocaust and Armenian “genocide” based only on some resolution of one of the chambers of Swiss parliament is in its turn a very shaky ground as the tragic event of Holocaust have been proved in the international criminal tribunal with the decision of such a tribunal being a basis of the whole modern concept of international criminal law. The tragic events in Ottoman Empire of 1915 have never been reviewed by the international judicial body and to

this day cannot be compared to the Jewish genocide confirmed in the international law itself.

It was not surprising then that such a decision have led to extended debates between international law scholars and experts that were very much doubting the possibility of putting the resolution of the political body of any given state on the same line with the decision of international criminal tribunal and thus equalizing Holocaust and Armenian “genocide” claims. That tendency spread not only in Turkey and Switzerland (for obvious reasons) but throughout the world where scholars debated the weak legal decision and later “nodded agreement” on the later decision of ECHR [5] that will be discussed later here.

It has to be pointed out that trials of Perincek in Switzerland have been conducted in the specific atmosphere. It is possible that the decisions of the Swiss courts have been compromised by the work of Armenian propaganda, that during the whole process have used all its vast arsenal of informational offensive in media, street protests, personal threats, defamation, etc. Armenian propagandistic organizations are famous for their ability to manipulate the public opinions and directing the public pressure. It is very possible that the same trend followed the decision of the Federal Court of Switzerland that on 12 December 2007 have dismissed the appeal of Perincek.

With that Perincek have successfully exhausted all the instances in Switzerland; a requirement crucial to appeal to the European Court of Human Rights. Perincek have launched an application to the ECHR on 10 June 2008.

After the long five-year trial ECHR have finally ruled in favor of Perincek. The Court have held that the Turkish applicant was not in violation of the law of Switzerland when denying Armenian “genocide”. With that Switzerland itself was found in violation of article 10 of the European Convention on Human Rights that guarantees the freedom of expression. The Court also ruled that thought Perincek challenged the existence of Armenian “genocide” during multiple conferences in Switzerland, he was not by any means in abuse of his rights within the meaning of the article 17 of the European Convention on Human Rights. Moreover, the Court basically held the Switzerland responsible for the violation of one of the principles of freedom of expression, clearly underlining that one of the fundamental aspects of freedom of expression that distinguished a tolerant and pluralistic democratic society from a totalitarian or dictatorial regime was the free exercise of the right to openly discuss questions of a sensitive and controversial nature [4].

ECHR also acknowledged that it was not called upon to rule on the characterization of the events of 1915 in Ottoman Empire. The fact of the matter was that the existence of “genocide” is described by ECHR as a precisely defined legal concept that cannot be easily proved. It has to be pointed out that “genocide” indeed not a political, historical, sociological or any other concept – but a legally proven fact. So any other claims that are not a legally proven facts (historical opinions, political decisions, etc.) are moot and reflect only the opinions of

Kamal MAKILI-ALIYEV

the groups of people and not objective reality. In line with that ECHR was skeptical towards the possibility of general consensus on the events described as Armenian “genocide”, taking into account that historical research was by definition open to discussion and debate and it will not necessarily lead to final conclusions or assertion of absolute truth.

As it can be seen ECHR have distanced itself from the analysis and characterization of the events of 1915 in Ottoman Empire and concentrated on the matter at its hand. Moreover it has also pointed out that those States which had in some way recognised the Armenian genocide had not found it necessary to enable legislation that imposes criminal sanctions on individuals challenging the official views, being mindful that one of the main objectives of freedom of expression was to protect minority views capable of contributing to a debate on questions of general interest which were not fully settled [4].

In its decision ECHR assumes that the exact meaning of the term “genocide” in the rulings against Perincek is under doubt when article 10 of the European Convention on Human Rights in the second paragraph demands only clear and precise definitions of certain conditions [7]. At the same time ECHR recognized the validity of the argument of the Federal Court of Switzerland that Perincek through his statements on the conferences in Switzerland, where he called Armenian “genocide” an “international lie” was aware that he was making himself vulnerable to the possible sanctions under Swiss law. With that said Swiss governments intentions were at protecting rights of others such as memory and honor of relatives of those victims of atrocities that happened in Ottoman Empire in 1915. However, the Court found that the argument of Swiss government that statements of Perincek posed a serious threat to public order the insufficiently substantiated. Thus it was for the court to weigh up on one hand the rights of others (memory and honor of victims) and the freedom of expression of Perincek on the other hand.

Moreover, the court stressed out that Perincek was engaged in historical, legal and political discussion that constituted the part of the heated debate and that the characterization of the events of 1915 in Ottoman Empire were of great interest to the general public, hence the public debates, where the authorities’ margin of appreciation was limited.

ECHR have disagreed with the arguments of the Swiss courts that used in their decisions the notion that there was a general consensus, especially in the academic community, concerning the legal characterizations of the events of 1915 in Ottoman Empire. It stressed out that even the Federal Court of Switzerland have acknowledged that there were no unanimity in the community as a whole in regard of legal understanding of the atrocities. According to the applicants’ statements with which the Court have agreed – it was very difficult, almost impossible to solidify general consensus.

Moreover court had to point out that the political bodies of the Switzerland themselves had views that varied

from institution to institution. From all the states of the world only around twenty have had any kind of recognition of the events of 1915 in Ottoman Empire as genocide. Most of such “recognitions” have not originated in the governments though, but like in case of Switzerland in political bodies such as Parliament or one of their chambers.

ECHR have agreed with Perincek that “genocide” was a very narrow and clear legal definition. Example can be the judgment of International Criminal Tribunal for Rwanda, where the court have ruled that for the crime of genocide the atrocities must be perpetrated with clear intent not only to eliminate certain members of the given group, but all of that group or its particular part [8]. Such legal crime is always difficult to substantiate. Thus the ECHR have to agreed that the consensus to which Swiss courts have referred relate to this very specific points of law.

That particular reasoning provided by the ECHR clearly denies any allegations of Armenians that there is a consensus in the world on the intent of Ottoman Empire to destroy its Armenian population as a whole or in part. It is a first time actually that such a lack of consensus was proven in the international judiciary. Moreover, ECHR clearly states that this case has nothing to do with cases of denial of crimes of Holocaust. Because in such cases perpetrator have negated the crimes perpetrated by Nazis that had a very solid legal grounds. ECHR also pointed out that, unlike in the case of so-called Armenian “genocide”, the crimes of Holocaust had been found by an international court to be clearly established. Thus, the atrocities against Armenians cannot fall in the same line with such a narrow legal definition as “genocide”, as it was in the case of Jewish Genocide proven in the international court of law.

The European Court of Human Rights has come to the conclusion that Switzerland failed to socially substantiate the need to prosecute a person on charges of racial discrimination for his mere disagreement with the use of term “genocide” towards tragic events in Ottoman Empire of 1915 and after. ECHR have also taken into account two very interesting cases. First one, the decision of the Constitutional Court of Spain of 2007, have found it unconstitutional to criminalize a denial of crimes of genocide as it cannot be seen as a direct incitement to violence.

In the second case, French Constitutional Council in 2012 has declared unconstitutional the law that criminalized the offense of negating existence of genocides recognized by law. Council has substantiated the decision by proving that such criminalization would be incompatible with freedoms of expression and research.

With all the other arguments in row backing Perincek’s rightful position ECHR had no other choice but to declare that the basis for the conviction of Perincek by Swiss authorities were in fact insufficient, not to say unjust. With that ECHR had actually eliminated the possible censorship loophole to suppress the expression of criticism to matters of public debate.

Then, it has to be pointed out that the historical significance of this decision of ECHR cannot be

IMPLICATIONS OF THE PERINCEK V. SWITZERLAND CASE ON THE SO-CALLED ARMENIAN „GENOCIDE”

overlooked. It is a first time that the issues of so-called Armenian “genocide” have got any kind of legal review on the international level. Though it was not for ECHR to decide on the legal characterization of the events of 1915 and in subsequent year that have taken place in Ottoman Empire, it has nonetheless clearly identified the differences of the situation from proven genocide in case of Holocaust, pointing out that Armenian “genocide” is not a historical fact. In atrocities that happened to Armenians in 1915 the main components are lacking grounds to be able to identify such a narrow legal definition as genocide. Unlike the Rwandan genocide in case of the alleged Armenian “genocide” there is no clear legal basis or the judgment of the competent international judicial body, where the intent of Ottoman Empire aimed at destruction Armenians as a whole group or in part, could have been put to question.

It has to be pointed out though that for now the decision of ECHR is not yet binding, due to the fact that according to the articles 43 and 44 of the European Convention on Human Rights the Chamber judgment is not final. During the three-month period following its delivery, any party may request that the case be referred to the Grand Chamber of ECHR. If such a request is made, a panel of five judges considers whether the case deserves further examination. In that event, the Grand Chamber will hear the case and deliver a final judgment. If the referral request is refused, the Chamber judgment will become final on that day [9].

With that in line after the debates in the Swiss political and social circles and media Swiss government have finally decided to use its right to refer the case to the Grand Chamber of ECHR. As it is stated in the statement of the Swiss Federal Office of Justice: “Switzerland’s primary interest is in clarifying the scope available to the domestic authorities in applying the criminal anti-racism provision laid down in the Swiss Criminal Code (Art. 261bis CC). Switzerland created this penal provision, which entered into force on 1 January 1995, to close loopholes in criminal law and enable the country to accede to the UN Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination” [10].

No doubt that though such a legalistic goal is set as primary target for Switzerland there is a lot of politics behind it and there are a lot of pressure points from the Armenian lobbying as it was backed by the official statements of the leaders of the Republic of Armenia as a reaction to the decision of Swiss authorities [11]. At the same time that decision provoked understandable disappointments from the Turkish side [12].

Given the circumstances it is only left to hope that ECHR will not take the case under the consideration of Grand Chamber, and if still considered, ECHR will uphold the decision of the Chamber. With that the Court will truly show that it is an independent and non-political judicial body that is immune to pressure from politicians and lobbyists when making its decisions.

Strikingly one other case comes to mind when analyzing the Perincek case. Such events as the massacres and other atrocities in Khojaly, Azerbaijan in 1992 perpetrated by Armenian armed forces with support of

the Russian 366th infantry regiment during war in Nagorno-Karabakh have not yet had their characterization in the Court of law as well. Though widely believed to be genocide, scholars nonetheless agree that the final characterization of the event should be given by the court of law on the international level.

While discussing massacre in Khojaly there are undoubtedly seen elements of the crime of genocide. It is quite clear that the murderous acts committed in Khojaly carry evidence that can be identified as *actus reus* of the crime of genocide. It has to be pointed out that such acts were not limited only to Khojaly that have taken place during the Nagorno-Karabakh conflict’s active stage. *Mens rea* of the genocide is very hard to prove and less clear in case of Khojaly. However, such actions of the Armenians as setting up ambushes in advance, following refugees on helicopters and orders given by radio suggest that *mens rea* of genocidal acts have formed prior to the commission such acts. Moreover, it is quite evident that in the case of Khojaly Armenians chose the target group as “Azerbaijanis” and intended to destroy parts of this group [13].

Precisely because there are clear elements of possible crime of genocide in the event there is –like in the case of Armenian “genocide” – a clear need for international judicial opinion to clarify the character of the event. It is a pity that so much time is passing by but there are no judicial decisions on Khojaly massacre and other tragic events of Nagorno-Karabakh conflict.

For some time there is a need for the *ad hoc* international criminal tribunal to be set up for the investigation of the international crimes perpetrated in Nagorno-Karabakh conflict using the models of International Criminal Tribunal for Former Yugoslavia and International Criminal Tribunal for Rwanda. These two institutions have proven themselves capable of delivering justice and setting up new horizons for the international criminal law. Moreover, calls for such a tribunal to be set up for Nagorno-Karabakh conflict have been there for some time already [14].

Such an *ad hoc* tribunal will be able to address the issues of characterization of Khojaly massacre as well and establish the just and objective facts to bring justice and honor of the victims of these horrible events. As for the Armenian “genocide” political lobbyists, they have to finally acknowledge that such categories can be characterized only in the judicial instances and through the implementation of international criminal law in an international court. One international justice body has already proven that Armenian “genocide” cannot be considered a historical fact. With their actions such political lobbyists are actually making matters worse for Armenian people, as such decisions of the international judicial bodies may actually convince international community that “genocide” claim is a political myth and nothing more. That may even force some states to nullify the resolutions they have already adopted and backtrack on “recognitions”. It would be wise then for Armenians to seek justice in courts and not in parliaments.

Kamal MAKILI-ALIYEV

Bibliography

1. Matthew C. Weed, *International Criminal Court and the Rome Statute: 2010 Review Conference*, 10 March, 2011, CRS Report for Congress, <http://www.fas.org/sgp/crs/row/R41682.pdf>
2. For example, Armenian Church, *The Armenian Genocide 1915-1923*, <http://www.armenianchurch-ed.net/armenian-heritage/armenian-genocide/remembling/>
3. Armenian Weekly Staff, *French Council Finds Bill Penalizing Denial Unconstitutional*, 28 February, 2012, <http://bit.ly/1ieA6kX>
4. EHCR Registrar, *Criminal conviction for denial that the atrocities perpetrated against the Armenian people in 1915 and years after constituted genocide was unjustified*, Press Release, 17.12.2013, <http://hudoc.echr.coe.int/webservices/content/pdf/003-4613832-5581451>.
5. Ray Smith, *European Ruling Ignites Freedom Debate*, IPS, February 15, 2014, Switzerland, <http://www.ipsnews.net/2014/02/european-ruling-ignites-freedom-debate/>
6. Criminal Code of Switzerland, article 216bis, http://www.admin.ch/ch/e/rs/311_0/a261bis.html
7. European Convention on Human Rights, article 10.2, http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_ENG.pdf
8. Case Law of International Criminal Tribunal for Rwanda, para. ii, http://www.hrw.org/reports/2004/ij/ictr/3.htm#_Toc62641390
9. European Convention on Human Rights, articles 43, 44, http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_ENG.pdf
10. Perinçek: Switzerland requests referral to Grand Chamber, Press Release, FOJ, 11.03.2014, <http://bit.ly/1hrARoJ>
11. News.am, *We welcome Swiss government decision of Perincek case – Armenian President*, <http://news.am/eng/news/198982.html>
12. Swissinfo.ch, *Turkish anger as Swiss appeal Perincek decision*, <http://bit.ly/1omTtL8>
13. Kamal Makili-Aliyev, *Enforcement of International Law in Nagorno-Karabakh Conflict*. - Tbilisi: Universal, 2008, p. 75, <http://bit.ly/Nw809V>
14. *Ibid.*, p. 89; Elkhan Mehtiyev, *Armenian-Azerbaijani conflict: Prague Process and Current Status of Negotiations*, 2006, http://anl.az/el/q/qarabag_6/q-13.htm; Elchin Mehdiyev, *Special tribunal should be created for prosecution of Khojaly genocide perpetrators*, Trend, 26 February, 2014, <http://en.trend.az/news/karabakh/2246324.html>; etc.

Roman MEREUTSA,

PhD student at the Institute of Political and Legal Research
of the Academy of Sciences Republic of Moldova

PRIORITY OF INTERNATIONAL LAW IN THE NATIONAL LEGISLATION

The problem of understanding the principles and norms of international law is directly related to the definition of their functional purpose, designating the place in the array of tools, admissibility and their direct applicability. The interest is to strengthen constitutional legal provisions relating to the relationship between national law with international law. These standards, in one way or another affect the relations contained in the Constitutions of most European states.

The phrase “generally recognized norms of international law” are written in the Weimar Constitution of Germany 1919 in art. 4: “... the generally recognized rules of international law are a mandatory part of the German Empire.” In the future, this method was applied by other countries.

Because the national legal system is very similar to the Roman-Germanic countries due to the need to learn from the experience of constitutional development, this contributes to its orientation in the EU legal environment. The constitutions of most European countries are covered by rules related national legislation with international law. Paragraph 2 of art. 10 of the Spanish Constitution (1978) provides rules relating to fundamental rights and obligations, in accordance with the Universal Declaration of Human Rights, international treaties and agreements on those matters ratified by Spain.

In the Constitution of this country, we can find a chapter “International treaties”, which states that signing international treaties on human rights and freedoms, agreements, their modification or cancellation prior consent of the Spanish Parliament (Article 94) “However, the Spanish Constitution does not contain provisions for priority of international treaties over national legislation.

Italian law and the Constitution reflect very rare ability to regulate the standards of international law in the national legislation. “Italian justice agrees the generally recognized norms of international law” (Article 1 Constitution of the European Union 10). Using a legal act of non-specific term “agreement” leaves many questions.

Ireland accepts the generally recognized principles of international law as its own code of conduct in its relations with other states (paragraph 3 of Article 29 of the Constitution.). international agreements must not

violate national law, provided by their Parliament (paragraph 6 of Article. 29).

Rules of international law are an integral part of federal law Federal Republic of Germany (Article 25 of the German Basic Law of 23 May 1949). These rules take precedence over national laws and create rights and duties directly to the people living in Germany. If a dispute arises regarding a specific question, which concerns an integral part of federal law that directly generates temperament and individual responsibilities, the court shall obtain a solution (Federal Constitutional Court (Part 2 of Art. 100)).

In some cases, the legislature uses a declarative rule presentation. Since the Greek Constitution (1975) says: “Greece, due to the generally accepted rules of international law, seeks to strengthen peace, justice, and to develop friendly relations among nations and states (paragraph 2 of Article 2.). But, following more special status: accepted norms of international law and international agreements ratified and enters into force in accordance with the terms established by each of them is an integral part of Greek law and take precedence over any contrary provision of law.

According to art. 55 of the Constitution of the French Republic (1958) ratified or approved treaties or agreements, from the moment they are published, by overcoming the power of national laws, subject to agreement by the other party. No international legal norm is not applicable if it is contrary to the Constitution.

Portuguese Constitution (1976) contains provisions relating to the benefits of international law art. 8 states: “The rules of the general principles of international law are an integral part of national law.

Basic Law stipulates that international treaties ratified or approved properly enter into force after its official publication and implementation is mandatory for the Portuguese State rules coming from the competent international organizations, including Portugal, acting direct into national law, as set out in the respective constituent treaties. “As is clear from the text that refers to the mechanism of action in the internal system of international law, but there is no certainty in differentiating these standards. Use of the word” generally recognized norms and principles “are preferred because they provide a comprehensive regime.

Roman MEREUTSA

Concisely expressed by Japanese law “agreements concluded by Japan and established norms in international law (Article. 98 of the Constitution of Japan) - to be faithfully respected.” However, it is worth discussing the position of the Government of Japan on the issue of the relationship between the Constitution and international law. According to him, some contracts are subject to the Constitution, as others have a priority before it. This includes bilateral political and economic approaches, contracts containing “accepted norms of international law and treaties,” which refers to “matters of vital importance to the future of the state, such as an act of surrender and peace.”

Of particular importance in relation to the trend of increasing convergence of interests of the Commonwealth of Independent States acquires understanding of constitutional structures of these countries, within the study of their interactions.

Charter CSI is one of the few documents that contain principles of international law, and even if they are listed in the article, it determines the direction of achieving the objectives in the relationship between the two, you can still imagine their importance for national systems. Regarding the priority of international law in the domestic legal system, not all CIS countries were willing to admit it. Indicative of this is the Constitution of Ukraine. Constitution draft contained a similar provision in Article. 15 and in the Constitution of Russia. Some of the country's legal system as a universal principle recognized norms of international law and international treaties. However, Parliament has not agreed to recognize these principles and rules of state and were limited to the ratification of the treaty.

Constitution of the Republic of Azerbaijan provides in Article 11 that the country builds its relations with other countries based on international law and the generally recognized principles, including the following: the sovereign equality of States, non-use of force or threat of force, territorial integrity and inviolability of borders, settlement of disputes by peaceful means, non-interference in internal affairs of States, respect for human rights and freedoms, equality of peoples and their right to self-determination and cooperation of states conscientious fulfillment of international obligations.

Legislators from many countries, promotes a general trend reflected in national law with international law, to take the constitutional order that provides guidance to the principles and norms of the international application in various sectors of society. The Constitution of the of the Kyrgyz Republic (v. 16) refers to the generally recognized principles and norms of international law only in connection with the provision of basic human rights and freedoms. Constitution of Uzbekistan said that foreign policy is based on the principles and norms of international law, the most important of these are listed in (Article 17). The Constitution of Republic of Moldova (article 8 paragraph. 2) gives priority to international standards only in cases of non-conformity of national covenants, laws and treaties on fundamental human rights.

All the CIS and Baltic States that establish their supremacy constitutions that do not allow any conflict of

laws, regulations, international agreements, to ensure the mandatory publication of contracts use. But at the same time, not all states recognize the advantage of international treaties and standards that exceed national laws. This provision is provided in the Constitution of Lithuania, Estonia, Tajikistan, Uzbekistan and Ukraine.

In those states whose Constitutions provide that this disposal is worded in a way that emphasizes the priority of the country's Constitution and the need to ratify international treaties. Only after treaties are ratified they can become part of the national legal system. Characteristic are also the provisions of art. 6 of Constitution of the the Republic of Armenia: “Treaties on behalf of Armenia applies only after their ratification. Ratified international treaties are a fully legal. Where appear clearly differentiated rules than those provided by law, they have no legal force. Contrary to the Constitution, treaties can be ratified after making necessary changes in the Constitution. “It should be recognized that lawmakers need to consider how to develop the Constitution, according to the progressive development of the world community. On the other hand, this approach violates the principle of stability of the Constitution.

Legislators in several CIS countries do not allow the conclusion and entry into force of international treaties that contravene fundamental constitutional norms, the Republic of Belarus (Article 8), Georgia (Article 6), Kazakhstan (Article 4), Moldova (Article 8), Ukraine (Article 9), Estonia (Article 123).

Even a relatively superficial analysis of a number of Constitution can show the problem of convergence of international and domestic legal rules, is given little attention, also to the accepted norms of international law and international treaties that become part of domestic law after ratification.

We can mention that the concept of “general principles of international law” common in Constitution failed, but at the same time, the constitutions of this principle is defined as a principle of international cooperation. This is largely due to differences in the adoption of the Constitution and the formulation of the basic principles of international law in the basic documents of the international community. However, the current legislation of several countries in different shapes affect some of them. A common approach to this question does not exist. Of course, the desire to create a set of juridical uniform in every state is doomed to failure, there is danger that the law loses its identity. We only get a certain universality in the integration process.

Perception of national legislation, international law is based on the realization of national interests. The concept of national interests of the Republic of Moldova is presented by the two legal acts “Moldovan National Concept” and “Foreign Policy Concept of the Republic of Moldova”.

The main idea of foreign policy is conceived by “primacy of national interests of the country.” Interests are specified as follows: the country's security, protecting human rights and freedoms, favorable external conditions for democratic reforms and financial and administrative mobilization for creating effective market economy, providing a place and a role to the country.

PRIORITY OF INTERNATIONAL LAW IN THE NATIONAL LEGISLATION

We should note the importance given to international law as the basis of foreign policy and the means necessary to protect national interests. R. M. foreign policy “Is based strictly on the basis of international law.” It is quite natural that such activities will not be possible without proper guidance of internal law. Deserves attention, the need to create “global community of law.” Conceptually, the implementation of internal and external ideas of interest of the state will find a real basis in the universally recognized principles and norms of international law.

It is logical to assume that the priority will be the development of legislation on the absolute protection of rights and freedoms. Achieving rights and fundamental freedoms is a reflection and embodiment of the state of law, pluralism and democracy.

All details of the use of individual rights are set nationally. Therefore, the central requirement of the European Convention on the rule of law in accordance with national law is a consequence of the interpenetration and interdependence of national and international law. But full national legal order depends on the perfection of the law, the proper attitude of the entire legal system. It is important not only to strengthen the basis of the national constitutional interaction with the international community, but also to set an effective mechanism for implementing the legislation.

Once the international community attaches great importance to respect the basic principles of international law for each state, the main task lies on the national rules. International mechanism shows not only an auxiliary role “clean” some flaws. Concern for respect of the national legislation and its compliance - is both a concern for the approval of state of law and human rights, concern for the implementation of commitments under the European Convention. Neglecting of the national legislation on individual interests involves a violation of the relevant provisions of the Convention. In recent years, these provisions of the Constitution, in different variants replicated in many laws and regulations are announced to the strict observance and implementation of all legal issues.

The state, it's national policy is based on principles of the Constitution and the generally recognized norms of international law. Moldovan legislation in the field of international law comes to apply this concept into reality.

In modern legal science, the problem of the relationship between international and national law has a special place. Theory of law has not paid sufficient attention to this problem. Long time scientific understanding was based on the principle of the interdependence of the two systems. Integration processes taking place in the international community, led to the formation of different conceptual approaches to the problem of correlation between national and international law.

The fact of their mutual recognition of equality and the principle of the same legal validity are felt in the domestic and international standards.

It is unacceptable in the modern world imposing of the power factor, often defined by the primacy of the relationship between national and international law. It is unacceptable application of military force and “dictating terms” interaction between countries.

Ability to guide national legislation on international legal system gets real, when is analyzed their relationship based on dualistic doctrine. This concept allows to pay independent attention to the system development, on the one hand, and on the other - to find something common in them. It is quite clear in this connection, the role of generally accepted principles of international law. Universal validity of this predetermination is based on the manifestation of the principles of international law.

Optimal interaction principles of these systems is not only a necessary condition for the effectiveness of the international legal system, but also an index of politeness of national law. Currently, a set of basic principles have been developed significantly and ensures their implementation. Quite naturally, the focus is on establishing an effective mechanism for introducing the principles and norms of international law in the legal system of the Republic of Moldova, their adjustment and removal of any ambiguity. In this connection, it seems irrational to formulate regulatory definition of the principles and provisions of international law into national law. Statement required by Article 111 of the Constitution and the organic law that establishes the special status of Gagauzia. Analyzing the meaning of Article 15 of the Russian Constitution we determine juridical distortion of reality: while the constitutional provisions have a direct effect on the whole territory of Russia, and the principles and norms of international law and international treaties and standards must be checked in the legal system.

Provisions of the Constitution establishes the priority of generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Republic of Moldova to enforce the national legislation more responsibility. An important role can have the Ministry of Justice.

In order to improve the regulation of relations based on international agreements, it is advisable to publish official reports of the Ministry of Foreign Affairs and European Integration from the entry into force of treaties as provided by the Law of “International Treaties of the Republic Moldova”.

The current level of development of legal science raises the need to adjust the general theory of law based on scientific evidence, with the international and domestic law.

Roman MEREUTSA

Bibliography:

1. Constituția Republicii Moldova, art 4,8.
2. Osmochescu N., Aplicarea dreptului internațional în ordinea juridică internațională a Republicii Moldova, aspecte teoretico-practice. Revista Națională de drept Nr. 3 martie 2006.
3. Suceveanu N., Buiuc S. Respectul pentru drepturile omului în contextul integrării europene a Republicii Moldova. Analele științifice ale USM, vol-I, 2006.
4. Бобров Р.Л. Основные проблемы теории международного права. - Москва, 1968, с. 35.
5. Дурденевский Б.Н. Пять принципов // Международная жизнь, 1956, №3. с. 45.
6. Карташов В.Н. Принципы права //Теория государства и права. Учебник / Под ред. В.К. Бабаева.- Москва, 1999, с. 222-234.
7. Конституции зарубежных государств / Сост. В. В. Маклаков, 2-е изд. - Москва, 1997, с. 456.
8. Корецкий В.М. «Общие принципы права» в международном праве. - Киев, 1957, с. 45.
9. Курс международного права. - Москва: Наука, 1989, Т. 2, с. 5-6.
10. Левин Д.Б. История международного права. - Москва, 1962, с. 56.
11. Лукашук И. И. Нормы международного права в правовой системе России (Учебно- практическое пособие).- Москва, 1997, с. 9.
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - Москва, 1997, с. 595.
13. Петров Д.Е. Отрасль права. Автореферат дис ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2001, с. 13.
14. Поленина С.В. Теоретические и практические вопросы реализации в национальном законодательстве положений ст. 15 Конституции РФ. //Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия. - Н.Новгород, 1996, с.20.
15. См. Ст. 2 Устава ООН. В кн. Действующее международное право. В 3 т. Т1 /Сост. Ю.М. Колосов и Ю.С. Кривчиков. - Москва, 1996, с.9.
16. Талалаев А.Н. Два вопроса международного права в связи с Конституцией РФ. //Государство и право. 1998, №3, с. 70.
17. Тункин Г.И. Теория международного права Под общей ред. проф. Л.Н. Шестакова. - Москва: Зерцало, 2000, с. 173.
18. Хартли Т.К. Основы права Европейского сообщества. - Москва, 1997, с.145-171.

Резюме

Взаимоотношения между национальным и международным правом предусмотрены Конституцией. Общепризнанные нормы международного права являются составной частью обязательного закона. В большинстве конституций многих европейских стран действуют правила, связанные с национальным и международным правом. Устав СНГ предусматривает приоритет международного права в рамках национальной правовой системы. Конституционное право (статья 8) отдает приоритет международным стандартам Республики Беларусь (статья 8), Грузии (статья 6), Казахстана (статья 4), Украины (статья 9), Эстонии (статья 3), не допускает заключения и вступления в силу международных договоров, противоречащих фундаментальным конституционным нормам. Различия в конституциях стран и основные документы международного сообщества определяют международное сотрудничество. Это желание “Юридической униформы” каждого государства угрожает состоянию личности и человечества. В настоящее время мы можем говорить только о некой универсальности в процессе интеграции. Проблема требует исследования.

Сергей АРНАУТ

Судья Апелляционной Палаты г. Кишинэу, докторант

ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ

Согласно положениям ст. 53 Конституции Республики Молдова [1, стр. 18], лицо, ущемленное в каком-либо своем праве властью посредством какого-либо административного акта или неудовлетворением прошения в установленный срок, может добиваться признания своего права, отмены акта и возмещения ущерба. Возможность оспаривания в судебную инстанцию незаконного акта, вынесенного каким либо органом власти, регламентируется статьей 11 Гражданского кодекса [2, стр. 8] как основной способ защиты гражданских прав, в том числе и прав окружающей среды. Через положения данной статьи устанавливается судебный надзор за актами, вынесенными властью, что является эффективным методом.

Согласно части 2) статьи 94 Закона об окружающей среде, [3] административные акты, с помощью которых ущемляются права и законные интересы, предусмотренные законом в области окружающей среды, могут быть обжалованы в административном суде в соответствии с Законом об административном суде.

Однако процедура оспаривания административных актов, принятых с нарушением положения законодательства об окружающей среде, или же которые ущемляют законное право и интерес какого-либо лица, предусматривает на начальном этапе формулировку и подачу петиции, посредством которой выражается несогласие с актом (решением), принятом ранее.

Таким образом, способ рассмотрения заявлений граждан Республики Молдова, которые были поданы в государственные учреждения, предприятия, институты и организации (в дальнейшем обозначенные как органы) с целью защиты их законных прав и интересов, определяется Законом о подаче петиций. Согласно данному Закону, его положения распространяются на порядок и способ рассмотрения заявлений, поданных на имя организаций, созданных на основании закона и от имени коллективов, которые они представляют, а под действия его попадают – иностранные граждане и лица без гражданства, чьи права и законные интересы были ущемлены на территории Республики Молдова, включая и те, которые определяются в сфере окружающей среды.

В настоящем законе под петицией понимают любые заявление, жалобу, предложение, обращение, поданные компетентным органам, в том числе предварительное заявление, которым опротестовывается административный акт или прошения, нерассмотренные в установленный законом срок. Данное условие обусловлено в статье 14 Закона об административном суде. [4]. Таким образом, предварительное заявление направляется в издавший его орган. Если орган, издавший административный акт, подчиняется вышестоящему органу, то предварительное заявление может быть подано по выбору заявителя как в орган, издавший административный акт, так и в вышестоящий орган. В случае если лицо не удовлетворено ответом, полученным на предварительное заявление, или не получившее такого ответа в предусмотренный законом срок, оно вправе обратиться в компетентный административный суд.

В данной доктрине утверждается, что подача предварительного заявления в издавший его орган или же в вышестоящий орган является обязательным этапом в процессе рассмотрения искового заявления в административном суде. Несоблюдение данной процедуры влечет за собой, как правило, возврат искового заявления в суд согласно требованиям, предусмотренным в пункте а) части 1) статьи 170 ГПК [5, стр. 149].

И в конечном итоге, заявители, считающие, что их права ущемлены, и не удовлетворены решением, принятым органом, либо лицом, которое рассмотрело заявление, имеют право обратиться в административный суд в 30-дневный срок со дня ознакомления с принятым решением, если согласно закону обращаются непосредственно в судебную инстанцию, либо со дня получения ответа на предварительное заявление, либо если в данный отрезок времени не получили ответа со дня, когда такой ответ должны были получить. В случае когда, заявитель не получил никакого ответа в установленные сроки – со дня, когда он должен был его получить. В случаях, когда заявитель не получил никакого ответа в установленные сроки, он укажет это в своем поданном заявлении, а административный суд потребует от него соответствующий ответ.

Сергей АРНАУТ

Целесообразность ссылки на нормы законодательства обосновываются с точки зрения эффективности «предварительного» механизма защиты прав и законных интересов окружающей среды, которые в многочисленных случаях существенно уменьшают усилия задействованных субъектов в восстановлении ими своих прав, либо в получении ими же возмещенного ущерба. Имеется в виду та ситуация, при которой если удовлетворено предварительное заявление и заявленное требование, заявитель тем самым избегает другие процессуальные ступени (оспаривание акта в административный суд, впоследствии и оспаривание судебного решения), тем самым экономя время, финансовые средства (которые гипотетически необходимы для найма адвоката), а также и возможные смежные расходы.

Следует отметить также, что подача предварительного заявления предполагает обязать администрацию, издавшую данный акт, добровольно высказаться по данному поводу, по смыслу его отмены, или же в отношении отзыва данного оспариваемого административного акта, а также и предпринимаемых потерпевшей стороной мер в кассационном порядке, что исключает тем самым возможность заявившего лица обратиться затем в административный суд для разрешения своих разногласий [6, стр. 122].

Право на подачу иска осуществляется путем подачи искового заявления в компетентный административный суд. Заявление подается в письменной форме и должно соответствовать установленным требованиям в статье 166-167 ГПК. Истец должен соответствовать следующим значительным требованиям:

1) условие о его процессуальном качестве – истец должен располагать дееспособностью, правоспособностью, а также располагать процессуальным правом [5, ст. 57, 58];

2) условие об его ущемленном признанном законом праве. Закон об административном суде отражает необходимость подачи иска не только потерпевшей стороной в каком-либо признанном законом своем праве, но также и другими лицами, в интересах третьих лиц, из которого следует защита какого-либо субъективного права, которое было ущемлено в отношении данных лиц.

В связи с данными утверждениями, в специальной литературе вырисовывалось мнение о разграничении административного порядка на субъективный и объективный порядок [7, стр. 233].

Административный суд отражает те действия, в которых сформулирована задача, связанная с субъективным правом или же с личным законным интересом, посредством которой должно исследоваться, если типичный административный акт или же такой же смежный акт нанес ущерб субъективно существующему правовому положению.

В случае объекта административного ряда, истец преследует своей целью защитить какое-либо свое право или же свой законный интерес, и в данном контексте проверяется, если были ущемлены какие-либо его права,

представляющие собою по содержанию определенное правовое положение общего характера или же частного порядка, и если был или нет нанесен ущерб каким-либо общим законным положениям.

Считаем, что в задачах, касающихся защиты прав и интересов окружающей среды, допустимы обе формы административного суда.

С иском заявлением в суд на отмену незаконного акта, выданного государственной властью, может обратиться физическое либо юридическое лицо, чьи права или законные интересы в сфере окружающей среды были нарушены.

С таким же иском заявлением в суд может обратиться и прокурор, если через принятие такого акта нарушаются интересы государства и общества [5, ст. 71, 72].

Более того, в случае любого посягательства на окружающую среду (будучи объявленной как ценность общественного значения) путем принятия какого-либо административного акта, исковое заявление в суд может быть подано, кроме прокурора, и неправительственными организациями в области охраны окружающей среды для защиты прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц и на условиях, установленных в статье 73 ГПК.

3) Условия оспаривания административного акта или же нерассмотрение в определенный срок заявления.

Могут быть обжалованы административные акты, изданные государственной властью (например, Министерством окружающей среды, Государственной экологической Инспекцией и/или другими подведомственными им учреждениями), за исключением тех административных актов, которые отражены в статье 4 Закона об административном суде. Для исключения любой поверхностной интерпретации судебными инстанциями определения «административный акт», Высшая судебная палата установила, что он определяется как односторонний административный акт, на основании которого и для исполнения требований закона возникает для появления или же погашения каких-либо правовых отношений в области административного права [8, стр. 2].

Нерассмотрение в установленный срок заявления о признании определенного права предусмотренного законом, включает в себя 2 величины, которые, как правило, применимы и при вопросах экологического характера:

а) отказ принять заявление;

в) если не ответили заявителю в установленный срок (30 дней) со дня регистрации заявления.

Приравниваются к административным актам и договоры административного ряда, заключенные с органом власти, согласно прерогативам данной государственной власти, которые имеют право пользования и управления данным имуществом, представляющим общественную собственность (оспаривание договоров о сдаче в концессию участков, подвалов,

ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ

водных разделов, лесов, находящихся в их собственности), исполнение работ общественного значения (строительство дамбы), оказание общественных услуг (выдача разрешений в области окружающей среды, оказание услуг по снабжению водой, эвакуации и очистке сточных вод).

4) Условие, о том, чтобы акт происходил от публичной власти. Из содержания статьи 2 Закона об административном суде, который определяет что такое публичная власть, исходит, что все категории властей, то есть публичных органов государства (Министерство окружающей среды и учреждения, подчиненные ему), включая органы местного публичного управления, которые могут быть ответчиками в процессе рассмотрения дела в административном суде. Из данного определения исходят также и лица частного права или же физические лица, которые оказывают публичные услуги и которые приравнены к данным публичным властям. Судебная практика отмечает, что и профессиональные организации, ассоциации, фонды и НПО, которые проводят деятельность такую же, как и публичная власть, приравнены к публичным властям.

5) Условие соблюдения процедуры предварительного обращения, описанные выше. Административный суд рассматривает заявление согласно положениям Закона об административном суде.

Основания для принятия судебной инстанцией решения, согласно которому отменяется акт, вынесенный публичной властью, составляет противоречие данного акта закону, то есть его незаконность, а также и нарушение этим изданным актом прав и законных интересов окружающей среды физических и юридических лиц.

Несоответствие изданного акта положениям законодательства в области окружающей среды может соответствовать: в неправильной интерпретации либо в неправильном применении закона при принятии данного акта; принятия акта органом публичной власти с превышением своих полномочий или нарушение процедуры принятия его; влечет за собой привлечение к ответственности, которое не определено в нормативном акте, а также и по другим нарушениям. Незаконный акт должен нарушить право либо законный интерес в области окружающей среды того лица, которое обратилось в судебную инстанцию. Эти условия должны объединяться между собой.

В то же время, мы склоняемся к мнению, что при разрешении этих вопросов в области административного суда, в категории таких дел, в которых является нарушение какого-либо права или же законного интереса в области окружающей среды, должны учитываться и некоторые специфические условия.

Таким образом, согласно статье 21 Закона об административном суде, с подачей заявления о приостановлении исполнения обжалуемого административного акта может быть подано в административный суд одновременно с подачей искового заявления. В то же время для того, чтобы было распоряжение о приостановлении исполнения, ущемленное лицо в своих

правах должно доказать обоснованность своих требований, включая и тот факт, что приостановление преследует конечную цель предотвратить возникновение существенного ущерба. Эта мера является абсолютно обоснованной в тех случаях, когда административный акт, прямо или косвенно связан с вопросами окружающей среды. Таким образом, отказ от приостановления действий по обжалованному акту, либо затягивание дела по его решению могут повлечь за собой отрицательные последствия для окружающей среды (например, загрязнение о загрязнении окружающей среды, нерациональное использование природных ресурсов, разрушение либо уничтожение природных элементов и т.д.).

Положения Закона об административном суде применимы и в случаях ущемления прав на получение информации об окружающей среде. В то же время Закон о доступе к информации предусматривает аналогичную процедуру оспаривания, согласно которой любое лицо, которое считает, что востребованная им информация в области окружающей среды была игнорирована кем либо, либо ему было ошибочно отказано в ее получении, частично либо полностью, или же считает, что получило какой-либо акт или необоснованный ответ, либо основания для отказа не были определены в письменной форме или же его заявление не было принято во внимание, может оспаривать решения, действия или упущения данных действий, как во вне судебном порядке, так и непосредственно в административном суде, согласно компетенции.

Что же касается статуса органов власти, акты которых могут быть обжалованы в случае ущемления права на получение информации в области окружающей среды, подчеркиваем, что согласно Закону о доступе к информации, они обозначены категорией «поставщики информации». Таким образом, в статье 5 указанного закона, поставщиками информации, то есть лицами, владеющими официальной информацией и обязанными предоставлять ее лицам, запрашивающим информацию, в соответствии с настоящим законом являются:

а) центральные и местные органы публичной власти - предусмотренные Конституцией Республики Молдова органы управления государства, а именно: Парламент, Президент Республики Молдова, Правительство, публичное управление, судебная власть;

б) центральные и местные публичные учреждения - организации, созданные государством в лице органов публичной власти, финансируемые из государственного бюджета, целью которых является реализация административных, социально-культурных и иных функций некоммерческого характера;

с) физические и юридические лица, которые на основании закона или договора с органом публичной власти, публичным учреждением уполномочены управлять общественными делами и которые собирают, производят отбор, владеют, хранят, располагают официальной информацией, включая и личного характера.

с) физические и юридические лица, которые на

Сергей АРНАУТ

основании закона или договора с органом публичной власти, публичным учреждением уполномочены управлять общественными делами и которые собирают,

производят отбор, владеют, хранят, располагают официальной информацией.

Литература:

1. Конституция Республики Молдова, от. 29.07.1994, в: МО №.1 от 12.08.1994.
2. Гражданский кодекс Республики Молдова, 2002, МО №. 82-86 (967-971) от 22.06.2002.
3. Закон об окружающей среде, №. 1515 от 16.06.1993, в: МО нр. 10 от 01.10.1993
4. Закон Республики Молдова об административном суде, №. 793 от 10 февраля 2000 года в: МО №. 57-58 из 18.05.2000.
5. Гражданский процессуальный кодекс Республики Молдова №. 225 от 30 мая 2003 в: МО 111-115 12.06.2003 года.
6. Zubco V., Pasacari A, Creu Gh. Административный суд. Chişinău, - Editura Cartier, 2005, 322 p.
7. Rociu Iu. Административная процедура, - Bucureşti. Hamangiu, 2012. 233 p.
8. Пояснительное решение Высшей Палаты Республики Молдова «О практическом применении в административных судах отдельных положений Административной судебной практики», №. 10 от 30 октября 2009 г. В: www.csj.md.

Summary

In the Republic of Moldova and the entire globe, breach of ecological legislation becomes a frequent and current problem. The Republic of Moldova, the fundamental laws in the respective domain Constitution of Republic of Moldova and are Law on Environmental Protection. Method of examination of RM citizens' petitions, addressed to state authorities is regulated by the Law on the petition, and the mechanism, forms, methods and conditions of resolution are imposed by article 14 of Law of Administrative Contentious. This article comes as a guidance in attention of litigants, where are stipulated obligatory steps provided by Law, that follows be covered for protection of rights and ecological interests.

Victor JUC,
PhD, professor, vice-Director of Institute of Legal and
Political Research, Academy of Science of Moldova

Liubovi CEBAN,
scientific researcher, Institute of Legal and Political Research,
Academy of Science of Moldova

THE CONTRIBUTION TO THE FOUNDATION AND DIVERSIFICATION OF THE INTERNATIONAL SYSTEM THEORY

The news and the importance of the addressed topic are determined by the opportunity of the re-conceptualization of a certain categories of specialty, given the structural changes of the international system and the world order reconfiguration which occurred after the Cold War. The world order sizes that are reported in the international system is expressed by two types of structures:

1. the polarity - in association with horizontal dimension defines the relationships between the main actors within a system, the powers is hierarchically structured and their composition varies from one historical period to another;

2. the stratification - concerns the vertical functionality of the relationship between actors and heterogeneous nature of asymmetric relations, especially between the great powers, which form the “heart” of the system and the other positioned to „semi-periphery” and „periphery”.

In turn, the polarity is limited to three types of structures of the international system and, respectively, three configurations of the global order: unipolar, bipolar and multipolar. According to W.Wohlforth supported by J.Mearsheimer, unipolarity is nothing but „a structure in which a state capabilities prove to be too large to be balanced”, it requires, in the opinion of S.Huntington, „a superpower, no significant major powers, and many minor powers ... superpower is able to effectively solve international problems alone or in a combination of other countries (a coalition of minor powers-*nn*) does not have the potential to impose conditions to change their actions”

[1, p. 35]. The bipolarity involves the two superpowers, at rules been in the many aspects conflicting, each dominating a certain part of the international system, and the rivalry is manifested either by competition to expand influence, including the application of different types of media, including, according to P.de Senarclens, the wars of satellite, or degenerates, according to K.Holsti, in a general conflagration which includes the both alliances. The multipolarity, clame S.Huntington, involves three or more major powers in the relation of competition and cooperation in conditions of relative equilibrium of forces.

K.Waltz consider that „the structural change is a revolution” that is produced in the ordering principle of a system or „a change in the distribution of capabilities between his units” [2, p. 141]. Referring to these positions J.Ruggie believes that the K.Waltz’s theory ignores the differences between systems composed of different types of units, but R.Keohane consider it to be „so general that hardly pass difficult tests she it sets itself” for such a construction. M.Kaplan the contrary, claims that are determined by the behavior changes, states a „disturbing sources outside the system”. R.Rosecrance also called states „a disturbing source” or „a greater extent if they are revolutionary elites do not have a secure control over a large amount of resources available” or „to a lesser extent, if they are conservative elites have secured control over a restricted amount of resources”. He defines four inherent determinants in any system: elite attitudes and the degree

Victor JUC, Liubovi CEBAN

of control that is exercised over resources, the availability and capacity of the resource controlled by the elite to control the distractions. The preliminary conclusion is that internal instability threatening the existence of the elite, is directly on the international spillovers and thus increases its degree of turbulence. Developed four structural elements that form a full cycle of system development, disturbance or input source, the mechanism regulating, environmental constraints and finally convert recorded phenomena, obtaining results from the conversion constraints, he distinguishes nine types of historical systems of international relations they share in two models: stable and unstable. The first includes „the eighteenth century” (1740-1789), „European concert,, (1814-1822), „shortened concert” (1822-1848), „Bismarck concert,, (1871-1890) and „postwar,, in 1945, and the second includes „revolutionary empire” (1789-1814), „concert demolished” (1848-1871), „imperialist nationalism” (1890-1918) and „totalitarian militarism” (1918-1945) [3, p.155].

Noting that the international system is designed as the direct connection between international structure and interaction facilities, K. Waltz insists that the M. Kaplan with his theoretical attempt called “action system” suffered failure because it “was not able to conceive in a useful way the international system in relation to its environment or to draw a boundary between them” and he is solidary with Ch. McClelland, that expressing the view that M. Kaplan equally popularized, and occult the systemic theory. K. Waltz also refuse the right to appoint theory to the development of R. Rosecrance, called it as a product that is more than an outline of the historical approach is considered to be a reductionist reason that „systems have no impact on actions and interactions of nation states” and attempt to correlate internal insecurity of elites with international instability proves to be unfounded, as extracted unfounded conclusion that „international politics of the periods 1789-1814 and 1918-1945 was bipolar”. K. Waltz denied the status of „systemic thinker” of the D. Singer, which aims to develop a „systemic perspective on international relations”, he noted can be subject to analysis in terms of reality system or units, mainly using statistical methods of investigation. B. Buzan and R. Little points out that according to D. Singer, the international system is „subsystemic dominant” while K. Waltz believes that it is „systemic dominant” and so to D. Singer the state behavior isn’t dictated by structure of the system, while for K. Waltz - is determined by the structure [4, p.53-56]. In turn, K. Waltz is blamed by A. Wendt to the weak theorization of the concept of the international system, derived from the insistence of methodological character to distinguish clearly between system structure and units structure, given that the first shall exclude any reference to the second, while in the case of constructivism, they are identical because they are mutually and is „can not talk about the structure without addressing to the identity and interests of the component units”.

Indeed, the findings of R. Rosecrance who assume that „type of the actors behavior determines the interna-

tional results” in some cases are logically forced and contradict the facts: the biggest destroyers of international systems defined by the American analyst have been Napoleon and A. Hitler, but the fact remains that they were not afraid to „overthrow internal constitutions,, of the periods that have preceded it. It is also doubtful and difficult to confirm the idea that the first fifteen years as postwar the role of regulating system were exercised by the United Nations Organization, but in our opinion rather served as a platform for ideological propaganda and to promote the block of uncommitted countries, but the international share of the alleged block was minimal, although in 1955 were adopted „principles Bandun” and in 1961 founded the Non-Aligned Movement.

In an attempt to explain the changing the international system of states, R. Gilpin elaborate the theory of rational choice based on some assumptions of microeconomic theory of rational choice, which he defines three types of change: through the interaction - refers to the change in inter-state relations one setting of the balance of power; systemic - aimed the general government of the system, the number of great powers and identity change of the dominant power, the manufacturer changes as the rule by a war within himself, broke either from challenges to distribution existing power or attempts to maintain it; changing systems - involves the fundamental transformation of actors and hence the nature of the system. The cyclical changes in the international system is determined by five principles: an international system is stable, that is in equilibrium if no state believes that the change is profitable; a state will seek to change the international system if the expected benefits outweigh the associated costs; a state would attempt to change the international system through territorial, political and economic expansion until the marginal costs of a future change are equal to or greater than the expected benefits; once they reach a balance between costs and benefits of the future changes and the expansion is reached, the economic costs of maintaining the status-quo tend to grow faster than economic capacity of the support; where if the imbalance in the international system is not exceeded, the system will change and will establish a new equilibrium that reflects the redistribution of power [5, p.35-36]. R. Gilpin argues that historically the international systems have been structured in three ways: an imperial or hegemonic control structure, where one state dominates the system; a bipolar control structure, where the system is controlled by two powerful states and a structure of balance of power in which three or more states regulate their mutual activities.

Therefore, according to R. Gilpin, the international system is centered on the nation-state form 1648, is subject to systemic changes, its stability or instability depend on the existence of a political and economic hegemon, how was Great Britain in the nineteenth century or prove U.S.A. after the 1945. The main mechanism for achieving the change was „the hegemonic war” or in terms of R. Aron „the general war”, it ultimately determines the state or states that will dominate and govern the system, the

THE CONTRIBUTION TO THE FOUNDATION AND DIVERSIFICATION OF THE INTERNATIONAL SYSTEM THEORY

motivational factors of the change have the territorial, socio-demographic and technological-military character. The authority of hegemonic power is declining, as domination costs begin to be higher than the benefits, and the opponents will not hesitate to challenge, thus challenging instability and imbalance, but that are resolved through war. Referring to the same issue of the decline of hegemonic powers, especially in the contemporary period, order which reflected upon the stability, B.Buzan stresses that it is eroding due to „exhaustion long-term economic by exporting inflation, capital and technology transfer, increase economic structural rigidity as a result of requests from experience sociopolitical power and success and disproportionate costs, especially military, which burdens the economy hegemony in relations with its rivals” [6, p.621].

St.Hoffmann assessing the R.Gilpin's theory, which considers that for a certain type of international economic order to function the hegemonic state must be stabilize the international monetary relations and trade, to ensure the redistribution of capital through foreign assistance and have a sanction mechanism actors that abuse the system [7, p.274-275], concludes that it „provides a better exposure to international economic system than a political one”, while in R.Keohane acceptance, it „does not reflect well the rise hegemonic unity and does not clarify why some opponents appear rather than others”. At the same time, aiming to contribute to elaborate a theory of hegemonic stability, R.Keohane argues that „the hegemonic structures of power, dominated by a single country, contributes mostly to the development of strong international regimes whose rules are relatively precise and well treated ... Expected, aspiring prophetic the American researcher in the early '80s of the twentieth century, the decline of hegemonic power structures announcing the portentous force decay international economic regimes corresponding” [8, p.271]: „the hegemony often has an important role, even enlightening in creating the international regime” but „the size and transaction costs mean that regimes are easier to maintain than to create”. In turn, trying to define novelty of content in theory of R.Keohane, but also marked by the realities of the Cold War, D.Snidal expressed the view that it is limited to the statement that „the main actors may impose a regime in the international politics, but the meaning which it prints collective action and concluded that the hegemony is broadly beneficial”.

Given as base the dominance criterion on the seas, international trade routes and points of strategic support and proposes two models of comparative analysis associated with two universal systems, agriculture and industry, the G.Modelski design the evolution of international relations in the form of five successive cycles: Portuguese (1497-1580), Dutch (1580-1713), two British cycles (1710-1783 and 1815-1918), followed by the American cycle, began in 1918 and was in full swing. The conceptual schemes of analysis foundation of G.Modelski by abstraction is based on agricultural or industrial units, embodying features of the international systems consist of the total of interconnection elements, but it is not absolutely essen-

tial to have a correspondent in reality: the models combines their different historical periods and „it is important to follow the system change compared with the two extreme points of conventional scale” [9, p.189].

R.Cox approaches the hegemony in neo-Marxist mind, in the purpose founded of A.Gramsci as the unit of structure and superstructure, ie the power based on production rule is expressed by an ideology that incorporating the compromise or consensus between dominated and dominant groups. R.Cox believes that the global hegemony can not be equated below the realistic aspect with the simply domination because the realism does nothing to perpetuate the rule of the two major players on the world, but also can not be treated either neoliberal acceptance, that public good to watch, as the neoliberal institutionalism proclaims not only the interests of hegemony, proposing to the world as being in the interests of all, although in the case of weak economic state exchange unrestricted proves to be less profitable or are in against them. The both theories are aimed at legitimizing the rule of the powerful and their annihilation can only be achieved through a joint effort of the players are in the periphery of the world system, with higher chances of success in terms of the inevitable crisis of capitalism. It is also noted that he recognizes the role of hegemony in the international stability, but also excludes the possibility of change, distinguishing „three structures of world order”: the liberal international economy (1789-1873), the era of competitive imperialism (1873-1945) and the order of neoliberal world (after 1945) [10, p.196].

Three models of hegemony are defined also by the I.Wallerstein, the United Provinces in the middle of the XVII century, the Great Britain in the midst of XIX century and the United States in the mid-twentieth century [11, p.401], but to R.Gilpin or G.Modelski contrast, believes that structural changes occur not horizontally but vertically, especially by expanding capitalist market, bearing in mind he is not „a single power dominating the system in a certain period of time but a structure in the form of three concentric circles, determined by the fundamental economic connections allows for control over the system-hegemonic power” [12, p.17]. J.Wallerstein defined triadic structure, which, in fact, turns out to be quite complex, comprising: the center - includes two categories of major powers: the countries that have global interests and have the potential to support them and the states that have the great influence on the formation and operation to follow the rules of international systems, especially those of an economic nature; semiperiphery - consist of three categories of countries: former central powers that are in a clearly downward situation, but continues to hold an important in the system, the powers to be, especially aiming to increase its role in the international relations and regional subsystems powers, whose interests and capabilities do not exceed the subregional still; periphery - includes the countries with underdeveloped economies and very low military capabilities, their security arrangements depend largely on the major international powers.

Victor JUC, Liubovi CEBAN

The sharing „center”, „semiphery” and „periphery” is defined on the base of periodization developments of the world system, being tracked the sovereign states trends to a certain type of structure: 1450-1640: the foundations of capitalist economy through the introduction and development of the monetary circuit at the European level, the trade and the exchange favored gradual the international communication; 1640-1815: the European communication system is formed as a result of „strengthening the national states by failing Habsburgs to convert the world economy into a global empire”; 1815-1917: is the period of European balance necessary to great powers for eliminate the wars; starting from 1917: the States are political entities and legal aim at building an organizational system - institutional relations [13, p.54-55]. B. Buzan and R. Little believes that I. Wallerstein developed a solid theoretical model, but wrongly ignores the political-military world system, the eliminating costs in this sector is very high.

The historical periodization of the world system developed by J. Wallerstein needs more detail, especially referring to the initial period, as proposed, according to St. Hoffmann, „a developed scheme based on the particular analysis of events”. The contextual periodization of international systems proposed by F. Pearson and J. Rochester the contrary, require less chronological specifications, except argumentation the line between the last two stages: 1648-1789: the international classical system; 1789-1945: the transitional international system; 1945-1973: the postwar international system; from 1973: the contemporary international system [14, p.56]. In our acceptance, the F. Pearson and J. Rochester wrongly forced the significance of superpower global détente, which adds the policy of „oriental” of West German Chancellor W. Brandt and the end war in Vietnam: these authors showed a excessive dose of optimism, in reality this period did not last even half a decade and gave the way to the logic confrontation that is the natural to the bipolar world, and from extended aspect, taking as a basis the alternation cooperation / conflict ended with the Cold War.

I already stated that M. Kaplan is one of the first researchers who conducted a consistent attempt to apply the systematic analysis to investigate the International Relations, addressed as fully integrated. The understanding of the International Relations, according to American researcher's opinion, is through the notions of „structure”, „balance”, „stability” and „dynamic changes” of international systems. With disagree of R. Aron, he distinguishes between the states of the „balance” and „stability”, considering that the equilibrium can be unstable. The global international relations, stresses M. Kaplan, form a single and very stable system, which is moved over such variables as the number, type and behavior of state actors, their military and economic potential: the international processes and their interconnection defines „structural and behavioral systems that takes place in different historical periods” [15, p.157]. He distinguishes six types and four varieties with title of particularise and complement of the international system, including the six macro-types of international policy two are historical realities, the balance of power and flexible pole system and four, or

veto individual, rigid bipolar universal and hierarchical construction is no more than hypothetical.

The balance of power is characterized by the following features: the nation states are the sole actors in the international political subsystems lack of role differentiation; the core subject of concern is security best actors, each trying to reserve more security than the share its share of joint military potential of the system, there is stochastic and unpredictable growth of production and the absence of compensatory increases the risk reduction activities increased stability of the system; each actor, including the great powers, whose number shall not be less than five, needs allies to assert purpose and is therefore interested in maintaining vital potential coalition partners. The rules of behavior for actors in this multipolar system are: to expand the possibilities, preferably through negotiation than using wars, but at the same time it is better to wear a war than to not be able to expand the possibilities; better to finish the war than to destroy the great power; to oppose any coalition or nations seeking to dominate in the system; to consider the great powers as acceptable partners, to enabling to the defeated country to include in the system with the right as acceptable partner etc. When the powers are governed by these rules, the system of balance of power works in the following manner: the coalitions having as support are specific interests, are temporary and short-lived because the permanent undermine the necessary balance to ensure the safety of all members system; the states pursue in wars for limited purposes, respect the rules and not get involved in the internal affairs of other actors. We believe that the order of non-interference in the internal affairs of other states refer only to relations between the great powers, that especially after the Congress of Vienna from 1815, were widely used the principle of balance of power and joint diplomacy became important institutions of the European concert, assuming, according to D. Armstrong, a particularly managerial role in the international system by acquiring the right and responsibility to exercise a form of tutelage minor player, tutelage that gave them extensive powers to intervene in their internal affairs and to keep to some extent under the control of foreign policy.

The flexible bipolar international system is characterized by the following features: the presence of two blocks, each headed by a leading actor; the differentiation of inside roles, the system heterogeneity is enhanced especially by the appearance of the Third World countries and creating the international government organizations; the presence of nuclear weapons. The operating rules of the blocks are: prevailing the tendency to expand their possibilities in comparison to other block; it is better to go to war at all costs that to enable adverse block to occupy a dominant position; it becomes obvious the tendency to subject its goals the goals of the universal supranational actors and the objectives of the opposite block should be subordinated to the goals of the universal actors; is ubiquitous the striving to expand the building, but are tolerant towards non-aligned countries when the intolerance would lead directly or indirectly their referral to another block. M. Kaplan considered that depending of

THE CONTRIBUTION TO THE FOUNDATION AND DIVERSIFICATION OF THE INTERNATIONAL SYSTEM THEORY

the degree of hierarchical of inside relations the operation blocks approaches such rigid bipolar type or to multipolarity in case when the hierarchy it is watered.

The rigid bipolar system also meets two blocks, but differs from the previous type by the following distinctive features: the non-aligned countries and the international governmental organisation or disappear or cease to be of any importance; the blocks are organized strictly hierarchically within each pole the conflicts are regulated actually; they are not developed the integrative functions of intercession, being omnipresent a highly dysfunctional tension and lack of stability.

The universal system is like a federation of states and is defined as follows: the dominant role belongs to the universal actor; the international relations is conducted under certain rules, the responsibility for the operation returns to the universal actor: the system stability is determined by the relationship between the military potential of universal actor, on the one hand, and on the other, of the national actors. The indispensable conditions of the system are: a high degree of policy homogeneity of the international field; the solidarity between the national actors and the universal actor; the existence of a well-organized system of the political, administrative and economic integration.

The hierarchical system is nothing more than a world state, it can be democratic character when he formed on the base of the universal actor or on the base of the authoritative actor when required to block or winner hardest actor. The features of this type of system are: a high degree of integration and stability; the sharing system in the functional subdivisions called „the political systems”; the national states lose their importance, making simple territorial units, the centrifugal tendencies were immediately counteracted.

The individually veto system can be blocked by each player by means of blackmail, but also any actor may vehemently oppose to blackmail, being able to defend themselves from enemies.

Therefore, the most of the models developed by M.Kaplan bears the imprint of mainly theoretical constructions based modeling, but by comparative analysis of the behavior of actors it seeks to identify the source of international systems change and structural factors that are able to ensure its stability. In agreeing to, unlike K.Waltz the structure does not explain absolutely all the arrangements of the international system, but assigns an important role for theory in forecasting and development the behavioral schemes within a particular type of system, he stressed that it „must be able to provide the conditions under which the system remains stable and will turn any type of changes that will occur”. St.Hoffmann claims that the model of M.Kaplan can not include „the core of policy” because it is based on generalizations.

Another important aspect that aimed the polarity refer to determine the influence of distribution the power into the international system's stability, the opinions of the researchers vary depending on the number of poles, approached individually or in combination. Since the establishment of the system of international relations itself

the foundation for building the world order, the investigations are channeled to determine the most effective structures that providing the balance and stability, and they are treated as identical or differing. It is important to note that the vast majority of scientific elaborations are anchored on quantitative typology, although some researchers, such as A.Wendt generally reject this methodology, considering her constructivist spirit that is unfounded because it attempts to infer patterns of stability and peace by analyzing the different distribution of power between the state entities prove to be inadequate under the historical aspect without theoretical examination of how each state actors understand the nature and identity of the threats from other entities of the same type, since they „acting in socially constituted meanings that objects have for them” [16, p.329]. However, although considered that the best mechanism to study the international stability not is the using a variable number of great powers because also static analysis is proving to be an obstacle to focusing attention on the most significant processes of interaction between states, the modernists K.Deutsch and D.Singer by applying the sophisticated mathematical techniques conclude that the multipolar system that is composed of at least five major powers is historically more stable than those that include fewer major players [17, p.290]. In the multipolar order there is a relatively equal distribution of power among the major actors and therefore it is impossible for one to prevail over others, the orders that should essential restrain the violent nature options and to ensure the stability of the international system. K.Deutsch also stress the view that this system proves to be prone to internal structural instability, which is determined by the concentration of power in a coalition in the report format rather than three to two, but four to one.

Obtained using the statistical methods the dependence between the number of wars developed in the world arena and the number of centers of force, M.Haas identifies 21 international subsystems taking as the basic the „resource distribution” but „stability”/ „instability” is determined by the number of wars that have place. M.Haas concluded that the mono-polarity is distinguished by the highest degree of stability, the bipolarity is associated especially with the prolonged wars since some players trying to modify the „resource sharing” and in the multipolarity there are a large number of conflicts, but in the most times not cause the changes occurred in the system. In this context, the multipolarity is more stable than the bipolarity, meaning that the „stability” is designed to keep the number of centers of force, and „instability” is determined by the number of wars that taking place in the international system. P.Hassner the contrary, believes that the large number of centers of force likely to become a source of events rather unpredictable and uncontrollable disorder than retention, emphasizing in the bipolar world the nuclear balance between the superpowers was established. E.Mansfield and J.Ikenberry, especially the latter also considered that the unipolar order proves to be the most effective way of ensuring stability in the international system through capacity of hegemonic power to prevail over any coalition

Victor JUC, Liubovi CEBAN

and to intervene in the conflicts generating the instability by inhibiting the aggressive provisions [18, p.22-24]. D.Wilkinson also pronounce, which states that the „unipolar system ensures the most efficient internal stability and can last for several decades, the unipolar configuration has internal factors that adjusts by itself” [19, p.141].

Arguing that the „less” is better than the „small” K.Waltz expressed the view that the international systems that are less in number is more stable and their members appear to be able to more closely manage their benefit businesses mutually, the stable systems as „auto-consolidate because understanding the behavior of others, agreements with them and maintain control of their compliance becomes easier to achieve with a continuous experience”. Given the interdependence in the bipolar system is low and alliance leaders make up their own strategies based on calculations on interest, they are free to pursue strategic line drawn, which is directed by predilection towards meeting the main opponent. The superpower must face each other, the main constraints are caused not so much by the actions of their associates, as global adversary, while the dangers from the multipolar world are distributed diffusely, the responsibilities are unclear, the interdependence is high because states often put their resources to serve their common interests. In the multipolar system the power depend on each other, and „the difficulties emerge especially when some states threatening others, while alignments appear to be uncertain” [20, p.225].

J.Mearsheimer is more „offensive” than K.Waltz, arguing that under anarchy and the security dilemma the major players seek to maximize their relative power in relation to their own competitors, they aimed to establish hegemony. It defines the international structure by two criteria: the distribution of the present capabilities either view or latent in the system and the gap between the first two states. In the base of the first criterion are differs the multipolar and bipolar systems, and according to the second – the balanced and unbalanced systems. As a result of combining these criteria, the researcher identifies four types of systems: the multipolar balanced, the unbalanced multipolar, the bipolar balanced and the unbalanced bipolar, but also states that only the first three counterpart in reality. The multipolar systems prove to be more unstable and therefore more prone to war than the bipolar, and causes are the following: a large number of major players increases the opportunities for the war, because there are more situations of conflict; the asymmetries of power being given the priority at the expense of transferring responsibility to counterbalance, which makes it difficult to prevent the war; increases the risk of calculation errors of the relative strength, and the determination of states to achieve their interests. The unbalanced multipolarity is more prone to war than the balance as potential hegemon tends to force achieve the regional hegemony, ie, a high degree of fear in the other states, which may inspire them to adopt risky policies.

The world described by J.Mearsheimer includes revisionist states, he believes that relations between the great powers of the period 1792-1990 took the form of the conflict of players such invoice, while, for comparison,

K.Waltz the contrary, in the „defensive” spirit believes that the major powers tend to maintain the status-quo, while Ch.Glaser occupies an intermediate position, arguing that the state must strengthen the deterrence and defense capability, but without undermining the similar capabilities of other actors. The non-expansion multiple cases were due, as interpreted by J.Mearsheimer, successful deterrence, implemented mainly by counterbalancing of possible aggressors, and to a lesser extent, by passing responsibility, a role of „the balancer” also returns to the power water blockers and behavioral peculiarities of regional hegemon [21, p.132-133]. Ch.Kupchan subdue to analyze the J.Mearsheimer’s construction, identified some contradictions between the theoretical prescriptions, such as acquisition by U.S.A the continental hegemony in the nineteenth century, which was achieved either by war or by the lack of counterbalancing the other countries from the „new world”.

Researchers almost exclusively only the interstate relations in the strategic-diplomatic domain, R.Aron defines in the term of „configuration of power relations” two types of international systems and binomial „homogeneity/heterogeneity” is applied to determine how to ensure the balance and stability them. The system of multipolar balance is a result of compromise between the natural condition and the domination laws, the state recognize the right of each member to exist, tend to balance and show a certain degree of solidarity. The system of bipolar equilibrium is characterized by a higher level of the heterogeneity, the states are divided into three groups – the leaders of alliances, the states affiliated in the coalitions and the member committed in the conflicts. In this sense, the bipolar system does not prove to be more unstable and affected by war than the multipolar, but rather may cause a global war because every local conflict shook the international system. R.Aron not explicitly specify the type of system that would be more stable, but using the class balance of forces as defining instruments of investigation and overrated unfounded, in our opinion, the share of local conflicts in the international relations from the bipolar world (the International Relations are characterized as the „multiplicity of decision centers and, on this basis, the risk of war” [22, p.28], he believes, as a matter of fact and other researchers as M.Kaplan or St.Hoffmann that type of bipolar structure proves to be unstable compared to the multipolarity „in the bipolar systems, believes St.Hoffmann (compared with the multipolar structure - Ed) predominates rather the dialectic of hostilities” [23, p.81]. The idea shared by these three brand researchers is that it does not matter so numerically aspect for the system stability, but the relations between the poles, although naturally, can not be some differences from defining the role of structure: according to R.Aron, the constitution of the international system poles proves to be more relevant than their number, while M.Kaplan believes that the international politics in general appears to be dominated by subsystems, which erodes easily. We believe that R.Aron exaggerated in a somewhat measure the disturbing influence of conflicts and wars of subregional level on the stability

THE CONTRIBUTION TO THE FOUNDATION AND DIVERSIFICATION OF THE INTERNATIONAL SYSTEM THEORY

of bipolar systems, which are relevant to the bipolarity described by Thucydides, while K. Waltz correctly noted that in the contemporary world bipolar third parties, including the status of great power, did were not able „to distort the disastrous balance” between superpowers.

No St. Hoffmann not named open the most stable type of international system, but with R. Aron, tilts towards the multipolar balance that “actually worked” after the Treaties of Westphalia, even though it was „troubled ... by numerous limited wars, but they rarely affect the civilian population”. The contemporary bipolar system is characterized by heterogeneity in values and more levels of competition and rivalry, consisting of center that comprising the superpowers camps and the heterogeneous periphery, fragmented in subsystems depending on the degree of presence/influence of the two major players. The changing of the international system was followed by „general wars mediation, which ... were not always inevitable” [24, p.111], with deliberate actions of the revolutionary powers and revisionist states, which are caused by particular circumstances from provisional configurations. Developed the concept of stakes conflict as analytical tools include the basic structure of the system and technology state of the conflict, it is distinguish between the stable systems and systems revolutionary: the stakes of the conflict in a stable system are limited, and the relations between actors is characterized by moderation in the scale and means, while the revolutionary system is extremely unstable because the moderation disappears and in addition, there is a conflict or a technology revolution or a transforming of the fundamental structure of the world. In the outlined order of the ideas, the distinctions between the stable systems and revolutionary systems are determined by the binomial impact „the acceptance and agreement/non-acceptance and disagreement” over core the values and rules of conduct of the competition between the players, especially the hero. The stable systems and other times called „moderate” are characterized through the multipolarity in the distribution of power and by the homogeneity for the purposes outlined and the means used by states, while the revolutionary prove to be bipolar in the distribution of power and heterogeneous in the international actors qualities. Determining the features of „bipolar world political system”, St. Hoffmann simultaneously labeled as „so revolutionary as well as moderate” rightly invoking the possibility of „mutual assured destruction”. This „inconsistency” is called by K. Waltz „blur daunting” of the position, but also himself believed that „nuclear weapons make the bipolar world to be moderate”, even though, according to the findings of H. Mouritzen, which make more comments on Waltzian theoretical construction, it considers important in the context of his theory, although secondary to the distribution of the capabilities.

According to H. Kissinger, the international system is composed of elements that are in the interconnection and also in continuous motion, but the trajectories are determined only by the characteristics of the basic units. Although the „world order reflects the tendencies to always” its type depends on the aspirations of its stakeholders „who

configure” and as the international system components transform their character, „inevitably occurs during shaking” [25, p.734]. In this context he distinguishes between the legitimate international order and the international order revolutionary, in the first case this arrangement is accepted by all major powers and tends towards the stability and peace, while in the second, one or more major players reject it, in that it refuses to deal with other States in accordance with predetermined rules and become the apparent aspirations to instability and war. „The legitimate order does not invalidate the possible conflicts, but it greatly reduces the proportions, the wars occur only if carried out in the name of maintaining the existing structure”, while the revolutionary order form in the circumstances where one or more major players seek the modification of the international system overall”: „the distinctive feature of the revolutionary power is ... that nothing can appease her than the absolute safety, or destruction of the opponent, which is considered to be satisfactory guarantee: the desire for power to be absolute security means absolute insecurity for others” [26, p.90].

Reflect, in the opinion of H. Kissinger, the tradition of the Wilsonian internationalism in the treating of the international relations and spoke out on disarmament, H. Morgenthau argues that „the lasting peace established on a stable balance of power is built against a common moral framework, which expresses the commitment of all interested nations to respect a certain basic of moral principles, among which include the preserving the balance of power”: the disarmament help to establish the international order and defending the international peace through the improvement of the political situation, the easing of the tensions and mutual trust resulting in the interests of involved member [27, p.435-438]. M. Levy also is part in the universal formula of Wilson, arguing that „the priority objectives” in the international affairs „consist in the modernizing of the relatively nonmodernized societies and stability both within, and between relatively modernized societies”. But the pool of ideas was not an obstacle to pluralism of tactical opinions - if H. Morgenthau recommended the intervention in the internal affairs in the name of international political necessity, M. Levy believes that the national stability determines the international stability.

Limit themselves exclusively to research the contemporary international relations and considering that the pace of change the fundamental rules of their operation grew in the twentieth century, J. F. Guilhaudis divided the bipolar international system into three distinct periods: 1945-1962: the Cold War; 1963-1979: the relaxation; 1980-1989: the bipolarism entropy [28, p.73]. We emphasize that the inside periodization of the bipolarity by identifying the similar chronological limits are common, but in our acceptance, the beginning of the third period could be surpassed for years 1977-1978, from the Soviet deployment of nuclear missiles modernization of the European part of the country and the as response, call west German Chancellor H. Schmidt to place American missiles with medium range cruise in the countries of Western Europe. It should be noted

Victor JUC, Liubovi CEBAN

that in the bipolarity settle any international dispute requires „approval” of at least one of the two superpowers, but which are also the largest donor of foreign assistance and export of arms, while the great powers are limited to achievement or regional interests or sectoral character.

In an attempt to develop a stable international system model, R. Rosecrance proposes the „relevant utopia”, which is in essence a summary of benefits offered by the both bipolar system (the possibility to can control conflicts on the periphery), and of the multipolar (more options to avert a comprehensive conflict), the synthesis result is „bi-multipolar system”, where the major players are located on the regulators positions of conflict between the two poles.

Therefore, the polarity refers to the quantitative aspect of the research the international systems, the types of the structure are determined by the number of major centers of power and relations. Being in essence a term of realistic tone, the polarity defines the structure of relations between the key actors in the international system, they have the mission to maintain a world order configurations, and their mutual relations highlight the major power hierarchy within a historical period [29, p.42]. The poles are intrinsically subsystems that forming extreme points of the global axis which on is built the international system, they met, according to E. Batalov, different values and guidelines. The poles are system configuration on the available potential, allowing them to balance each other, they meet the guardian of the configuration of international order that they built it and it reflects needing each other to maintain the internal and external situation set, but at the same time seek to mutually annihilate, being competitors. With the disappearance of a pole crumbles building around the world that have built it.

Referring to the vertical dimension of the international order and hence the hierarchical structure of relationships between different powers in the international system, we must emphasize that St. Hoffmann is one of the few researchers who have proposed the typology based on both polarity as well as the international stratification, although in the latter case its elaboration is especially surface and its mission rather to complete the investigations. Unlike I. Wallerstein, that sharing the global system in terms of dependence, considering it organized in the formula world-economy, St. Hoffmann address the international system in terms of power, identifying conflicts between superpowers both globally and at the regional level, but he overlooked the rivalries between subregional powers in their geopolitical areas. But the theory of „world-system” of I. Wallerstein remains the most important achievement in scientific elaborations moored on the analysis of global stratification system, even if it is channeled mainly on economic size and not shown, according to St. Hoffmann how the development of the capitalist system influence on the evolution of international political organization and therefore face deficiencies in explaining the changes in the system.

It is necessary to note, however, that typologies based on the vertical structure of the international system meet less exegetes in the conditions of bipolarity and prove lower reference, one of the main reason being the realist

tradition of international relations on the horizontally to define in terms of polarity and conflict, especially between the major actors in the international system: the bipolar world, in terms that have been scientifically the international relations was shared on the West-East axis, between the capitalism and communism is characterized by heterogeneity and diversity. The qualitative typologies based on the analysis of the stratification of internationally system and oriented on the vertical dimension of the world order are found to be less relevant because an essential feature and also a deficiency of their most is economic determinism, while, as we noted, more especially in the United States the priority was given to other approaches, mainly the realistic, behavioral and liberal tone. Indisputable is that theories based on the description of hierarchies form the systems of state address major issues of international relations, reflecting both relations of domination and submission, as well as asymmetric cooperation. The minimizing the asymmetry and exercise the cooperation could be ensured through the international regimes, which is an expression of interdependence, are, according meanings of K. Goldmann, „more specialized arrangements ... that includes the activities, resources and geographical defined areas” [30, p.336]. However it should be noted that the terms „center” and „periphery” are becoming increasingly relative, since the structures and spaces with a status of „center” in a context prove to be „periphery” in another aspect and vice versa. From this perspective, according to M. Ce'kov the representations about the possibility within a more or less long of „globally unique center of power” can not be categorized differently than forced logic and naive, but not archaic, as Russian scientist claims.

The quantitative theories are built primarily on investigating the strategic-diplomatic relations, ie seek primarily to relations between the major powers, and the actors „less important” remain in the background, while the qualitative research refers propensity to the international economic relations and addresses both central and periphery of the world system shaped stands out less differentiated inner axis of global conflict is expressed through the binomial „hegemonic center/periphery exploitation”. The theories that are built on polarity research rooted on researching links between stakeholders and therefore the international relations not dealt with in fullness and diversity, while the elaborations based on analyzing relationships between the major powers and minor states in the world system as most of them are deterministic, shade leaves the horizontal relations, considered less conflictual than vertically, but without denying the existence of a hegemonic-power [31, p.43].

In conclusion emphasized as both a process and a state, the world order is limited to certain arrangements in the international system, which are determined by the structure and features of the international environment: it is a process that occurs because of the succession in history terms of various configurations of the international relations and also is a state as expressed in the form of shared interests and values, comprising all actors through their actions and their interactions form the structure. The

THE CONTRIBUTION TO THE FOUNDATION AND DIVERSIFICATION OF THE INTERNATIONAL SYSTEM THEORY

theories of international systems attribute to this abstract element-structure, the defining role, but the realistic traditions are concerned with its political dimension, while the neo-Marxist elaborations – of the economic aspects, few are plans to integrate them. The international systems makes and reflect different types of configurations of the world order and changes have occurred, as a rule, by wars [32, p.113]. The

„international order” reflected the nature of international relations under the „state-centrism” and are synonymous with the interstate relations, while the „world order” is an expression of the increasing degree of complexity, expressed especially through decentralization and multiplying the number of actors, but also extending from amplification processes of globalization and informatization.

Bibliography:

1. Huntington Samuel. The Lonely Superpower. În: Foreign Affairs, 1999, nr.78(2). p.35-42.
2. Waltz Kenneth. Teoria politicii internaționale. - Iași: Polirom, 2006. - 325 p.
3. Dougerthy J. Pfaltzgraff R. Contending theories of international relations: a comprehensive survey. - New York: Longman, 1990. - 534 p.
4. Buzan Barry. Little Richard. Sisteme internaționale în istoria lumii. - Iași: Polirom, 2009. - 469 p.
5. Griffiths Martin. Relații Internaționale: școli, curente, gânditori. - București: Ziua, 2003. - 439 p.
6. Buzan Barry. Economic structure and international security: the limits of the liberal case. În: International Organisation, 1984, № 38(4), autumn. p.597-624.
7. Guzzini Stefano. Realism și relații internaționale. Iași: Institutul European, 2000. - 472p.
8. Ibidem.
9. Dougerthy J. Pfaltzgraff R. Contending theories of international relations: a comprehensive survey. - New York: Longman, 1990. - 534p.
10. Griffiths Martin. Relații Internaționale: școli, curente, gânditori. - București: Ziua, 2003. - 439p.
11. Ibidem.
12. Miroiu Adrian. Evoluia sistemului internațional până la 1914. În: Manual de relații internaționale/ coord.: Miroiu Andrei. Ungureanu Radu-Sebastian. - Iași: Polirom, 2006, p.15-30.
13. Pușcaș Vasile. Relații internaționale/transnaționale. - Cluj: Sincorn, 2005. - 285p.
14. Ibidem.
15. Dougerthy J. Pfaltzgraff R. Contending theories of international relations: a comprehensive survey. - New York: Longman, 1990. - 534p.
16. Griffiths Martin. Relații Internaționale: școli, curente, gânditori. - București: Ziua, 2003. - 439p.
17. Ibidem.
18. Ikenberry John. Getting Hegemony Right. În: The National Interest, 2001, № 63, spring. p.17-24.
19. Wilkinson D. Unipolarity Without Hegemony. În: International Studies Review, 1999, summer. p.135-159.
20. Waltz Kenneth. Teoria politicii internaționale. - Iași: Polirom, 2006. - 325p.
21. Guzzini Stefano. Realism și relații internaționale. - Iași: Institutul European, 2000. - 472p.
22. Aron Raymond. Paix et guerre entre les nations: Paris: Calmann-Levy, 2-me ed., 1984. - 873p.
23. Hoffmann Stanley. Ianus și Minerva. Eseuri asupra teoriei și practicii politicii internaționale, - Chișinău: Știința, 1999. - 418 p.
24. Ibidem.
25. Киссинджер Генри. Дипломатия. - Москва: Центр Ладомир, 1997. - 848с.
26. Guzzini Stefano. Realism și relații internaționale. - Iași: Institutul European, 2000. - 472p.
27. Morgenthau Hans. Politica între națiuni. Lupta pentru putere și lupta pentru pace. - Iași: Polirom, 2007. - 735p.
28. Pușcaș Vasile. Relații internaționale/transnaționale. - Cluj: Sincorn, 2005. - 285p.
29. Juc. Victor. Aspecte ale stabilității și echilibrului sistemelor internaționale. În: Revista de Filozofie, Sociologie și Științe Politice, 2007, № 3, p.38-44.
30. Goldmann Kjell. Relațiile Internaționale: o perspectivă de ansamblu. În: Manual de știință politică. / ed.: Goodin Robert. Klingemann Hans-Dieter, p.353-374.
31. Juc. Victor. Aspecte ale stabilității și echilibrului sistemelor internaționale. În: Revista de Filozofie, Sociologie și Științe Politice, 2007, № 3, p.38-44.
32. Juc Victor. Edificarea relațiilor internaționale post-război rece: aspecte teoretico-metodologice și replieri geostrategice. - Chișinău: Sirius SRL, 2011. - 248p.

Резюме

Статья содержит междисциплинарное исследование двух блоков проблем – история международной системы и системы международных отношений после окончания холодной войны, рассматриваемых в контексте структурных преобразований. Системы анализируются с двух точек зрения - *полярности*, то есть, по горизонтали, как отношения между великими державами, и *стратификации*, то есть, по вертикали, между великими державами и другими государствами. Исследование относящиеся к полярности структуры международных систем преобладают в научной литературе, в основном по причине того, что международные отношения являются, прежде всего, отношениями между великими державами, а после окончания холодной войны и между крупными центрами силы.

Ключевые слова: международная система, структура, полярность, стабильность, трансформация.

Лилия ЛИТВИН,

кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии и международных отношений Восточно-украинского национального университета имени Владимира Даля, г. Луганск, Украина

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Национальные интересы занимают определяющее место в развитии каждого государства. Именно реализация национальных интересов обеспечивает функционирование государства как основного политического института, детерминирует развитие всех сфер общества, определяет динамику внешнеполитических процессов. Всем современным государствам необходимо сохранять и реализовывать национальные интересы. Но для определённых государств, таких как Украина, учитывая геополитическое положение, исторические факты и трансформационные процессы, национальные интересы имеют особое значение. Последние, исходя из вышеперечисленных факторов, обеспечивают независимость и суверенность государства, «воспитывают» гражданственность и патриотизм нации в современных реалиях. В этом и состоит актуальность данного исследования.

Цель работы заключается в определении и анализе национальных интересов Украины в контексте современных геополитических вызовов.

Проблема национальных интересов является довольно распространённой среди учёных Украины и стран постсоветского пространства, хотя фундаментальные работы в этом направлении принадлежат американским и европейским учёным: Арону Р., Моргентаву Г., Розенау Дж., Спайкмену Н. Исследования обозначенной проблемы находим в работах таких украинских учёных, как Белов О., Гончаренко О., Горбулин В., Дубов Д., Желиховский В., Запорожец Т., Матвиевский О., Кресина И., Липкан В., Максименко Ю., Шульга М., Юрий М. и др. Они рассматривают вопрос национальных интересов в русле геополитики, национальной безопасности, международных отношений. Так, Липкан В. рассматривает национальные интересы как элемент информационной безопасности государства. Шульга М. анализирует национальные интересы в контексте силового соотношения на мировой арене. Юрий М. соотносит национальные интересы и мораль.

В то же время открытыми остаются вопросы конкретизации национальных интересов Украины в контексте современных геополитических процессов

и интересов других государств, а также роль национальных приоритетов в становлении украинской государственности.

Одним из основных политико-правовых документов относительно государственных интересов является Концепция (Основы) национальной безопасности Украины. Этот документ предоставляет четыре группы основных национальных интересов Украины.

К первой группе относят интересы общегосударственного характера:

- сохранение и укрепление суверенитета и независимости;

- сохранение и укрепление унитарности государства;
- сохранение целостности территории в пределах существующей границы;

- отсутствие на территории Украины иностранных военных баз [3].

Вторая группа – это национальные интересы, отражающие внутренние отношения в государстве, касающиеся внутривнутриполитических процессов:

- укрепление и развитие демократии;
- закрепление верховенства права;
- внедрение и укрепление социальной направленности в политике государства;

- наличие и обеспечение реальной возможности защиты судом конституционных прав и свобод человека и гражданина на основании Конституции Украины как документа высшей юридической силы;

- утверждение и соблюдение приоритета прав и свобод человека в государственной политике;

- развитие, совершенствование и укрепление государственных механизмов реальной ответственности всех органов государственной власти перед народом Украины;

- усовершенствование механизмов формирования государственных органов власти и органов местного самоуправления, соотношение между указанными органами в целях укрепления народовластия;

- усовершенствование государственных и общественных механизмов, предназначенных для противодействия попыткам узурпации любым путем государственной власти;

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

становление трех ветвей власти, их реальной взаимной независимости;

всестороннее развитие украинского языка как государственного и его адекватное функционирование во всех сферах общественной жизни на всей территории Украины;

разработка и внедрение в жизнь государственной политики, направленной на консолидацию украинской нации, становление украинской национальной идеи, укрепление и развитие этнической и культурной самобытности коренных народов и национальных меньшинств Украины;

реальная гарантированность права собственности для всех граждан Украины;

наличие механизмов, не позволяющих использовать собственность в ущерб человеку и обществу;

реальная защищенность со стороны государства всех субъектов права собственности и хозяйствования;

реальное равенство всех субъектов права собственности перед законом;

социальная направленность экономики;

наличие механизмов, которые не допускают господство в государстве обязательной идеологии;

реальное отсутствие цензуры и ограничений по отношению к средствам массовой информации;

реальная свобода политической деятельности в рамках законов Украины;

наличие и адекватное текущим потребностям страны действие механизма системы экологической безопасности;

наличие и реальная имплементация в жизни страны государственной политики по сохранению генофонда Украинского народа;

наличие и эффективное функционирование в Украине общественного контроля за Вооружёнными силами, Министерством внутренних дел, Службой безопасности Украины и другими компонентами военной организации государства.

К третьей группе относятся национальные интересы, отражающие внешние отношения государства:

направленность стратегии и тактики внешнеполитической деятельности Украины на обеспечение ее национальных интересов и на занятие Украины в составе мировой системы государств места полноценного субъекта международных отношений;

соответствие внешней политики Украины принципам и нормам международного права;

наличие постоянно действующей эффективной государственной политики относительно украинской диаспоры [3].

Четвертую группу составляют интересы, касающиеся обороны государства и деятельности ее силовых органов: наличие Вооружённых сил Украины, военных формирований и правоохранительных органов, которые обеспечивают выполнение задачи обороны страны, защиты ее суверенитета, территориальной целостности и нерушимости границ, государственную безопасность и защиту государственной границы [3].

Таким образом, относительно Концепции (Основ)

национальной безопасности Украины государственные интересы Украины являются идеалистической стратегией развития государства, де-юре отражают основные цели во внутренней и внешней политике, характеризуются направленностью на реализацию национальной безопасности, сохранение курса на демократизацию и целостность общества, а также детерминируют развитие Украины как полноценного актера на международной арене.

Традиционно основной национально-государственный интерес включает три главных элемента: военная безопасность, экономическое процветание и развитие, государственный суверенитет как основа контроля над территориями и населением государства [5].

Последние события на территории украинского государства свидетельствуют о том, что на данном этапе Украина не в состоянии реализовать ни одну составляющую основного национального интереса. Во-первых, аннексия Автономной Республики Крым показала военную несостоятельность государства как такового и невозможность защитить целостность государства по объективным экономическим причинам и по причине военно-технического упадка. Во-вторых, трансформирующаяся политическая и экономическая системы не дают должного экономического развития и процветания, хотя динамика и эволюция, безусловно, имеют место. В-третьих, развитие сепаратистского движения в восточной части Украины, отсутствие консенсуса политики, искусственное обострение внутренних конфликтов, влияние других государств сводят к минимуму государственный суверенитет и корректный контроль за территорией и населением Украины.

Эти данные свидетельствуют о том, что реальная реализация приоритетов украинской державы не совпадает с задекларированными национальными интересами в Концепции (Основах) национальной безопасности Украины.

Целесообразно для корректного анализа уровня обеспечения национальных интересов Украины использовать классификацию американского учёного немецкого происхождения Моргентхау Г., который определяет следующие типы национальных интересов:

- постоянные или фундаментальные. К ним учёный относил такие приоритеты, как защита территории, населения и государственных институтов от внешней опасности; развитие внешней торговли и рост инвестиций, защита интересов национального капитала за границей; взаимоотношения с другими государствами и выбор внешнеполитического курса;

- промежуточные или преходящие, например, победа в вооружённом конфликте, создание альянса для достижения конкретной цели на данном этапе развития международных отношений, вступление в международную организацию и так далее;

- интересы выживания, то есть устранение угрозы самому существованию государства;

- жизненные интересы, то есть защита безопасности и благополучия нации от серьёзных потрясений;

Лилия ЛИТВИН

- периферийные или мелкие интересы локального характера [7, с. 97].

По данной классификации на сегодняшний день Украиной не реализуется такой основной национальный интерес как защита территории, населения и государственных институтов от внешней прямой и опосредованной опасности, влияния информационной и военной агрессии со стороны соседнего государства. Отсутствует единая стратегия внешнеполитического курса, а также адекватная защита своих национальных интересов на международной арене.

Приостановив в 2014 году стратегию евроинтеграции, украинское государство сделало невозможным обеспечение и промежуточных интересов, которые являются тактическим воплощением единой стратегии развития.

Искусственно детерминированный раскол общества и территории украинского государства представляет угрозу и интересам выживания – существованию единого государства и жизни каждого гражданина. Это, в свою очередь, делает невозможным обеспечение жизненных интересов населения и сводит на неадекватный уровень национальную безопасность государства.

Учитывая то, что национальная безопасность является одним из жизненно важных национальных интересов, а безопасные условия существования человека и общества, функционирования государственно-правовых институтов являются основой, плацдармом для их дальнейшего развития и удовлетворения других потребностей [4, с. 48], развитие всех сфер общества на данном этапе приостановилось.

Украинский исследователь Липкан В. замечает, что чем больше по территории государство, тем более глобальными являются его национальные интересы [4, с. 49]. Украина – большое европейское государство, находящееся в географическом центре Европы, поэтому национальные интересы должны вытекать именно из геополитического положения украинского государства, а не ориентироваться на геополитическое положение и интересы других государств.

Нельзя не согласиться с Липканом В. в его утверждении, что всевозможные концепции отнесения Украины либо к западной части Евразии, либо к восточной части Европы является ничем иным, как применением средств информационного влияния на формирование искажённого образа украинской державы. Находясь на пересечении цивилизаций, Украина является олицетворением интеграции различных культур, а, следовательно, и продуцентом интегрированных систем безопасности, инициатором и учредителем которых она и должна быть. Из этого следует, что геостратегическое расположение Украины предусматривает наличие национальных интересов в разных частях мира, требует разработки стратегий, программ и технологий их адекватного обеспечения [4, с.49].

Геополитическое положение Украины является как её богатством, так и основной проблемой государства. Российская федерация видит в Украине ту территорию, которая должна обезопасить границу

самой Российской Федерации без учёта украинских интересов, а также некоторую идеологическую подпитку империалистской политики. Как писал известный американский геополитик Бжезинский З., «Украина, новое и важное пространство на евразийской шахматной доске, является геополитическим центром, потому что само ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестаёт быть евразийской империей. Без Украины Россия все еще может бороться за имперский статус, но тогда она стала бы в основном азиатским имперским государством» [1, с. 110].

Европейский Союз и США рассматривают Украину как территорию распространения их ценностей и возможность противостоять политике Российской Федерации. Часто политическая элита Украины подвергается внешнему влиянию, случается грубая фальсификация национальных интересов, которые подменяются узкопартийными, субъективными, а иногда и клановыми интересами отдельных лиц, социальных групп, олигархических территориальных кланов. Это в свою очередь представляет серьёзную угрозу национальной безопасности Украины [4, с.50].

Поэтому основной целью развития Украины должно стать формирование действительной независимости и суверенитета государства с равными партнёрскими взаимоотношениями на международной арене, а также сохранение территориальной целостности. Только такой путь даст возможность существованию единого процветающего украинского государства.

По утверждению Липкана В., фундаментальный национальный интерес Украины, при реализации мощного потенциала большого европейского государства, заключается в том, чтобы занять адекватное своему желанию и возможностям место в мировом сообществе. Национальный идеал, цель, идея, потребности, ценности и интересы – те первоисточники, основные движущие силы системы Национальной безопасности. Составляя первооснову национальной безопасности, национальные интересы могут рассматриваться в качестве осознанных личностью и обществом, гарантированных государством целевых установок относительно необходимости существования и развития человека, нации и государства как единого организма [4, с. 50].

Трудно не согласиться с исследователем в том, что в качестве выразителя и гаранта защиты интересов должно выступать государство. Но стоит добавить, что при этом основная роль принадлежит политическим лидерам, а государство должно опираться на гражданское общество.

Таким образом, проведённое исследование позволяет определить, что без реализации основных национальных интересов государство прекращает своё становление и существование как самостоятельный политический институт и актер на международной арене. В свою очередь, основными или фун-

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

даментальными национальными интересами Украины на сегодняшний день являются следующие: сохранение территориальной целостности и суверенитета государственной власти, а также независимости; обеспечение национальной безопасности и безопасности граждан; становление Украины как полноценного субъекта принятия решений.

Мировая практика показывает определённые стратегии реализации национальных интересов. Относительно Украины предлагаем создать «Общенациональную программу реализации национальных интересов Украины», которая призвана систематизировать и конкретизировать работу в данном направлении и определить такие стратегии и тактические задачи обеспечения национальных интересов как :

ориентация на собственные геополитические интересы и своё экономическое процветание вне зависимости от других государств;

формирование гражданственности, патриотизма и ответственности за своё государство, а также национальной идентичности у политической элиты и других граждан через образовательные структуры, культурные программы, основные каналы коммуникации и т. д.;

развитие гражданского общества, сотрудничества государства и гражданского общества;

консолидация политической элиты и общества на основе национальной идеи, общепризнанной цели; консенсусная модель взаимоотношений;

усовершенствование информационной защиты и информационной политики вообще;

научное обоснование национальных интересов, их конкретизация;

построение военной и научной мощи государства, формирование боеспособной армии;

продолжение стратегического курса на евроинтеграцию, так как без евроинтеграционных процессов Украина не сможет реализовать свой потенциал полноценного европейского государства; учитывая кризисный этап развития Европейского Союза, именно Украина может стать одним из фундаторов переформатирования институтов и деятельности ЕС (эта тематика может стать перспективой дальнейшего исследования);

проведение корректной децентрализации власти без федерализации (анализ уместности федеративного устройства в Украине также является тематикой перспективного исследования), потому что федерализация должна быть постепенным эволюционным процессом, к которому государство должно прийти закономерным путём;

построение единой стратегии государственного управления национальными интересами с определением реальных возможностей и потенциала украинской державы;

конкретизация политико-правовых документов касательно национальных интересов и военно-стратегических направлений.

Только тогда, когда Украина начнёт твёрдо отстаивать свои национальные интересы и геополитические позиции, учитывая вышеперечисленные тактические задачи, она достигнет экономического процветания и политической стабильности.

Литература:

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска / Бжезинский З. - Москва: Международные отношения, 2009. - 280 с.

2. Закон України «Про основи національної безпеки України»: прийнятий 19 червня 2003 року [Електронний ресурс]. - Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/964-15>

3. Концепція (Основи) національної безпеки України [Електронний ресурс]. - Режим доступу : <http://www.w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc34?id=&pf3511=13342>

4. Ліпкан В. А. Інформаційна безпека України в

умовах євроінтеграції: [Навчальний посібник] / Ліпкан В. А., Максименко Ю. Є., Желіховський В. М. - Київ: КНТ, 2006. - 280 с. (Серія: Національна і міжнародна безпека).

5. Національні інтереси і проблема співвідношення національної та міжнародної безпеки [Електронний ресурс]. - Режим доступу : <http://www.vesna.org.ua/txt/drgluck/irteo/1T6.html>

6. Шульга М. А. Російський дискурс геополітики / Шульга М. А. - Київ: ПАРАПАН, 2006. - 524 с.

7. Morgenthau Hans J. In Defense of the National Interest / Hans J. Morgenthau. - University Press of America, 1982. - 306 p.

Summary

The article analyzes the national interests of Ukraine in the context of contemporary geopolitical processes; defined the primary role of national interests for the development of statehood. Designated the main problems in the implementation of the interests of Ukraine, as well as recommendations regarding strategy and tactical objectives of securing state priorities.

Keywords: national interests, national security, geopolitics

Валериян ДОЛИДЗЕ,

доктор философии в истории, Тбилисский
государственный университет им. И. Джавахишвили

США: МЕХАНИЗМЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДЕМОКРАТИИ И КОМИТЕТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ

Американские социологи своей книге дали странное название - «Деньги Разговаривают». (1) В этих словах отражается значение денег как средства контроля и формирования политического поведения. Они являются теми ресурсами, которые не только создают серьезные вызовы для демократии, но также являются необходимыми для ее нормального функционирования. Например, с каждым годом возрастают издержки избирательных кампаний, которые повышают потребность в политических финансах и делают демократию более дорогой. В этих условиях усиливается опасность установления жесткого политического контроля центров экономической власти за политической системой, которые владеют и контролируют движение этих дефицитных ресурсов. Поэтому перед современными полиархиями стоит задача подчинения политических финансов общественному контролю и их использования для практического осуществления реального политического равенства.

Реализация абстрактной идеи демократии в политике происходит в условиях сложного общественного ландшафта, который состоит из субъектов разной силы. Сила – совокупность всех ресурсов, которые необходимы для преодоления сопротивления. Они распределены непропорционально между разными общественными субъектами. Поэтому приближение к идеальному типу демократии требует превращения общественного неравенства в политическое равенство. Совокупность всех институтов, которые превращают общественное неравенство в политическое равенство, мы называем механизмами практического функционирования демократии. Одними из таких механизмов в политической системе США являются комитеты политического действия (КПД). По нашему мнению, на их основе сформировалась единая общественная система формирования, распределения, контроля и движения политических финансов, которая основывается на общественной активности и контроле и ориентирована на подчинение движения политических финансов широкому общественному контролю. В процессе ее функционирования происходит формирование политических финансов на

основе свободного выявления общественной воли, что расширяет общественную базу функционирования полиархии, способствует развитию массового участия в процессе артикуляции и агрегации интересов.

Эта система функционирует в условиях перманентного противостояния демократических и недемократических тенденций, но в условиях открытой политической системы и богатого населения демократические элементы пользуются преимуществами по сравнению с олигархическими.

1. Деньги и Демократия

С переходом США на индустриальную стадию развития американская полиархия оказалась перед серьезными вызовами, которые исходили из новых центров экономической власти - корпораций. Они старались с помощью политических финансов контролировать демократические институты. На эти вызовы политическая система ответила принятием такого законодательства, которое ограничивало свободное движение политических финансов и подчиняло его строго определенным правилам.

Известный американский экономист Милтон Фридман подчеркивал большое значение плюрализма центров экономических сил для ограничения политической власти и функционирования демократии [3]. По нашему мнению, такой взгляд упрощает реальную картину взаимоотношений между экономическими и политическими центрами власти, так как не предусматривает возможность их срачивания. В отличие от Фридмана, известный американский политолог Линдблом придерживается другого взгляда и указывает на взаимопроникновение экономических и политических центров власти в условиях современных полиархий. Он пишет, что «для американского законодательства корпорация является «индивидуумом»; во всех демократических рыночно ориентированных системах корпорации и другие коммерческие предприятия участвуют в политике. Корпорации доводят до сведения законодателей свои потребности и предпочтения с той скоростью, что и отдельные граждане. Но эти фиктивные индивидуумы выше и богаче, чем все мы; у них есть такие права, которых у нас нет. Их политическое

США: МЕХАНИЗМЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДЕМОКРАТИИ И КОМИТЕТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ

влияние отличается от влияния рядового гражданина и затмевает его. Поэтому демократическую теорию нужно дополнить, чтобы учесть то, что мы будем называть привилегированным положением бизнеса». [5,19] С самого начала своего возникновения американские корпорации стремились подчинить себе демократические институты, но наталкивались на сопротивление политической системы. Для достижения своей цели они старались использовать политические финансы, которые направляли на финансирование избирательных кампаний. Впервые финансирование выборов корпорациями становится явным во время президентских выборов 1896 года, а в 1904 году уже превратилось в политический скандал. В это время кандидат в президенты Паркер, который проиграл выборы, публично обвинил президента Теодора Рузвельта в том, что его избирательную кампанию тайно финансировали корпорации по страхованию жизни. Эти последние стремились получить от правительства такое законодательство, которое ограничивало право владельцев полисов вносить иски в судах против этих компаний. В результате этого скандала в 1907 году был принят закон Тилмана, который запретил корпорациям финансирование выборов.

2. Возникновение и распространение КПД

Практика ограничения движения политических финансов способствовала появлению комитетов политического действия (КПД), которые играют значительную роль в функционировании современной политической системы США. Первый КПД появляется в сороковые годы прошлого века. Причиной этого явилось законодательство, которое запрещало профсоюзам и корпорациям делать прямые пожертвования в пользу кандидатов и политических партий. В 1948 году Американская федерация труда - Конгресс производственных профсоюзов (АФТ- КПП) основала комитет политического действия, который снабжал профсоюзными финансами тех кандидатов, которые защищали интересы профсоюзов. С этого времени КПД постепенно укрепляют свои позиции в политической жизни США. Их появление основательно изменило практику финансирования политических кампаний. КПД являются такими организациями, которые собирают деньги от многих пожертвований и потом из собранной суммы финансируют определенных кандидатов. После осуществления пожертвований, доноры полностью теряют прямой контроль над политическими финансами и доверяют комитетам политического действия определения тех кандидатов, которые заслуживают финансирование. Появление первых политических комитетов поставило в равноправное положение богатых и бедных американцев. Они создали для них равные возможности влияния на политический процесс. По мнению американских социологов, большинство рабочих не имело возможности сделать значительные пожертвования в пользу кандидатов. КПД давал возможность профсоюзам

объединить пожертвования рабочих и с максимальной эффективностью использовать их. С этого момента быстро осознается значение КПД, и они начинают развиваться. [1,30] В процессе их распространения появляются разные типы этих комитетов – одни из них ориентированы на защиту материальных, а другие – нематериальных интересов и свою деятельность направляют на решение конкретных проблем; другая часть связана с определенными группами (корпорациями, профсоюзами) или отраслями; они могут быть также независимыми, идеологическими и т. д.

В США быстрое распространение КПД начинается с 70-х годов двадцатого века. Это явление совпадает с теми качественными изменениями, которые произошли в практике осуществления контроля движения политических финансов, в результате которого они были поставлены в более жесткие рамки. На распространение этих комитетов особенно сильное влияние оказало решение федеральной избирательной комиссии 1975 года, которое легализовало КПД корпораций в сегодняшней форме. Это решение, которое известно как решение SUN-PAC, создало правовую базу для развития комитетов политического действия. [1,30]

В семидесятые годы двадцатого века начинается новый период в истории развития практики финансирования выборов в США. В это время были приняты четыре закона, которые усилили государственный контроль движения политических финансов. С закона 1971 года начинается период реформирования финансирования избирательных кампаний. Он оставил в силе уже существующий запрет на финансирование избирательных кампаний корпорациями и профсоюзами, но допустил три исключения из этого правила. Новый закон давал право корпорациям и профсоюзам устанавливать коммуникации без ограничения тематики соответственно со своими акционерами и членами, а также их семьями; проводить среди них кампании с целью их беспартийной регистрации и принятия участия в выборах; просить их сделать пожертвования в пользу независимых фондов, которые могли быть использованы корпорациями и рабочими организациями для политических целей. [1,30] Но решение федеральной избирательной комиссии 1975 года, корпорациям давало право собирать деньги не только со своих акционеров, но также и со своих менеджеров, что означало изменение закона 1971 года. Первый закон, который осуществил авторизацию корпораций, был принят в 1971 году. Через три года, к концу 1974 года уже существовало 89 зарегистрированных в федеральную избирательную комиссию КПД. Но особенно быстро начинается их распространение после принятия федеральной комиссией решение SUN (конец 1975 года). Через год после этого, к концу 1976 года, количество зарегистрированных КПД составило уже 433 и продолжало расти [1,33].

Решение федеральной избирательной комиссии, которое дает право комитетам политического действия привлекать пожертвования не только своих акционе-

Валериян ДОЛИДЗЕ

ров, но также и своих сотрудников, некоторым ученым дает основания считать, что КПД корпораций не функционирует демократически, и корпорации могут практически воздействовать как на потенциальные, так и фактические пожертвования. [1,34].

3. Проблема демократизации политических финансов корпораций

Внутри корпораций принятие решений о выделении политических финансов реально находится в руках высших должностных лиц и выходит за пределы контроля как директората, так и акционеров. Поэтому демократизация политических расходов корпораций является значительной частью демократизации системы формирования, контроля и распределения политических финансов страны. 6 января 2012 года 21 неправительственная организация и лица потребовали от Комиссии ценных бумаг и обмена принятия такого правила, в соответствии с которым как политические расходы корпораций, так и политические пожертвования в пользу третьей стороны, произведенные выше определенного предела, подлежали разглашению для инвесторов, акционеров и общественности. Кроме этого, для акционеров должны были быть гарантированы права предлагать и принимать такие подзаконные акты, которые требовали одобрения акционерами общих политических расходов корпораций. [11]

Эта инициатива представителей гражданского общества явилась реакцией на те радикальные изменения, которые произошли в результате решения высшего суда – *Citizens United V. Federal Election Commission Decision*. Оно давало право корпорациям и профсоюзам без ограничения использовать деньги корпораций для независимых расходов и избирательных коммуникаций, которые были направлены против избрания определенных кандидатов или же на их поддержку. По мнению неправительственных организаций, это решение давало возможность производить неограниченные политические расходы, что существенно изменила ранее существовавшую практику корпоративного управления и нивелировала все процедуры и правила, которые контролировали его. Поэтому Комиссия ценных бумаг и обмена должна была создать новые процедуры корпоративного управления, основанные на ответственности и соответствующие новым условиям политического финансирования. По их мнению, если не изменится практика внутренней политики корпораций, у генеральных директоров всегда будут возможности бесконтрольного расходования денег из касс компаний без информированного согласия директоров и акционеров.

Перспектива раскрытия корпорациями информации о своих политических финансах во многом зависит от того, как политические расходы влияют на экономические успехи фирмы. Как показывают исследования, политические расходы негативно отражаются на деятельности фирм. Поэтому неудивительно, что их руководство заинтересовано в освобождении

фирм от политических расходов. Например, комитет экономического развития (*Committee for Economic Development – SED*) – неприбыльная и нейтральная ассоциация, которая объединяет до 200 высших должностных лиц корпораций и лидеров академических кругов, указывала на потенциальные проблемы, которые могли быть появиться в результате практического осуществления решения о *Citizen United*. Эта организация была встревожена теми изменениями, которые произошли в законодательстве о политическом финансировании в результате принятия этого решения. Она считала, что существующая практика привлечения политических финансов способствовала развитию *pay to play* ментальности, что превращало передачу политических денег в средство влияния на законодательное решение. По их мнению, такой спрос на деньги тормозил экономическое развитие и отрицательно влиял на финансовое здоровье нации, так как способствовал формированию таких поведений, которые не способствовали созданию устойчивых ценностей. Корпоративные ресурсы, которые должны были использоваться для инвестирования в производство или же в пользу акционеров, после принятия решения *Citizen United* будут потребляться для политической активности. Точку зрения этой неправительственной организации укрепляют данные, которые были получены в результате опроса в 2010 году 300 высших должностных лиц корпораций. Из десяти респондентов шесть считали, что существовала практика нажима с целью осуществления пожертвований в пользу политических кампаний; по мнению 77% – корпорации должны были открыть все свои прямые и косвенные расходы, включая те, которые были осуществлены в пользу организации третьей стороны, с целью использования для рекламы избирательной кампании; 93% респондентов считали, что правления корпораций должны были быть информированы как о прямых и косвенных расходах корпораций, так и о бенефициарах; 2/3 респондентов соглашались с мыслью, что недостаточная транспарентность и отсутствие надлежащего надзора в политической активности корпораций создавало для них правовой риск и опасность для их репутации [11,10].

Неограниченные и скрытые политические расходы уменьшают стоимость корпораций и не приносят пользу их акционерам. [11,12] Основание для такого вывода дают исследования взаимосвязи между стоимостью корпораций и их политической активностью. Например, John Coates показал, что как до принятия решения *Citizen United*, так и после него, между стоимостью корпораций и их политической активностью существовала отрицательная связь. В частности, среди S@P500, которые создают 75% рыночной капитализации тех компаний, которые находятся в общественной собственности, балансовая стоимость политических активных фирм была меньше стоимости пассивных фирм в отрасли. Такая ситуация существовала во всех избирательных циклах с 1998 до 2004 года. [11,13] Негативная связь между политической активностью

США: МЕХАНИЗМЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДЕМОКРАТИИ И КОМИТЕТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ

корпораций и их стоимостью еще больше усилилась после принятия решения о Citizen United. В 2010 году политически активные фирмы в среднем имели на 24% меньше балансовую стоимость, чем пассивные фирмы в отрасли. [11,13]

4. Цели и функции КПД

Американские социологи Томас Р. Дай и Л. Хармон Зиглер спрашивают, являются ли комитеты политического действия новыми политическими партиями? [5,183] Такой вопрос является легитимным, так как многие функции КПД и политических партии идентичны, что прикрывает те особенности этих организаций, на основе которых можно отличить их друг от друга. Американские ученые Г.Алмонд, Дж. Пауэлл, К.Стром, Р.Дальтон считают, что «КПД отличают от партии две главные особенности: 1. они не выдвигают своих кандидатов и не вносят их в избирательные списки под своим логотипом; 2. их в первую очередь интересует политический курс, проводимый тем или иным высокопоставленным должностным лицом, а не то, под эгидой какой партии он выступает. Исходя из этого, они обычно оказывают поддержку кандидатам от обеих основных партий, склонных решить те политические проблемы, которые представляются КПД приоритетными.» [3,495-496]. Но рядом с этими специфическими признаками, которые отличают политические партии от КПД, можно выделить целый ряд таких черт, которые сближают эти организации друг с другом. Часто политические партии называют «избирательными машинами». Но это название можно применить также и к КПД, к которым, по нашему мнению, оно больше подходит. Целями КПД являются селекция кандидатов для поддержки и обеспечение их победы на выборах. Для этого они не только обеспечивают финансовую поддержку своим фаворитам, но также выполняют ряд функций политических партий. Привлечение политических финансов требует выполнение функций политической социализации, что способствует росту политической активности общества и созданию социальных баз конкретных кандидатов. КПД связывают друг с другом общество и политическую власть, способствуют установлению двусторонних коммуникаций между ними, артикулируют и агрегируют интересы. Они ориентируют политиков на те проблемы, которые волнуют общество, способствуют подчинению политики общественным интересам. Поэтому не только корпорации и профсоюзы создают свой КПД, но также и другие группы интересов и профессиональные организации. Часто они представлены сетями комитетов политических действий, которые работают на разных уровнях политической системы. Например, Национальная ассоциация страховых и финансовых советников представлена системой комитетов, которые объединены под общим названием - Комитет политического действия Национальной ассоциации страховых и финансовых советников. В эту сеть входят как КПД, который финансирует Нацио-

нальная ассоциация страховых и финансовых советников (NAIFA), так и комитеты, спонсорами которых являются соответствующие ассоциации на уровне штатов. Все эти комитеты являются фондами. Они помогают тем кандидатам, которые понимают проблемы и интересы страховых и финансовых советников. Каждый гражданин может сделать пожертвования, но объектами ходатайства могут быть только местные ассоциации NAIFA. [8]

КПД Ассоциации американских медсестер (American Nurses Association Political Action Committee, -ANA-PAC) был создан с целью улучшения системы общественного здравоохранения. Для этого он собирает деньги от местных ассоциаций, которые являются членами национальной ассоциации, и финансирует федеральные избирательные кампании тех кандидатов, которые проявили свою поддержку распорядка дня этой организации. ANA- PAC является двухпартийной и поддерживает кандидатов обеих партий, которые поддерживают его распорядок дня. Он может собрать деньги только от местных ассоциаций, входящих в национальную ассоциацию, семей их членов, а также от национальной ассоциации медсестер.[7]

Комитеты политического действия способствуют усилению политической активности общества и формированию его политического класса, увеличению открытости элиты и расширению общественной базы ее формирования. Поэтому они особенно привлекательны для той части американского общества, которая является меньшинством и сравнительно слабо интегрирована в политическую жизнь страны. В 1998 году профессионалы американцы арабского происхождения создали свой КПД -ААРАС. В отличие от тех комитетов, которые были рассмотрены нами выше, этот комитет является независимым от существующих организаций и групп интересов, а также беспартийным. Его деятельность направлена не на реализацию профессиональных, специальных или же индивидуальных интересов, а на всю арабо-американскую часть США. Комитет свою деятельность ориентирует на усиление политического влияния арабо-американцев, что явно просматривается в целях ее деятельности. Так, например это организация своей целью объявляет не просто поддержку тех кандидатов, которые проявили свою приверженность к интересам этого комитета, как это было в случае вышерассмотренных организаций, а также подготовку и консультирование кандидатов на политических должностях. Но ее цель видимо не ограничивается только выборами и охватывает также и другие аспекты деятельности, связанные с усилением политического влияния и значения арабов. Например, кроме активности, связанной с выборами, комитет своей целью ставит также поддержку и поощрение служебного продвижения арабов во всех ветвях государственной службы. В поле деятельности этого КПД входит также лоббирование интересов арабов, проживающих в США. Интересы, которые должны быть лоббированы, предварительно

Валериян ДОЛИДЗЕ

утверждаются членами организации. В центре деятельности этого комитета стоят кандидаты арабского происхождения, и одной из его целей является сохранение контактов с ними, обсуждение и ознакомление их платформ арабской общественностью США и принятие решения - кому из них оказать поддержку в политической борьбе. [9]

В отличие от КПД американцев арабского происхождения, КПД американцев иранского происхождения является афелированным комитетом к Public Affairs Alliance of Iranian American (PAAIA). Он осуществляет донации в пользу таких кандидатов, которые ориентированы на проблемы американцев иранского происхождения, независимо от их партийной принадлежности. Появление этой организации было вызвано тем, что иранцы американского происхождения являются сравнительно молодой частью американского общества и слабо интегрированы в ее политическую жизнь. В этих условиях этот комитет является средством политической социализации, который способствует включению иранцев в политическую жизнь Америки. Его усилия направлены на внутривнутриполитические вопросы, которые спланивают американцев иранского происхождения. Такой сильный акцент на внутреннюю политику объясняется тем, что внешнеполитические вопросы вызывают разногласия среди иранцев. Например, не все американцы иранского происхождения приветствуют свободный, толерантный и демократический Иран. [10]

Структура управления этого КПД обеспечивает его функционирование под контролем PAAIA. Он управляется правлением директоров, который состоит от 7 (минимум) до 11 (максимум) директоров. Каждый из них должен быть гражданином США, а также членом опекунов PAAIA. Они обеспечивают взаимосвязь и координацию между этими двумя организациями. Членами правления могут быть также и должностные лица корпораций. [10]

5. Поиск соответствующих кандидатов и принятие решения об их финансировании

КПД созданы для поиска и поддержки подходящих кандидатов на выборные должности. Поэтому работа по выявлению таких кандидатов, которые заслуживают поддержки комитетов, является главным направлением их деятельности. Такая работа проводится постоянно и подчиняется строго определенным процедурам. В КПД Национальной ассоциации страховых и финансовых советников подбором кандидатур занимается специальная группа подбора в составе 10 человек из членов ассоциации. С их помощью ассоциация контролирует процесс утверждения кандидатов финансирования. Для принятия решений большое значение имеют данные, которые эта группа получает от штатов и местных должностных лиц. [8]

В КПД арабов американского происхождения

процедура подбора кандидатов начинается с инициативы кандидатов. Каждый из них должен внести просьбу своего одобрения в ААРАС письменно. После этого комитет индоссамента КПД начинает процесс обсуждения, который состоит из следующих этапов: 1. Электоральная история кандидатов; 2. Выяснение их позиций в отношении тех вопросов, которые интересуют ассоциацию; 3. обсуждение публичных выступлений кандидатов или же их персональных интервью. После этого рекомендации передаются на собрание членов ассоциации. Одобряются только те кандидаты, которые получили 2/3 голосов. [9]

Как только ААРАС одобрит кандидата, члены организации могут использовать все ресурсы, которыми располагает организация для проведения кампании в пользу него. Например, в ноябре 1998 года и в мае 1999 года организация послала свои информационные бюллетени и индоссаменты больше чем 9300 американским избирателям в Dearbon и свыше 1.4000 в Dearbon Heights. [9]

В КПД национальной ассоциации медсестер решение о том, кто из кандидатов избрания на федеральные должности заслуживает одобрение и финансирование, принимает правление опекунов ассоциации на основе сотрудничества входящих в национальную ассоциацию местных ассоциаций. Желаний занять место в правлении должен об этом сообщить руководству своей местной ассоциации, которое дает рекомендацию для занятия места в правлении. Кандидат на должность члена совета опекунов должен соответствовать следующим критериям:

1. Быть активным членом местной ассоциации;
2. Иметь интерес к политической активности, что проявляется в участии политических кампаниях и в фандрайзингах, организованных местной ассоциацией;
3. Иметь опыт лоббирования на местном (штат) или же федеральном уровнях;
4. Производить регулярные взносы в КПД национальной ассоциации медсестер. [7]

Заключение

КПД выполняют значительную роль в процессе приближения американской полиархии к идеальному типу демократии. Они способствуют демократизации американской политической системы, расширяют демократическую базу политического процесса. Поэтому комитеты политического действия стали привлекательными для таких общественных групп, которые слабо влияют на политический процесс. Они стараются использовать КПД для усиления своего политического значения.

КПД подчиняют общественному контролю формирование, распределение и движение политических финансов и превращают деньги из антидемократической силы в средство расширения демократии.

**США: МЕХАНИЗМЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДЕМОКРАТИИ И
КОМИТЕТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ**

Литература:

1. Dan Clawson, Alan Neustadt, Denis Scott. Money Talks: Corporate And Political Influence. Published by Basic Books, A Division of HarperCollins Publishers., Inc.
2. George McKenna. The Drama of Democracy. Second Edition, The Dushkin Publishing Group, Inc.
3. Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон. Сравнительная политология. – Москва, 2002
4. Милтон Фридман. Капитализм и Свобода, 2006.
5. Томас Р.Дай, Л.Хармон Зиглер. Демократия Для Элиты. - Москва, 1984
6. Чарльз Линдблом. Политика и Рынки. Москва, 2005
7. ANA-PAC <http://www.nursingword.org/anapac>
8. IFAPAC(<http://www.naifa.org/advocacy/ipac/>)
9. AAPAC Committee (<http://www.aapac.org/>)
10. IAPAC (<http://www.iranianamericanpac.org/about/index.shtml>)
11. Re: File No. 4-637, Comments on Petition for Rulemaking on Corporate Political Spending, Submitted by 21 Civic Organization and Individual (<http://www.sec.gov/comments/4-637/4637-21.pdf>)

Summary

The author of the article analyzes the role of Political Action Committees (PAC) in the political system of the USA. They form public system of collection, distribution, management and control of the political finances. Political Action Committees transform social-economic inequality into political equality. They enhance democracy and turn money from obstacle to democracy into the mean of its deepening.

Сабина ГАРАШОВА, доктор философии в праве,
кафедра дипломатии и современных интеграционных
процессов Бакинского государственного университета

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС НА УКРАИНЕ И СТРАТЕГИЯ США

Введение

После распада Советского Союза США начали активно осуществлять свои геополитические интересы на постсоветском пространстве. Для этой цели были разработаны уникальные, с первого взгляда, геополитические стратегии, которые должны были обуславливать превосходное положение США в регионе. Об этом свидетельствует один из многочисленных фактов, что еще в начале 1998 года Госдепартамент США объявил страны СНГ, за исключением России, зоной своей военной ответственности. Не секрет, основной сущностью геополитической деятельности США в постсоветском регионе является ограничение и вытеснение военно-политического влияния всех заинтересованных государств, и прежде всего России. Эта позиция США весьма логична и объяснима. То есть со стороны Соединенных Штатов прилагаются ощутимые усилия, чтобы максимально использовать в своих интересах всесторонний потенциал бывшего советского пространства. Это способствовало бы также вытеснению или даже полной ликвидации российского влияния на постсоветские республики. Так как в США прекрасно осознают, что утрачивая политическое влияние на постсоветском пространстве, Россия неизбежно потеряет и своих союзников в лице государств-участников СНГ [10]. Соответственно, будет утрачивать и прежние военные, торговые, экономические и культурные связи. Логика основных трендов геополитики США на постсоветском пространстве объясняется именно этим немало-важным для Америки и Западной Европы фактором. Но последние политические события на Украине показывают, что геополитическая стратегия Соединенных Штатов для постсоветских республик не столь «безупречна», какой считали американские политики. Анализируя сегодняшнюю кризисную политическую ситуацию на Украине, считаем, что администрация Соединенных Штатов должна понимать, что в их интересах же выработать связанную и последовательную политику в целях укрепления суверенитета и безопасности стран СНГ, не входя при этом в жесткую конфронтацию с Москвой.

Политические наблюдения после распада Советского Союза показали, что среди бывших советских республик Украина имела особенно серьезное геополитическое значение для осуществления важных интересов Запада на постсоветском пространстве. Не секрет, что одним из «проверенных» тактических ходов США на постсоветском пространстве – это формирование в отдельных республиках лояльных себе политических властей. То есть, политические элиты проамериканского настроя должны содействовать осуществлению “жизненно важных интересов” Соединенных Штатов. Таким образом, США заинтересованы в создании выгодной для них военно-политической ситуации на постсоветском пространстве и управлении ею. Можно считать, что США удалось дважды осуществить эту стратегию - в 2004 и 2014 годах. Все элементы последних политических «катаклизмов» на Украине открыто демонстрируют следы «старой американской стратегии».

Таким образом, не случайно, что политика США в отношении нынешнего политического кризиса на Украине имеет центральное место в общественном дискурсе. Фрагмент разговора, выложенного в интернете, где вели разговор помощник госсекретаря В.Нуланд и Д.Пайетта, который является послом США на Украине, открыто указывал на американский след. Дискуссия допустимой роли определенных украинских политических деятелей и международных игроков заносится в длинную цепочку проявлений американской дипломатии. Вдобавок отметим, что в отличие от сенсационных многостраничных архивов Викиликс, суть вышеуказанной записи в наблевших и происходящих событиях.

Американские политики и западные эксперты настаивают на том, что геополитическая активность Соединенных Штатов на постсоветском пространстве и, в том числе на Украине, приобретает принципиально новый характер. Прослеживается идея о том, что корректировка политики США имеет стратегический, а не конъюнктурный характер. Они считают, что украинские события могут являться триггером стимуляции политики Соединенных Штатов на бывшей советской территории. И в самом деле, при сравнива-

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС НА УКРАИНЕ И СТРАТЕГИЯ США

нии с происшествиями многих лет - опыта «оранжевой революции», США напрямую впутывают себя в такую конфликтную ситуацию.

Постсоветское пространство и надежды США

Как известно, намеченные ориентиры политики Соединенных Штатов относительно европейской части сформировались в начале 1990-х годов. На фоне несостоятельности, или скажем, краха СССР, для руководства США минимальным поручением стало устранить воссоздание геополитического и идеологического конкурента, каким и был Советский Союз. А задачей максимум же являлось интегрирование новых появившихся государств региона в расширяющееся евроатлантическое пространство, и тем самым привязать их к себе и своим союзникам институционально, экономически и политически. Надо отметить, что все это было вызвано страхами относительно будущей дестабилизации стран СНГ и наступления общего политического хаоса [1].

Также известно, что ядерные арсеналы - восприимчивый вопрос для США. Они были экспортированы из бывших советских республик в Россию и поставлены под контроль с помощью программы совместного ослабления угрозы.

Отметим тот факт, что после победы на выборах 1996 г. Бориса Ельцина страх того, что аналог СССР может вернуться на мировую арену, в Вашингтоне развевался. Точно также, как и иллюзии скорого и безболезненного включения постсоветских стран в свой оборот. Становилось заметным, что процесс их реорганизации затягивался, а его воздействие в ожидаемом Вашингтоном направлении требовало более крупных ресурсов, чем готовы были направить американские избиратели [2]. В то время, когда Генри Киссинджер неудачно старался объяснить своим согражданам причину надобности внешней политики для Америки, повестка дня политики США в отношении постсоветского пространства, очевидно, теряла свою сущность.

И в такой ситуации, абсолютно естественным является то, что Соединенные Штаты еще больше стали переориентироваться на другие, более проблемные, по их мнению, регионы. Соглашаясь с вовлечением Украины, Белоруссии, Молдавии в евроатлантическое сообщество в качестве долгосрочной цели, они еще больше возлагали действующую роль в этом процессе на своих союзников, а ими являлись страны Центральной и Восточной Европы. Важно отметить, что США не избегали дипломатической, политической, информационной поддержки, отвечающей требованиям политики Брюсселя и других европейских столиц. И кроме этого, такое политическое положение требовало от них концентрации усилий на более приоритетном ближневосточном направлении.

Рассматривая конкретные события, можем отметить, прежде всего, что «оранжевая революция» воспринималась Вашингтоном как свидетельство приближения к стратегической цели. Тем не менее, с учетом

обременительных войн в Афганистане и Ираке и усиливающихся противоречий с Ираном, США предпочитали оставаться в тени, на фоне показательной активности других участников украинских событий.

Политический кризис и позиция США

В середине 2000-го года, сразу после воодушевления от победы Виктора Ющенко последовало разочарование, которое было связано с неспособностью «оранжевой коалиции» не только пересоставить свое государство и общество, но даже сберечь ее сплоченность. При этом контакт с Киевом еще больше отходил на задний план, особенно на фоне показательных успехов другого перспективного партнера американской дипломатии – Михаила Саакашвили. И все-таки, мессианские представления о будущем Украины и ее соседей не исчезли, они обернулись в латентное состояние, сохраняясь при этом в записках «мозговых центров», ритуальных фразах официальных представителей и эмоциональных замечаниях законодателей [4].

За последние месяцы события в Киеве разморозили сохранявшиеся все эти годы ожидания Америки. Можно также подчеркнуть, что Соединенные Штаты, сначала постепенно, но потом активно включались в события, происходящие на Украине. Также отметим, что в отличие от периода «оранжевой революции», Америка не стала обходиться дальней риторической поддержкой. Они включили в действие различные каналы дипломатического и политического характера, тем самым гарантируя прямое участие своих представителей в консультациях с вовлеченными сторонами.

Отметим также, что посольство США интенсифицирует диалог с представителями оппозиции и властей. В принципе, это обычная практика в подобных кризисных ситуациях. Но известно также, что США не ограничивались только этим. Известен и тот факт, что за последнее время американский политик, официальный представитель Государственного департамента США - Виктория Нуланд, часто стала посещать страну, а также привлекла внимание слушателей своим выступлением, в котором говорилось: «У нас есть стратегия для того, чтобы уменьшить российское влияние на Украину в плане энергетики, – отметила Нуланд. – США делают очень большие инвестиции в украинскую энергетику. Изменение ситуации, безусловно, потребует определенных политических решений, модернизации инфраструктуры, но мы не сомневаемся в успехе. В целом же, это говорит и о необходимости усиления внутриевропейского энергетического рынка» [6]. Но, несмотря на все эти высказывания, на сегодняшний день из обещанного США для поддержания Украины в экономическом плане ничего не было сделано.

Говоря о конфликте на Украине, можем заметить, что он стал одной из первостепенных тем выступления государственного секретаря Дж. Керри на конференции, которое прошло в Мюнхене, кроме этого прошла встреча главы американской дипломатии с предста-

Сабина ГАРАШОВА

вителями оппозиции на территории самого мероприятия [7].

Так же вице-президент США Джозеф Байден за четыре месяца не менее девяти раз вел разговоры с украинским президентом Виктором Януковичем. В конечном счете, глава Соединенных Штатов включил фрагмент, который был посвящен событиям в Киеве, в свою ежегодную программную речь перед Конгрессом в январе, а 19 февраля 2014 года на фоне обострения противостояния уделил им отдельное выступление. В подкрепление внешнеполитической риторики, США ввели санкции против отдельных представителей украинской элиты.

Усиленное внимание к ситуации на Украине отражало тождественность интересов обширного круга заинтересованных сторон внутри Соединенных Штатов. Недавние события в Киеве раскрываются в условиях явной заинтересованности руководства США во внешнеполитических достижениях. В течение последних двух лет администрация Б. Обамы, которая убеждает внутреннюю, а также международную публику в разрыве с курсом Джорджа Буша-младшего, еще глубже, чем ее предшественники, увязла в разногласиях на нестабильном Ближнем Востоке. Тем временем, во-первых, за свои действия в Ливии, и далее в Египте и Сирии, она становится объектом жесткой критики сторонников поощрения демократизации, навязывания демократических институтов и норм.

Параллельно этому, действующая администрация утрачивает ту помощь реалистов-прагматиков, которые в свою очередь упрекают ее в чрезмерной вовлеченности во внутренние проблемы стран Ближнего Востока. Отметим, что в первые годы правления Б. Обамы, их притягивала его осторожность, предусмотрительность и стремление к выработке политики на основе широкого консенсуса, но сейчас они выражают большую неудовлетворенность его популизмом и неимением возможности поменять сложившуюся систему приоритетов в американской политике.

Постепенно положением на Украине стали интересоваться американские реалисты-прагматики, которые видели в нестабильности этого государства вероятную угрозу европейской архитектуре безопасности. По их мнению, такой ситуации должен быть противопоставлен диалог среди ведущих внешних игроков. Учитывая их воздействие на положение в стране, здесь неизбежен поиск договоренностей, который в свою очередь ограничивает негативное влияние соперничества между ними. Если до этих пор ей казалось, что она упустила шанс укрепить евроатлантическую ориентацию Украины в 2004-2006 годах, то на этот раз влиятельная часть либеральной и неконсервативной внешнеполитической элиты Соединенных Штатов надеялась исправить эту ошибку.

Тем самым, за последнее время в Соединенных Штатах тревоги реалистов и надежды либералов сблизились. Но при всем этом их объединяет тот факт, что США не могут не принимать во внимание нынешнее

политическое положение на Украине, а также не могут не участвовать в его разрешении. Тут же появляется вопрос о том, насколько продолжительным будет этот консенсус, и как долго Украина будет оставаться в поле зрения американского внимания[8]. Отметим также, что американская администрация нуждалась в определенных подтверждениях осуществляемого ей курса, и итоги последних дней на Украине дают ей возможность говорить о достижении успеха.

Также не было незамеченным, как украинская оппозиция осуществила контроль за парламентом и сформировала правительство. Опыт на Ближнем Востоке и социально-политических выступлений в других странах показал американским лидерам, как нужно относиться к оценке аналогичных ситуаций. Подчеркнем и тот факт, что положение нового руководства в Киеве вполне неустойчивое, во-первых, население испытывает недоверие ко всем представителям правительства, во-вторых, радикальные силы пользуются существенным влиянием и, в-третьих, открыто проявляется массовое недовольство на востоке Украины.

Однако недавние события, имея драматичный характер, слабо повлияли на основательные критерии ситуации. Отметим также, что США больше интересуют развитие обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе и на Ближнем Востоке, чем в Восточной и Центральной Европе.

Заключение

В целом, США обладают весьма ограниченной тактикой влияния на ситуацию, которая интенсивно отразилась на Украине. Совокупность экономических, политических и культурных связей между странами за последние несколько лет оставались весьма сдержанными. Известен и тот факт, что с 1990-х годов одним из наиболее привлекаемых мотивов для стран Центральной и Восточной Европы, обеспечивавших влияние Соединенных Штатов, оставалось присоединение к НАТО.

Тем временем, на протяжении последних лет и в ходе нынешнего кризиса на Украине, присоединение к Североатлантическому альянсу не стояло на повестке дня общественной дискуссии.

На сегодняшний день были забыты сами истоки этого кризиса, но старт протестам дал отказ правительства Николая Азарова подписать Соглашение об ассоциации с Европейским Союзом. В процессе формирования компромиссного соглашения 21 февраля между В. Януковичем и представителями оппозиции принимали участие министры Франции, Германии и Польши, и никак не служащие Государственного департамента. По всей видимости, расходы по поддержке нового правительства, в случае если оппозиции посчастливится его сформировать, также будут отделены ЕС.

За последнее время стало заметно, как громко звучат упреки в нерешительности и бездействии в адрес данной администрации. В такой ситуации

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС НА УКРАИНЕ И СТРАТЕГИЯ США

терпеливый и трепетный стиль Б. Обамы существенно отличается от своеобразного правления республиканцев, но со временем он еще больше оказывается небезукоризненным к критике в неспособности инициативно вести за собой. В такой ситуации, несмотря на стремление отдельных представителей американской внешнеполитической элиты укрепить и расширить влияние на постсоветском пространстве, заинтересованность США в странах этого региона может быть

вызвана лишь эпизодически. Это не означает, что Соединенные Штаты лишаются способности влиять на ситуацию в регионе, а наоборот, их роль в нем становится довольно незначительной, по сравнению с активностью, которую демонстрирует Российская Федерация в последнее время. Об этом свидетельствует также изменение юридического статуса Крыма под влиянием России.

Литература:

1. Krauthammer Ch. The Unipolar Moment Revisited // The National Interest. Winter 2002-03. No 70. PP. 5-17
2. Huntington S. The Lonely Superpower. - "Foreign Affairs", March-April 1999, p.35.
3. Леонид Кучма отбыл в США. С визитом, приятным во всех отношениях украинский. / «Зеркало недели.— Украина» №7, 18 ноября 1994
4. Ярошинская А. От Майдана до войны с Россией// <http://www.rosbalt.ru/blogs/2014/01/22/1223971.html>. Доступно 22/01/2014 11:18
5. Обама видит признаки «холодной войны» со стороны России// <http://earth-chronicles.ru/news/2013-08-11-48530>
6. Нуланд рассказала о стратегии США по снабжению Украины “быстрым газом”
7. Дж.Керри в Мюнхене провел встречу с лидерами украинской оппозиции.// <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20140201224450.shtml>. Доступно 01.02.2014
8. Кризис в Украине сблизит США с ЕС// <http://news.bigmir.net/ukraine/808615-Minfin-Germanii-Krizis-v-Ukraine-sblizit-SShA-s-ES>. Доступно 13.04.2014
9. Украина во внешнеполитическом планировании США// <http://ria.ru/analytics/20140314/999529887.html#13980955826813&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration>. Доступно 14.03.2014
10. Проблемы постсоветского пространства в военной политике Российской Федерации и США// http://www.abkhaziya.org/interorg_pub/sng_docs/intws_conf/problem_xussr.html(дата обращения: 02.05.2014)

Summary

In a scientific article discusses U.S. strategy to respect prevailing situation in Ukraine. Collectively analyzed the nature of foreign policy strategy of the United States in recent times. It is proved that the activity of the United States today is part of the discrepancy with more recent comparative passivity of the Obama administration towards post-Soviet countries. Thereby to express lengthy conclusions conditional evolution of U.S. policy is important to recognize the context of American politics, which is considered the result of attempts to construct a subtle compromise between different interest groups and their foreign policy objectives. Concludes that the post-Soviet space, and even more so with Ukraine not related paramount important interests of the United States and it is not the basis of American national security challenges or positions of the United States in the world.

Keywords: USA, Ukraine, foreign policy, crisis, geopolitics, the analyst.

Карам МАМЕДОВ, доктор политологии, доцент,
кафедра дипломатии и современных
интеграционных процессов Бакинского
государственного университета

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ ООН

Введение

Известно, что конфликты являются неизбежной частью, а также по-своему необходимой функциональной составляющей политического усовершенствования. При этом уровень конфликтности среди стран, а также и внутривнутриполитического развития международных государств может часто меняться в силу различных факторов. По наблюдаемым оценкам, в региональных конфликтах и конфликтах местного характера, происходящих в разных странах планеты после второй мировой войны, погибло огромное число людей, превысившее число жертв самой кровопролитной из известных в истории войн.

Отметим, что похожая интервенция может носить различный характер. Как с методологической, так и с практической точки зрения политики слишком сложно провести черту между внедрением в конфликты внешних сил в угоду осуществления собственных интересов в качестве новых сторон конфликта, с одной стороны, и с другой – относительно беспристрастное вмешательство ради восстановления международной стабильности и мира. Формирование системы ООН и региональных межгосударственных объединений после второй мировой войны привело к сравнительной легитимации конкретных типов действий международного сообщества в конфликтах, то есть действий, получивших наименование миротворческих процессов.

Миротворчество ООН на современном этапе

Отметим также, что около 80 стран за последние полвека специально направляли свои вооруженные силы, а также свой штат с целью участия в миротворческих операциях ООН. Больше 40 государств в нынешние дни сообщают о решимости направить контингент для сегодняшних и дальнейших операций.

В период численного «пика» миротворческой деятельности в 1993 году ежегодные убытки на операции охватывали сумму порядка 4 миллиардов долларов при более чем 80000 человек международного военного и гражданского персонала, которые в свою очередь были размещены непосредственно в районах конфликтов. Важно отметить, что при снижении числа участников на 12, а то и 15 тысяч человек, годовой

бюджет стал опускаться до 1 млрд. долларов. И все же в 1999-2000 гг. наблюдалось одновременное участие в различных операциях в мире, только в бывшей Югославии принимали участие 65000 человек.

Понятие «миротворческие операции» включает международное вмешательство в конфликты с целью проведения их для мира и безопасности. В миротворческие процессы вовлечены многие личности международного права. Ими являются участники международных организаций, такие как Африканский Союз, Организация Объединенных Наций, Европейский Союз, НАТО и другие территориальные и субрегиональные организации, в том числе и многонациональные силы и добровольные коалиции, не образующие единой институциональной структуры, но совершающие работу одновременно под управлением одной из «ведущих наций». Отметим также, что некоторые миротворческие операции реализуются объединенными усилиями различных субъектов; осуществление операций совершается или в порядке преемственности, на основе разных мандатов, или в виде совместного предупреждающего развертывания в рамках одного мандата [2, 72].

В такой ситуации важно выделить два немаловажных фактора. Во-первых, законность любой миротворческой операции очевидным образом всегда одобрена со стороны Совета Безопасности ООН. Хотя Совет Безопасности и имеет полное право вмешиваться в любой конфликт для обеспечения международного мира и безопасности на основе Устава ООН, на сегодняшний день всеобъемлющая система координации усилий вышеуказанных субъектов одной операции отсутствует. Взамен этому, по всей видимости, формируется мозаика миротворческих процессов. У сообщества, по всей вероятности, так и не появится единая архитектура международного мира и безопасности, в пределах которой можно было бы осуществлять полный спектр мер превентивного воздействия, обеспечения мира, а также миротворческой деятельности. Данный интервал можно отнести к абсолютно всем типам современных миротворческих операций.

Во-вторых, можем выделить отличие между миротворческими операциями, которые санкционируются

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ ООН

Организацией Объединенных Наций, и теми, которые реализовываются ею, так как очень часто их путают. Отличие значительное, и кроется оно в пределах полномочий и объеме ответственности. Таким образом, Департамент операций по поддержанию мира (ДПКО) отвечает только за реализуемые ООН миротворческие операции, которые принято называть «голубые каски».

Процесс усовершенствования института миротворческих операций не представляется примером постоянного и поступательного развития идей и их практического осуществления в виде определенных миротворческих моделей. С 1948 года Организация Объединенных Наций предприняла около 60 миротворческих операций. Но многие из них были закончены по причине выполнения поставленных в мандатах задач, но были и такие, которые были проведены безуспешно. Из 15 операций, узаконенных до 1989 года, большинство состояли из невооруженных или легковооруженных военных наблюдателей, призванных проводить мониторинг за процессом завершения конфликта между странами, находящимися, в основном, на Ближнем Востоке.

Также отметим, что данные операции могут быть расследованы в пределах «традиционной» модели вмешательства. В 1990 году на смену этой модели пришла модель более сложного характера, которая объединила усилия легковооруженных воинских образований и сильную гражданскую составляющую. Накануне завершения «холодной войны» и та и другая сверхдержава предприимчиво искали пути выхода из локальных конфликтов, распространившихся во всем мире, и по этой причине миротворческие операции ООН испытали значительный рост в количественном и качественном отношении, а также колоссальные отклонения в характере и периметре задач. Географический интервал операций расширился от Гватемалы и Эль Сальвадора до Намибии, Мозамбика и Камбоджи. Отметим и тот факт, что основу операций составляли широкомасштабные мирные соглашения, а мандаты операций охватывали такие элементы, как организация и обеспечение выборов.

Благополучное завершение некоторых из этих операций свидетельствовали о том, что схожие миротворческие операции имеют возможность быть раскрыты в зонах других конфликтов. Иной раз, результаты оказывались трагическими. В середине 1990-х годов ООН встречается со страшными провалами в Сомали, Боснии и Руанде. Именно в этот период начинается время финансового кризиса. Событие, которое не обошло стороной институт операций. Кроме этого, ужасная ситуация Сомали, Руанды и Боснии свидетельствовала о том, что безынициативность тоже не стала выходом из сложившихся обстоятельств. Благополучные и неудачные учения миротворческих операций, проведенные за последние десять лет, стали толчком к новому миротворческому мировоззрению, возобновив вопросы международно-правового поручительства и поиска квалифицированных путей вмешательства в конфликты [1, 2]. При отсутствии какого-нибудь иного международного учреждения, который был

бы способен охватить своей миротворческой деятельностью всю планету, государства - члены ООН вновь обратили свое внимание на международное миротворчество под защитой данной организации. Известен также и тот факт, что с июня 1999 г. по июль 2000 г. Департамент операций по поддержанию мира осуществил пять миротворческих операций в Косово. Эти операции охватывали такие регионы, как Конго, Восточном Тиморе, Сьерра-Леоне и Эфиопии/Эритрее.

Именно то время можно назвать началом растущей активности миротворческих операций, проводящихся со стороны ООН. Итак, в 2006 г. число «голубых касок» в мире увеличилось на 600 %. Сегодня Департамент операций по поддержанию мира осуществляет руководство 17 миротворческими операциями, насчитывающими более 110 тысяч участников, с ежегодным бюджетом более чем 7 миллиардов долларов США. Количество задач в мандатах этих операций выросло пропорционально их размеру и степени сложности. В основном, современные миротворческие операции имеют три особенности.

Итак, рассматривая первую, можем отметить, что она является самой яркой — это отстранение упора в сторону «активного миротворчества». Отправной точкой в данном случае является операция ООН в Сьерра-Леоне, которая начиналась как небольшая миссия военных наблюдателей в 1998 году. В то время, когда вооруженные группы, подчиняющиеся этому государству, перешли к грубому несоблюдению положений мирного соглашения, Совет Безопасности ООН принял решение ужесточить миссию, но не отходить, как это произошло в Руанде в 1994 году. Модификации коснулись не только увеличения численного состава миссии: с 50-ти невооруженных наблюдателей до 17 тысяч военных, к мандату миротворческой операции также было отнесено положение, согласно которому вооруженные силы миссии могли противодействовать враждебно настроенным элементам в целях защиты мандата и, «в пределах установленных полномочий», защищать гражданское население, которое подверглось непосредственной угрозе нападения. Это стало критическим моментом в совершенствовании международного миротворчества ООН. В 2000 году мандаты многих миротворческих операций стали вводить подобного рода положения. Эти же положения перестроили правила применения силы и конструкцию самих миротворческих сил отдельно действующей миссии.

Итак, вторая характерная черта миротворческих операций заключается в их разностороннем направлении. Нынешнее миротворчество включает задачи государственного строительства, назначения в управленческой области, расширения государственной власти, верховенства права, обеспечения прав человека и правопорядка, полноценной реализации исполнительной, судебной и законодательной власти в ситуациях, вызывающих введение режима кратковременного управления.

Несмотря на то, что разноаспектные мандаты миротворческих операций получили распределение уже в 1990-х годах, спектр их активности сравнительно увеличился лишь в последние годы. Потому как ни одна лич-

Карам МАМЕДОВ

ность миротворчества не может реализовывать параллельно несколько видов деятельности разных направлений, миротворческие миссии ООН довольно предпринимчиво сотрудничают с неправительственными гуманитарными организациями и партнерами по развитию.

В течение последних десяти лет в системе ООН господствует единый подход, который свидетельствует о совместной деятельности всех учреждений данной системы, нацеленной на достижение мира в зоне конфликта. В пределах такого отношения роль катализатора миротворческой миссии свойственным образом увязывается с усилиями по долгосрочному миростроительству и развитию [3, 39].

И наконец, третьей особенностью нынешних операций ООН по поддержанию мира является их близкая согласованность с другими членами, участвующими в миротворческих процессах. По информации Центра международного сотрудничества, примерно 40 из 54 последних миссий представляли собой одну из форм общих скоординированных или последовательно реализовавшихся операций, субъектами которых стали некоторые самостоятельные учреждения. Распространенной практикой в условиях сегодняшнего миротворчества ООН стало кратковременное оказание военной поддержки. Тем самым учитывая время, необходимое ООН для организации миротворческих сил, Совет Безопасности будет наделять полномочиями какое-либо государство, являющееся членом организации, или многонациональные силы реализовывать оперативное развертывание на непостоянной основе, в течение того времени пока миссия ООН будет наращивать требуемый потенциал. В иных случаях государство-член, международные силы и региональная организация берут на себя ответственность по обеспечению, на основе мандата Совета Безопасности ООН, военной силой, когда Департамент операций по поддержанию мира занят развертыванием гражданского и полицейского компонентов.

Исследуемые критерии нынешних миротворческих операций в существенной мере воссоздают переход от использования миротворческих инструментов преимущественно в международных конфликтах к их использованию в конфликтах внутри стран, разрешение которых больше не зависит только от ловкой дипломатии. Наоборот, их упорядочение испытывает потребность такой трансформации многочисленных политических, экономических, социальных и этнических факторов конфликта, которая бы предоставила всем группам, участвующим в конфликте, возможность мирного разрешения споров. В более ранних разноаспектных миротворческих мандатах политика выхода из конфликта часто заканчивалась проведением выборов и приведением нового правительства к присяге. Сегодняшние миротворческие операции ООН выходят за пределы избирательного процесса. Нынешний упор делается на умение международного учреждения обеспечивать миром, в основе которого лежит уважение прав человека, верховенство права и участие широкой общественности в управлении делами государства [4, 67].

Рассмотренные качества современных миротворческих операций ООН раскрывают их как податливый и в целом действующий механизм управления конфликтами. На самом деле миротворческие операции ООН являются тем самым «меньшим из зол», на котором сходятся во мнении все члены Совета Безопасности, когда кризис берет свое начало, и государства — члены Организации желают видеть хоть какую-то активность по его преодолению. Но миротворчество не является одинаково эффективным механизмом по разрешению какого угодно конфликта. В заключение отметим, что международное миротворчество ООН является благополучным при обстоятельствах соблюдения трех основных принципов, которые стали его базисом в момент образования этого института: единогласие сторон, объективность и неприменение силы, за исключением случаев самозащиты и сохранения мандата.

Литература:

1. Зверев П. Г. Особенности современных миротворческих операций ООН [Текст] / П. Г. Зверев // Молодой ученый, 2013. №11, с. 528-530.
2. Зверев П. Г. Действие института международно-правовой ответственности во время превентивных миротворческих операций ООН // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2013, № 10 (57), с. 161–163.
3. Зверев П. Г. Проблема вмешательства миротворческих сил ООН в вооруженные конфликты и международное гуманитарное право // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, 2013, № 3 (33), с. 53–57.

4. Challenges of Strengthening the Protection of Civilians in Multidimensional Peace Operations / W. J. Durch, A. C. Giffen. - Queenbeyan, 2010. - 57 p.

5. Kuhl C. Peace operations: an operational and legal concept // International humanitarian law, human rights and peace operations. 31st Round table on current problems of international humanitarian law - Sanremo, 4–6 Sept. 2008, p. 70–76.

6. Protecting Civilians in the Context of UN Peacekeeping Operations: Successes, Setbacks and Remaining Challenges / V. Holt, G. Taylor, M. Kelly. - New York, 2009. - 384 p.

Summary

In the present research paper analyzes the problem of efficiency UN peacekeeping operations in conflict situations. It is noted that as the concept and the intensity of the international arena in the process of globalization of the world of social relations development gets more and more experience of international influences in the conflicts between the countries of the world, as well as conflicts between various domestic forces to prevent, mitigate, resolve and deal with their consequences. It is proved that the UN is often considered as an extreme method of salvation, it was relegated institutions function adapted to solve any problem, no matter how complex they may be.

Keywords: peacekeeping, UN conflicts, state of the world, mission.

Лилия БРАГА,

доктор философии, Институт Юридических и
Политических Исследований Академии Наук Молдовы

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Транзитное состояние современного молдавского общества детерминирует основную специфику его политической культуры как культуры переходного типа. В этой связи, политическую культуру современной Молдовы отличает целый ряд черт, свойственных любым транзитным обществам, в том числе обществам демократического транзита. Переход от одной эпохи к другой всегда сопровождается кризисными проявлениями в культуре. Общество в такие периоды «исторических разломов», по существу, стоит между двумя эпохами и, соответственно, между двумя культурами. Подобные состояния переживаются обществом чрезвычайно болезненно: усиливается эмоциональный накал, растут завышенные социальные ожидания от происходящих перемен, рушатся старые ценностные ориентиры и установки, провоцируя рост ощущений разочарованности, хаоса, духовно-нравственной дезориентированности. Как в свое время о подобном феномене писал А. И. Титаренко, «во времена исторических разломов, переходных эпох возникают - пусть на небольшой срок - своеобразные «зазоры» между культурами; это периоды, когда старая культура распадается, ее ценности осмеиваются, а новая культура с ее нарождающимися ценностями еще не сложилась, пока что проявляясь как могучая, но еще не обретшая рельефных, застывших очертаний тенденция» [1, с.13].

Республика Молдова, располагаясь сегодня между двумя историческими эпохами, стоит, соответственно, между двумя политическими культурами, характерными для различных политических систем: тоталитарной и демократической. Поэтому политическая культура современного молдавского общества, прежде всего, характеризуется отсутствием четко структурированной системы ценностных ориентаций. Складывающийся в современных условиях тип переходной, по своей сути, культуры являет собой сложный продукт взаимодействия разнородных политических ценностей, установок и стандартов политической деятельности, образующих два культурных пласта: распадающейся культуры социального прошлого и нарождающейся культуры ожидаемого будущего. Новые ценностные ориентации находятся лишь в

стадии формирования, а многие традиционные установки и идеалы еще достаточно сильны. Представления и ориентации предшествующего этапа развития как элементы доминировавшей прежде коллективистско-авторитарной культуры, нередко пропитанные ностальгией по «старым добрым временам», в сознании значительной части населения практически безболезненно уживаются с ценностями демократии, проповедующими идеи личной свободы и прав человека, либерализации экономики, признающими здоровую конкуренцию во всех областях общественной жизни, плюрализм мнений, инициативность и т.п. Взаимодействуя между собой и противоборствуя друг с другом, как на уровне отдельной личности, так и всего общества в целом, указанные политические ценности и поведенческие стандарты придают современной политической культуре Молдовы неоднородный, мозаичный, бессистемный, дуалистический, расколотый, противоречивый, конфликтный, ситуативный характер.

Процесс политико-культурной эволюции, вплетенный в контекст демократического реформирования общества, в силу своей сложности и противоречивости, разворачивается в Республике Молдова далеко нелинейно. Для переходной культуры всегда характерны приливы и отливы, взлеты и падения, возможны зигзаги и даже шараханья. Поэтому, даже спустя годы демократического реформирования, общество в политико-культурном отношении может оказаться намного дальше от первоначальной цели своего движения, нежели это было в начале перемен. Опыт развития политических процессов в странах постсоветского пространства, включая Республику Молдова, является ярчайшим примером подобного рода динамики.

Зачатки новых ориентаций, соответствующих этапу демократического реформирования, динамично сочетаясь с целым пластом «старых», традиционных политических представлений, убеждений, настроений и реакций, складываются, по мере развития политических процессов, в различные комбинации, тем самым, создавая некий специфический политико-культурный фон общества. На этом фоне совершенно отчетливо проступают определенные доминирующие

Лилия БРАГА

элементы, смена которых позволяет вычлени в политико-культурном становлении молдавского общества периода демократической модернизации различные, неравноценные по своей содержательной наполненности, этапы. В то же время, выделение различных этапов политико-культурной эволюции современного молдавского общества, последовательно сменяющих друг друга, носит, по большей мере, условный характер. Процессы исторической трансформации культурных ценностей в реальности всегда представлены как непрерывная цепь изменений, в которой, наряду с сохранением специфического «генетического кода» народа, а также многих традиций, сложившихся в контексте исторической эволюции общества, происходит наложение новых политических ориентаций, отражающих в специфической «культурной» форме актуальную социально-политическую ситуацию.

В период, непосредственно предшествовавший образованию в 1991 году независимого суверенного государства Республика Молдова, превалировали нигилистические настроения и политический радикализм, состояние эйфории и фанатичная вера в демократию как всеисцеляющее средство, политизированность и активизм, порой граничащий с открытыми проявлениями агрессии. Революционные общественно-политические настроения, охватившие молдавское общество на рубеже 1990-х годов, в период так называемого «демократического момента», стали своего рода провозвестником кардинального переустройства общества на принципах свободы и демократии.

Подобные настроения, глубоко пропитавшие все, на тот момент, советское общество в целом духом критицизма и нигилизма по отношению к советской системе политического устройства и доминировавшей в ней идеологии, на первый взгляд казались спонтанными и непредсказуемыми. Их всплеск никак не вписывался в прочно утвердившуюся на Западе точку зрения, согласно которой Советский Союз являл собой «драматически успешный случай спланированной политической культуры». Как показывает Н. Петро в своей работе «О концепции политической культуры, или основная ошибка советологии», почти все специалисты по советской политике сходились в том, что советская политическая культура более авторитарная и коллективистская, чем культура Северной Америки и Европы, и в силу этого победа в Советском Союзе демократического движения принципиально невозможна. События, приведшие к обрушению коммунистической системы, продемонстрировали, что традиционная западная советология исходила из ошибочной гипотезы. Она не учитывала, что стремление к восстановлению гражданского общества, к строгому соблюдению буквы закона, развитию институтов частной собственности, свободного предпринимательства и политического плюрализма существовало в Советском Союзе еще до того, как развалился советский режим и началась перестройка [2, с. 36].

Истоки революционных настроений, долгое

время сохранявших латентную форму, начали вызревать еще в условиях господства тоталитарной системы власти. Антикоммунистические брожения в сознании масс рубежа девяностых годов XX века во многом были подготовлены и спровоцированы диссидентскими настроениями в интеллигентских кругах, которые в силу творческого характера своего труда всегда тяготеют к возможно большей свободе мышления и самовыражения.

В Молдове диссидентская настроенность сознания некоторых представителей интеллектуальной элиты общества рельефно проявила себя уже в начале 1960-х годов. Она находила свое выражение в приобретении и чтении румынской литературы патриотически настроенными представителями молдавского этноса, в обсуждении некоторых фактов исторического прошлого молдавского народа, относившихся к досоветской эпохе, в стремлении к чистоте родного языка, в обращении к «деревенской теме», столь талантливо впоследствии представленной в произведениях И. Друзэ, в лирике поэтов Г. Виеру, Д. Матковски, Л. Лари и др., а также в постоянно звучавшем в радиоэфире песенном фольклоре, в их стремлении стать на защиту традиционных ценностей молдавского народа, ассоциируемых с православным вероисповеданием.

С особой силой эти настроения вспыхнули в Молдове во второй половине 1980-х годов, в период, так называемой, перестройки. Большинство авторов придерживаются того мнения, что главный положительный эффект политики перестройки сводился к предоставлению свободы выражения, в так называемой «гласности». Решающую роль в развитии этого процесса сыграла политика ослабления тоталитарного государства по отношению к своим гражданам [3, с. 28-29]. В Молдове эта политика сразу же вылилась в так называемое «культурное движение» интеллектуалов, рупором которых стало еженедельное печатное издание «Literatura și arta», обеспечивавшее их широкую связь с народом. Таким образом, к концу 1980 годов под влиянием неформальных лидеров (М. Чимпой, И. Друзэ, Д. Матковски, Г. Маларчук, Г. Виеру, Н. Дабижа, И. Хадыркэ, П. Солтан, И. Мошану, И. Боршевич и многих других интеллектуалов) был дан старт движению национальной эмансипации молдавского народа [3, с. 30].

Такие движения культурной направленности, выражавшиеся в активизации общественной деятельности творческой элиты, были характерны в период перестройки для всех, вовлеченных в этот политический процесс, стран, общей чертой развития которых стал следующий факт: в нем интеллектуалы сыграли особую роль, важнейшей заслугой которых стало содействие падению коммунистического режима [4, с. 82]. Как показывает С. Н. Ейсенштадт, «такие интеллектуалы как Вацлав Гавел, или чуть менее известные польские католические священники и протестантские прелаты были особенно заметны в развитии процессов демократизации, что даже

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

позволило утверждать, будто разрушение коммунистических режимов является их исключительной заслугой» [5, с. 49].

В Республике Молдова перестроечные процессы приобрели особый национальный колорит, выразившийся в изменении культурных ориентиров, а именно, в признании румынских культурных стандартов в качестве основных эталонов культурного развития молдавского общества. В этой связи, «движение интеллектуалов» достигло здесь особого накала и остроты. Если на уровне всего, в то время еще советского, общества в целом интеллектуалы говорили о необходимости возрождения в общественной жизни гуманистических ценностей [6, с. 7-18], то в условиях Молдовы этот вопрос трактовался главным образом как восстановление национальных культурных ценностей, интерпретировавшихся как альтернатива ценностям советского строя. Как отмечает Чарльз Кинг, писатели, деятели искусства и историки способствовали возрождению национальной молдавской (т.е. румынской) культуры, надеясь на достижение той цели, к которой многие открыто стремились, начиная с 1960 годов [7, с. 151].

Таким образом, для молдавского общества начало демократических изменений приобрело свой специфический смысл, сводившийся к открывшимся возможностям реабилитации национальной культуры. Перестройка и движение национального возрождения пробудили социально-политический активизм людей, стремление к реализации социальной и исторической справедливости, прежде всего, в духовной сфере общества: к сохранению и возрождению национальных традиций и родного языка, национальной и культурной идентичности и т. д. [3, с. 37]. Приобретая форму движения за возрождение национальной культуры, перестройка для Республики Молдова, как и для многих других бывших союзных республик, находившихся в жесткой зависимости от политики «центра», в итоге вылилась в национально-освободительную борьбу, цели которой простирались, на много дальше задач культурного возрождения. Как пишет Чарльз Кинг, спеша себя противопоставить «центру», как, впрочем, и местному партийному руководству, бессарабские политики создали единый фронт с новым поколением интеллектуалов. Местные политики рассматривали национальное движение как средство получить больше концессий от «центра» и отстранить от власти коммунистических руководителей брежневского периода [7, с. 151].

Представители национально-патриотических сил, являвшихся наиболее влиятельной политической силой «молдавской перестройки», рассматривали начавшиеся демократические изменения в обществе как суть национально-освободительную борьбу, конечной целью которой является не только национально-культурное возрождение Молдовы, но и ее воссоединение с Румынией, и создание унитарного государства. Поэтому не случайно Чарльз Кинг отмечает,

что для Ю. Рошки, как и для многих других последователей идеи панрумынизма, национальное возрождение и панрумынское объединение представлялись закономерными результатами процессов демократизации [7, с. 153]. Установка доминировавших на политической арене сил на укрепление отношений Молдовы с Румынией вплоть до их полного государственного объединения предопределила многие политико-культурные параметры жизни молдавского общества на рубеже 90-х годов XX столетия, наиболее существенными из которых стали радикализм, национализм, панрумынизм, реваншизм.

Узловой проблемой, объединившей на рубеже последних десятилетий прошлого века радикально настроенные силы молдавского общества, стремившиеся к кардинальным политическим изменениям (интеллектуалов и некоторых представителей политической элиты), стала проблема родного языка, которая впоследствии превратилась в главный символ революционной борьбы молдавского народа за независимость, самоопределение и демократические изменения. Руководствуясь эйфорией победы, активисты движения национального возрождения, ратовавшие за полное и немедленное восстановление исторической справедливости, стали призывать к решительным и беспощадным мерам реваншистского характера по отношению к русскоговорящему населению страны, ассоциируя его с оккупационными силами. Русский язык, служивший государственным языком в условиях советского строя, стал рассматриваться как символ тоталитарной власти, а русскоязычное население - как социальный оплот тоталитаризма, подлежащий кардинальной культурной трансформации.

Постановка вопроса о языке в жесткой, бескомпромиссной форме, отразившая сущность культурно-политических процессов рубежа последних десятилетий XX века в Республике Молдова, привела к расколу общества на противоборствующие этнополитические группы: на «своих» и «чужих», радикалов и консерваторов. Одна группа, представленная государственнообразующей нацией, активно приветствовала демократические перемены в обществе, ассоциируя их, в первую очередь, с процессом национально-культурного возрождения. Другая группа, объединившая большинство русскоговорящего населения, напротив, не могла найти своего места в новой конфигурации социально-политических отношений. Не желая мириться с изменившейся политико-культурной реальностью, отводившей ей роль «второго плана», указанная группа вынуждена была из чувства страха и стремления к сохранению собственной этнокультурной идентичности оказывать активное противостояние любым переменам в обществе и, тем самым, ставить себя в оппозицию по отношению к процессам демократизации. Поэтому политическая культура в Молдове рубежа 1990-х - это не только состояние эйфории по поводу происходящих в обществе перемен, но и чувство страха, безысходности, оскорбленного само-

Лилия БРАГА

любия, сожаления, обиды и т.п., поразившие национальные меньшинства, интересы которых были отброшены в сторону новой государственной политикой. Проблема языка и культурно-национальной идентичности, ставшие главной «темой» демократической модернизации в Республике Молдова на рубеже 1990-х годов, обусловила культурный раскол общества не только по национальному, но и по политическому признаку. С этого времени политическая культура молдавского общества превратилась в культуру раскола со всеми сопутствующими подобной культуре признаками и характерными чертами: отсутствием единства общества в отношении главных ценностей и целей политического развития, поляризацией взглядов, конфронтационностью, конфликтностью, бескомпромиссностью.

Выделение нового этапа в эволюции политической культуры начального периода демократического транзита условно связано с событием огромного исторического значения - декларацией независимости Республики Молдова от 27 августа 1991 года. Данный этап охватывает практически целое десятилетие - вплоть до начала нового века. Этот этап вошел в историю молдавского демократического транзита как период, приведший к окончательному культурному расколу общества с сопутствующим ему ростом конфронтационности - в начале десятилетия, и нарастанием разочарования широких масс людей в политике, не оправдавшей связывавшихся с ней социальных надежд, - к его концу. Усталость людей от политики, политическая дезориентированность стали его характерными чертами. Особенностью политической культуры на этом этапе развития стало усиление политической дифференциации общества, углубление его политического раскола и обострение политических разногласий. Однако, если в начале перемен демаркационной линией культурно-политического раскола, разделявшей общество на оппозиционно настроенные политические силы, было отношение к коммунистической идеологии и к движению культурно-национального возрождения молдавского народа, то после августовских событий 1991 года и последовавшим за ними запретом деятельности Коммунистической Партии, ситуация существенно изменилась, превратив в непримиримых политических оппонентов и врагов даже тех, кто в свое время стоял под одними политическими знаменами, выступая за национально-культурное возрождение молдавского народа.

Новая линия раскола развела в противоположные стороны не только все политическое сообщество в целом, но и те политические силы, которые в этот период находились в авангарде молдавской политики. Речь, прежде всего, идет о Народном Фронте, изначально представлявшем собой широкое национальное движение и воплощавшем в себе настроенность народных масс на демократические перемены и национально-культурное возрождение. Вскоре после своего культурного триумфа периода перестройки, Народный

Фронт пал жертвой собственного успеха. Как только поставленные им цели были достигнуты (инициирование процесса возрождения румынской культуры и выход республики из Советского Союза), у сторонников движения обозначились серьезные разногласия по проблеме будущего развития страны, разбившие его на два основных крыла: радикалов, настаивавших на идее объединения Молдовы с Румынией, и умеренных сторонников идеи национально-культурного возрождения, ратовавших за сохранение государственной самостоятельности страны.

Политический радикализм и акцентуация панрумынской идеи, реализация которой превращалась в Программе Народного Фронта в главную цель культурно-политического развития общества, привели к тому, что широкие массы населения и многие политические лидеры, ранее поддерживавшие пропагандировавшиеся Народным Фронтом идеи национально-культурного возрождения, отошли от этого движения после того, как оно трансформировалось в политическую партию. Население, столь активно поддерживавшее идеи Народного Фронта в период перестройки, оказалось в своей массе не согласным с идеей утраты Республикой Молдова независимости и ее присоединения к Румынии. Массовая поддержка, которую, казалось, оказывало население националистам, куда-то исчезала, как только народ выходил на выборы. Это делало очевидным тот факт, что народ Молдовы, испокон веков привыкший жить в мире и согласии в условиях полиэтнического пространства, в своем подавляющем большинстве не приемлет крайних форм проявления национализма и радикализма, и потому народные массы более склонны голосовать за умеренное политическое крыло, наиболее полно отражающее их настроения и ориентации в мире политики. Поэтому неслучайно именно это крыло, представленное на тот период аграриями, стало в 1990-е годы лидирующей политической силой.

Будучи горячими сторонниками национального движения в конце 1980-х годов, в начале 1990-х годов лидеры аграриев, в отличие от сторонников Народного Фронта, решительно высказывались в пользу укрепления национальной независимости Республики Молдова, проповедуя доктрину «двух государств», и настаивали на идее возрождения молдавской культуры, рассматривая ее как отличающуюся от румынской. В молдавской политике совершенно отчетливо обозначились контуры «молдовенизма» или «молдавского национализма», объединившего те политические силы, которые впоследствии стали главными противниками идей панрумынизма.

1990-е годы вообще вошли в историю становления молдавской демократии как время наиболее отчаянных политических боев между сторонниками и противниками идеи унионизма и вытекающей отсюда проблемы национальной идентичности. Боев, в ходе которых политические идеи панрумынизма и национальной независимости страны из «боевого

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

знамени» масс периода перестройки, объединявшего радикально настроенные силы общества, постепенно превращались в главное оружие борьбы политических партий и их лидеров за электорат и, тем самым, за власть. Политическая история нашей страны начала 90-х годов XX века, - как отмечает П. Варзарь, - показывает, что ни одна, пришедшая к власти, политическая сила не сумела выработать и реализовать собственной национальной концепции демократического транзита. Чаще всего, политические элиты тратили свои силы главным образом на споры (чаще всего, пустые) о власти. Таким образом, борьба политических элит за власть стала определять главное содержание политической жизни молдавского общества на рубеже последних веков, по существу превращаясь в самоцель политической активности [3, с. 70].

В подобной ситуации наметился глубокий разрыв между политической элитой и электоратом, к мнению которого политические лидеры отныне стали апеллировать, руководствуясь, главным образом, целью обеспечения массовой поддержки на выборах возглавляемых партий. В этих условиях происходит все большее дистанцирование политической элиты, увлеченной борьбой за власть, от электората, испытывавшего на себе все тяготы переходного периода, сопряженные с массовым обнищанием всего населения страны, независимо от этнической принадлежности. Игнорирование политической элитой, властвовавшей в стране во второй половине 1990-х годов, нужд и потребностей широких народных масс существенно актуализировало интерес общества к политическим силам левой конфигурации. Изменения в настроении масс наглядно продемонстрировали парламентские выборы 1998 года, в результате которых возрожденная Партия Коммунистов Республики Молдова получила самое большое количество парламентских мест. Однако эта победа коммунистов знаменовала не только победу левых идей, ориентированных на социальную защиту народных масс, но и начало ухода политиков от идеи национальной идентичности, трактовавшейся как ключевая проблема молдавской политической жизни. Коммунистам удалось перешагнуть через этнические барьеры, что позволило им получить поддержку со стороны этнических молдаван, которые были разочарованы состоянием упадка экономической жизни, тем самым преодолев узость националистических идей, как правого, так и левого толка [7, с. 166].

Увлеченность молдавских политиков начала «демократической волны» борьбой за власть и отсутствие прочного идеологического обеспечения модернизационных процессов, апелляция в борьбе за электорат к националистическим идеям, обладающим наиболее провокационным, будоражающим характером, усиление экономического и социального разрыва политических элит с электоратом, с одной стороны, а также накопле-

ние и хроническая нерешаемость острейших социально-экономических проблем, игнорирование насущных интересов стремительно деградирующих народных масс, поставленных на грань выживания - с другой, со временем породили в обществе синдром усталости от политики, разочарования и неверия в успешность демократических перемен в Молдове, скептицизм по отношению к политическим формированиям и их лидерам, независимо от их политической колоратуры.

Демократическая эйфория и революционный энтузиазм народных масс, разбуженный в начале перемен процессами кардинального переустройства общества и его национально-культурного возрождения, к концу 1990-х годов стали постепенно спадать, уступая место настроениям разочарования, провоцируемым «грязными играми» политических элит в борьбе за власть, высоким уровнем их коррумпированности, несбывшимися социально-политическими ожиданиями и тяжелым экономическим положением. В то же время, произошел перелом в политических предпочтениях молдавского народа, выразившийся в актуализации в политическом сознании общества социально ориентированных идей, способствовавший политической реабилитации «левых», а также в желании видеть во главе политического руководства сильную власть, способную «навести порядок» в стране и вывести ее из состояния всеобщего хаоса.

Политическая культура молдавского общества, таким образом, претерпела на рубеже последних десятилетий прошлого столетия радикальные изменения. Именно на этом этапе определились ее главные особенности как культуры периода демократического транзита, которые наиболее емко отражает понятие «культуры раскола». Вместе с тем, его особая значимость для истории становления и развития молдавского общества заключается в том, что в этот период были заложены главные предпосылки для утверждения в нем демократических ценностей: была разрушена тотальная монополия на власть одной партии, отвергнута идея государственной идеологии. В то же время, высокую позитивную оценку общества приобрели демократические ценности, такие как свобода и справедливость, защита фундаментальных прав человека, свободное развитие человеческой личности, толерантность и политический плюрализм, гласность и транспарентность. Всеобщее признание демократических ценностей носило на этом этапе преимущественно декларативный характер. Сложившиеся в ходе перемен политические ориентации людей, в действительности оказались слишком далекими от культуры демократии, основными свойствами которой являются плюрализм, консенсус и многообразие. Поэтому формирование политической культуры, адекватной потребностям консолидации демократии, стало для молдавского общества одной из наиболее важных проблем дальнейшего политического развития.

Лилия БРАГА

Литература:

1. Титаренко А. И. Антиидеи. Опыт социально-этического анализа. Москва: Издательство политической литературы, 1984. - 478 с.
2. Петро Н. О концепции политической культуры, или основная ошибка советологии. - Политические исследования, 1998, №1, с. 36-51.
3. Varzari P. Elita politică din Republica Moldova: realități și perspective. - Chișinău: CEP USM, 2008. - 135 с.
4. Josanu, Iu. Schimbările de regim în Europa postcomunistă. - Revista de Filozofie, Sociologie și Științe Politice, 2007, №2, с. 79-85.
5. Eisenstadt S. N. Prăbușirea regimurilor comuniste și vicisitudinile modernității. - Polis, 1994, №4, с.49.
6. Фурман Д. Е. Религия, атеизм и перестройка. Вкн.: На пути к свободе совести. (Перестройка, гласность, демократия, социализм). - Москва: Прогресс, 1989, с.7-18.
7. King Ch. Moldovenii. (România, Rusia și politica culturală). - Chișinău: ARC, 2005. - 314 p.

Summary

In the article are analyzed the problems of political culture in the Republic of Moldova at an early stage of democratization. From the author's point of view, the struggle for sovereignty and national independence in context of "democratic moment" laid to the foundations of a culture of division. This trait has been instrumental in the development of political culture in the Republic of Moldova for the years to come.

Рахман МУСТАФАЕВ,
доктор философии в истории, Чрезвычайный и
Полномочный Посол Азербайджана в Греции

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИЕЙ И ВИЗАНТИЕЙ В ИСТОРИИ ХРИСТИАНСТВА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Эта тема малоизученная страница не только нашей истории, но и истории всего христианского мира, частью которого древний Азербайджан – Кавказская Албания – был в течение I-VIII вв.

Государство Кавказская Албания просуществовало с IV в. до н.э. до VIII. н.э., т.е. около 1000 лет, приблизительно в одних и тех же пределах, от р. Аракс – на юге – до отрогов Большого Кавказского хребта – на севере. Оно сыграло важную роль в истории азербайджанского народа. И исторически сложилось так, что именно азербайджанский народ является главным наследником историко-культурного наследия Кавказской Албании.

1. Древний Азербайджан - первый регион, принявший христианство на Кавказе

Этот бесспорный факт подтверждается не только кавказско-албанскими, но и армянскими авторами. Историк Кавказской Албании XIII века Стефан Орбелиани сообщал об этом следующее. Рассказывая о миссионерской деятельности апостола Варфоломея в области Сюник Кавказской Албании (ныне – Нахчыванский регион Азербайджана), он отмечал:

«... раньше, чем население Армении, сюнийцы явились первыми верующими и через святого апостола Варфоломея подчинились учению святого Евангелия, о чем уместно здесь рассказать. Когда Варфоломей возвратился из Персии, прошел через Атрпатакан (древнее государство, занимавшее территорию современного юга Азербайджана и севера Ирана - прим. автора), он пришел со своими учениками и, пройдя через реку Аракс, вступил в пределы Сюника и приступил к проповеди в селе Ордубад” [1].

В I-II века, по свидетельству армянского автора Моисея Хоренского [2], а также албанских историков Стефана Орбелиани и Моисея Каланкатуйского [3], область Сюник, расположенная на левом берегу реки Аракс, входила в состав Кавказской Албании. Село Ордубад сегодня – это город Ордубад – в Нахчыване.

В целом, христианство Албании прошло два этапа: апостольский или сиропфильский и грекофильский. В первый период 1-4 вв. христианство проповедовалось на сирийско-арамейском языке. Этот пе-

риод связан с деятельностью апостолов, их учеников. Второй период (грекофильский), когда христианство становится государственной религией, является общим для стран Закавказья.

2. О связях Кавказско-Албанской церкви с внешним христианским миром

С самого начала распространения христианства в Кавказской Албании до времени становления независимой церковной организации самой стабильной связью Албанской Церкви с внешним христианским миром была связь с Иерусалимской церковью. Это объяснялось не только тем, что Албанская церковь была основана прибывшими именно из Иерусалима апостолами Варфоломеем и Елисеем, но также деятельностью поселившихся в Албании иудеев-назареев, еврейских христиан.

Нахождение Албании по соседству с Грузией, Арменией и Персией обусловили связи Албанской церкви с Грузинской, Армянской и Сиро-Персидской церквями. Главы Албанской церкви участвовали в поместных Соборах вместе с армянскими и грузинскими епископами. Так, в 506 году на Двинском Соборе, иерархи Албанской, Армянской и Грузинской церквей поддерживали унионистскую политику византийских правителей, целью которой было соглашение между диофизитами и монофизитами.

Но, помимо этих внешних связей с восточными церквями, что характерно для всего христианского мира и почти для всех церквей, Албанская церковь осуществляла и проводила еще одну взаимосвязь, только ей свойственную, которая исходила из внешней политики албанских правителей и стратегического положения Кавказской Албании. С целью расположения воинственных племен Поволжья и Северного Кавказа, приостановления их систематических нашествий Албанская церковь посылала к ним христианских проповедников, пытаясь обратить их в христианскую веру, сделать единоверцами и союзниками.

В частности, сирийские источники сообщают [4], что в 537 г. в земли гуннов прибыло христианское посольство из Албании в составе семи священников. Они

Рахман МУСТАФАЕВ

провели среди гуннов 14 лет, распространяя христианство, и перевели на гуннский язык священное писание. Через 7 лет после этого сюда же прибыла миссия во главе с послом Пробосом от императора Византии с целью набора воинов для военных действий. Сирийский источник сообщает, что византийский император, узнав о целях албанской миссии, оказал щедрую материальную помощь албанским священникам для успешного выполнения их миссии.

3. Как складывались отношения между Кавказской Албанией и Византией.

В силу своего сложного географического положения между враждебными племенами гуннов и хазар – на севере и Сасанидской Персией – на юге, Кавказская Албания постоянно подвергалась нападениям и была основной ареной боевых действий на Кавказе. Поэтому ее правители, а также верхи Албанской церкви всегда искали поддержку у Византии.

С другой стороны, Византия также искала союза с Албанией. Сасанидская Персия, а также воинственные племена гуннов и хазар считались самыми серьезными противниками Византии, поэтому их сдерживание всегда было высшим стратегическим приоритетом Константинополя. В этом контексте Кавказская Албания занимала особое положение во внешней политике Византии, так как именно через ее территорию проходил единственный путь, по которому враждебные племена Поволжья и Северного Кавказа нападали на Византию. Все остальные пути были непроходимы из-за гор Большого и Малого Кавказа. Поэтому союз и дружба с Кавказской Албанией означали мир и спокойствие на границах Византии. Византийские императоры здесь действовали по принципу – союзы лучше заключать с недружественными соседями.

В связи с этим сирийские, албанские и армянские источники 4-8 вв. приводят многочисленные факты того, что Византия и Албания даже совместно строили оборонительные стены на северной границе Кавказской Албании.

Кроме того, была и другая причина интереса Византии и Албании друг к другу. Кавказская Албания считалась древним христианским государством. В V-VII вв. она оказалась втянутой в догматическую борьбу монофизитов с диофизитами, которая охватила весь христианский мир. И укрепление сторонников диофизитства в этой стране было важным приоритетом византийской дипломатии, которая постоянно думала о формировании христианской коалиции против Сасанидов, а затем и Халифата.

В конце VI - начале VII в. в связи с усилением в Закавказье политического влияния Византии Албанская церковь приняла диофизитство. Поэтому в этот период для сближения двух государств условия были особенно благоприятными. Именно в этот период албанский царь Джеваншир (636-679), который стоял за сближение с Византией, направил византийскому императору Константину II (642-668) письмо, текст которого приводится у Моисея Каланкатуйского:

«Всесильный господин, могущественный и милостивый государь греческий Констант!... Да будет угодно твоему христоролюбивому господству согласиться принять в новое подданство отдаленный народ, чтобы нам за покорность нашу даровано было божественное благодеяние от великой славы твоей» [5, кн. II, гл. 20].

На это письмо албанского князя византийский император ответил радостным согласием. Джеванширу были посланы от византийского двора драгоценные дары. Кроме того, император сделал Джеваншира первым патрицием.

Известный американский историк Edward Luttwak отмечал в связи с этим в своей книге «The Grand Strategy of the Byzantine Empire» следующее:

«Большинство кавказских правителей были хорошо знакомы с византийской культурой, многие на себе испытали притягательность константинопольского двора и раздаваемых им наград. И хотя некоторые располагали собственными автокефальными церквями, заявляя при этом об их большой древности, у них не было религиозных препятствий, мешающих им признать первенство Византийской империи во всех остальных вопросах» [6].

4. Изменение ситуации с приходом арабов в регион Южного Кавказа.

После завоевания Южного Кавказа арабами Халифат, понимая стратегическое значение Албании как плацдарма в борьбе с Византией, проводил политику идеологического разобщения Албании и Грузии с Византией. В противовес диофизитству Византии Халифат поддерживал монофизитский толк среди христиан Закавказья.

Арабы были особенно заинтересованы в подчинении себе Албании, учитывая ее стратегическое положение между Северным Кавказом и Ближним Востоком, проходящие через нее торговые пути, ее природные богатства.

В силу непосредственной близости исторических грузинских земель к Византии Халифату не удалось отторгнуть Грузию от политического и идеологического единства с Византией. Но идеологического единства Албании с Византией Халифат допустить не мог. Арабы подавляли любые попытки албанских правителей и верхов Албанской церкви к самостоятельному развитию и сближению с Византией. По этой причине Арабский Халифат пытался сделать албанскую церковь монофизитской. Важно отметить, что в этом огромную поддержку ему оказала Армянская церковь.

Закономерным в этой связи является вопрос, почему это стало возможным, если обе церкви - Армянская и Албанская - были единоверными?

В Албанской церкви и среди элиты в этот период, как мы отметили выше, шла упорная борьба между сторонниками моно- и диофизитства. Укрепление позиций диофизитства в Албании было одинаково невыгодно и Халифату, и монофизитской Армянской церкви.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИЕЙ И ВИЗАНТИЕЙ В ИСТОРИИ ХРИСТИАНСТВА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Первый боялся укрепления политического и идеологического влияния Византии в регионе Кавказа, а вторая опасалась усиления независимости Албанской церкви.

Именно поэтому, когда избранный в 689 году предстоятелем Албанской церкви Нерсес Бакур (689-706) решил пойти на сближение с Византией, Армянская церковь решительно выступила против этого, поддержав Арабский Халифат в борьбе против единоверной Албанской церкви. Армянский католикос донес о планах Нерсеса Бакура халифу и представил ситуацию так, будто Албания хочет объединиться с Византией против Халифата. **Ниже приводится письмо Илии, Католикоса Армянского к халифу Абд ал-Малику Амир Мумину.**

«Властителю вселенной Абдала Амир Мумину от первосвященника Армении Илии.

Волей вседержителя Бога страна наша покорно повинуетсЯ вашей власти. Как мы, так и албанцы исповедуем одну и ту же веру – в Бога Христа. Теперь же, тот, кто является католикосом Албании в Партаве (столица Кавказской Албании. Ныне – город Барда в Азербайджане - прим. Р.М.), договорился с императором ромеев, в молитвах своих поминает его и принуждает всех, стать единоверными с ним. Так знайте вы об этом и не оставляйте без внимания. Повелите своей высокой властью наказать по заслугам тех, кто вздумал грешить против Бога» [5, кн. III, гл. 6].

Ответ Абд ал-Малика Амир Мумина на письмо Илии, Католикоса Армянского:

«Письмо твое искреннее, человек Божий Илия, католикос армянского народа, я прочел, и милостью отправляю к тебе моего верного слугу с многочисленным войском. Взбунтовавшихся против нашего владычества албанцев я повелел вернуть к вашему вероисповеданию. Мой слуга накажет их в Партаве на твоих глазах, а Нерсеса, заковав в железные цепи, привезет с позором к царскому двору [моему], чтоб я выставил их в назидание всем мятежникам» [5, кн. III, гл. 6].

5. Как сложилась дальнейшая судьба Албанской церкви.

Как было показано выше, Албанская церковь потерпела поражение в попытке сближения с Византией и противостояния Арабскому Халифату во многом из-за **провокационной роли** активно помогавшей Халифату **Армянской монофизитской церкви.**

После смещения с первосвятительской кафедры Албанской церкви Католикоса Нерсеса Бакура в 706 году Армянская церковь при поддержке Халифата начала вытеснение албанского духовенства с занимаемых им позиций и арменизацию (как этническую, так культурную и религиозную) албанов, живущих в недоступных арабам горных местностях страны. При поддержке Халифата Албанская церковь потеряла свою самостоятельность и на некоторое время была подчинена Армянскому Католикосату.

Попытки сближения с Византией были объяв-

лены ересью, и право рукоположения католикосов для Албании перешло от албанских епископов к армянским. Ниже приводится письмо армянских священников своему католикосу, в котором они информируют его об этом решении. Обращаю внимание на то, что провизантийские устремления албанских священников объявлены в этом письме “неопытностью и неблагоприятием”:

«Относительно рукоположения католикосов Албании мы также приняли следующий канон: так как с недавнего времени они проявили неопытность и неблагоприятие, вследствие чего наша страна впала в ересь, то по причине этой мы обязуемся перед Богом и перед тобой, первосвященник Илия, что рукоположение в католикосы Албании должно совершаться через престол святого Григория, с нашего согласия» [5, кн. III, гл. 8].

Кроме того, как признают даже армянские историки, армянское духовенство постепенно свело «на нет» влияние Албанской церкви и руками арабских властей уничтожило все литературные памятники албанов [7, сс. 45, 118]. Уничтожая литературные памятники Албании и ее церкви, армянские церковники предварительно переводили их на древнеармянский язык, внося соответствующие коррективы [8, с. 329].

Советский исследователь Петрушевский И.П. справедливо заметил, что Армянская церковь в Албании «служила оружием арменизации страны. Эта ее роль становится особенно заметной с начала VIII века, после низвержения албанского католикоса-халкидонита Нерсеса (Бакура) армянским монофизитским католикосом Илией при содействии халифа и после подавления армянофилами-монофизитами халкидонского движения в Албании, отражавшего стремление части духовенства и князей отстоять независимость Албанской церкви» [9, т. 1, вып. 5, с. 8].

Другой советский ученый Н.Я. Марр также отмечал, что Албания с помощью арабских халифов «сделалась достоянием антихалкидонитской церкви Армении» [10, т. 13, с. 7].

С ослаблением арабского господства на Кавказе и образованием в конце VIII - IX вв. независимых государств на территории исторического Азербайджана Албанская церковь вновь стала независимой.

Но ситуация изменилась после присоединения в начале XIX века Северного Азербайджана к Российской империи. В 1815 году сан Албанского Патриарха-Католикоса был упразднен царским указом. А 11 марта 1836 года императором Николаем I был упразднен Албанский Католикосат, и он вновь подчинил его Армянской церкви. В 1909-1910 годах Российский Святейший Синод дал разрешение Армянской церкви уничтожить старые архивные дела подведомственных епархий. По мнению многих исследователей, среди этих архивов были уничтожены уцелевшие до тех пор архивы Албанской церкви.

Эти разрушительные для Албанской церкви процессы были напрямую связаны с созданием на Южном

Рахман МУСТАФАЕВ

Кавказе новой административной единицы под названием «Армянская область». 21 марта 1828 года указом российского императора Николая I были упразднены азербайджанские ханства – Нахичеванское и Эриванское, и на их месте была создана Армянская область. Началось массовое переселение на азербайджанские территории Кавказа армян из Персии и Османской империи после завершения русско-турецкой и русско-персидской войн.

Кстати, армянские ученые любят рисовать карты т.н. «древней Армении» от «моря до моря». Но в действительности только в начале 19 века на Южном Кавказе появилось территориальное образование под названием «Армянская область». Не случайно известный французский историк Andre Guillou в своей книге «La Civilization Byzantine» отделяет понятия «Армения» и «Кавказ» друг от друга, упоминая об «армянских и кавказских правителях», «династиях Армении и Кавказа» (с. 162 и 167 издания на русском языке, 2007 г.).

6. О дальнейшей судьбе кавказско-албанского этноса.

После завоевания Албанского царства (705 г.) арабами и ликвидации независимости Албанской церкви албаны подверглись длительному процессу деэтнизации. Часть их, проживающая в равнинных областях, приняв ислам, подверглась ассимиляции со стороны тюркоязычных племен, компактно живших во многих областях Кавказской Албании.

А часть албан, живущих в горных, предгорных районах страны (туда арабы и турки не шли), пытались противостоять исламу, сохранить свою самобытность. Это осколочное албанское население сумело создать с IX по XIX вв. в районах Малого Кавказа, в Карабахе – (албанское название – Арцах) албанские политические образования (княжества, меликства), которые всегда были в составе всех государственных образований Азербайджана, составляя их неотъемлемую часть. Армянский историк Б.Ишханян в своей книге «Народности Кавказа», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1916 году, отмечал, что «армяне, проживающие в Нагорном Карабахе, частью являются потомками древних албанцев, а частью беженцами из Турции и Ирана, для которых азербайджанская земля стала убежищем от преследований и гонений» [11].

В XII в. в Карабахе возвысилось Хаченское княжество, которое достигло взлета в XIII в. при Хасане Джалале, титуловавшемся «царем Албании». Он с 1216 по 1238 годы построил здесь ныне знаменитый Гандзасарский храм. Именно с этого времени вплоть до начала 19 века Гандзасар был центром Албанской церкви и резиденцией ее католикоса. Эти албаны, пытаясь противостоять исламу, придерживались христианства либо православного (диофизитского толка), что неминуемо сближало их культурно-идеологически с Грузинской церковью, с грузинами, либо монофизитского направления, что сближало их с Армянской церковью, с армянами.

И, тем не менее, часть албанского народа – удины, их прямые потомки, сохранились до нынешнего времени. На протяжении веков удины сумели сохранить свою самобытность, культуру, язык, религию, самосознание, этноним (самоназвание).

7. Связь современных азербайджанцев со своими христианскими предками и судьба народа Кавказской Албании.

Недавно в селении Нидж Габлинского района Азербайджана проходили праздничные мероприятия, приуроченные к 1700-летию официального принятия христианства Кавказской Албанией как государственной религии, а также к десятой годовщине возрождения Албано-Удинской церкви в Азербайджане.

Удины, как уже отмечалось выше, – это прямые потомки албан. Они были одной из ведущих этнических групп древней Кавказской Албании, одним из первых этносов, принявших христианство на Кавказе в 313 году. Сегодня удины – преемники богатого религиозно-культурного наследия Албанской апостольской автокефальной церкви. Это небольшая по численности, но важная по значимости этническая группа в азербайджанском обществе, так как именно через нее проходит связь современного Азербайджана с Кавказской Албанией.

Именно по этой причине в 2003 году в Азербайджане была возрождена албано-удинская христианская община, начался процесс восстановления их церквей, начались первые богослужения. Добавлю, что сегодня в селении Нидж, где компактно проживают удины, ведутся работы по благоустройству, за последние десять лет Президент страны Ильхам Алиев два раза посещал Нидж. В 2003 году была отреставрирована одна из самых древних церквей Кавказа в селе Киш Шекинского района, а в 2006-м – один из трех храмов в селении Нидж – Церковь «Джотари» имени Святого Елисея. В селении также имеются и другие церкви.

Так что разговоры об отсутствии связей между современными азербайджанцами и их христианскими предками наивны и некорректны. Эти связи продолжают сегодня и укрепляются, традиции возрождаются. Народ, о котором греческий историк и географ писал в своей «Географии» более 20 веков назад, сегодня жив. Албано-удинская христианская община сегодня получила – может быть впервые в своей двухтысячелетней истории – все условия для своего развития.

Для нас это естественный процесс. Особенность и огромное преимущество Азербайджана по сравнению с некоторыми соседними странами в том, что в нем всегда были живы традиции терпимости, толерантности и многообразия. Многообразия культурного, этнического и религиозного.

8. Кавказско-Албанские церкви сегодня в Азербайджане.

Почти во всех регионах Азербайджана мы можем найти хорошо или частично сохранившиеся базилики, церкви и даже монастырские комплексы.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИЕЙ И ВИЗАНТИЕЙ В ИСТОРИИ ХРИСТИАНСТВА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Ранние христианские храмы Кавказской Албании формировались в основном на основе храмов дохристианского культа. Первоначально под христианские храмы переделывались старые языческие постройки. В результате такого подхода к созданию христианских храмов в период II-VII вв. появились первые церкви: зальные и одностолпные базилики, купольные залы, бескупольные нефные базилики, круглые храмы.

С течением времени центрические храмы сменялись крестово-купольными храмами. Храмы постепенно становятся не только сугубо богослужебными, но светскими и культурными центрами. В этой связи появляются более парадные купольные залы (Храм Гасана Великого в Хотаванке Кельбаджарского района - XIII век), крестово-купольные храмы (Соборная церковь Арзу-хатун в Хотаванке - XIII век, Храм в Гандзасаре Агдеринского района - XIII век).

Постепенное распространение монашества привело к необходимости создавать новые монастырские комплексы, на территории которых размещалось иногда несколько храмов и другие сооружения различного назначения (Мамрухский монастырский комплекс в Гахском районе - IV век, Святого Елисея - VI-XIII века, Хатраванк - XIII век, Большой Аранский - VI-XIII века, Гандзасарский в Агдеринском районе - XIII век, Едти Килсе в Гахском районе - V-VIII века и др.). Строительство христианских храмовых памятников продолжалось до начала XIX века.

Немалый интерес представляет самый древнейший из памятников Христианской церкви Кавказской Албании – Храм апостола Елисея в селении Киш, недалеко от города Шеки. Храм в селении Киш датируется 2-4 вв., обладает особым статусом среди христианских албанских памятников. Он имеет ценность не только как архитектурный памятник, но и обладает выдающейся исторической ценностью. История возникновения церкви связана с историей распространения христианства в Кавказской Албании. Наличие в исторических источниках сведений об основании церкви апостолом Елисеем является неопровержимым

свидетельством апостольского начала древнейшей на Кавказе самостоятельной Албанской церкви.

9. Границы канонических территорий трех церквей Кавказа.

Правильное определение границ соприкосновения канонических территорий трех церквей является очень важным вопросом, так как очень часто историки, особенно армянские, путают албанские и грузинские церкви с армянскими. Для локализации их епархий в период 4-8 вв. необходимо учитывать соборные акты, топонимы, где проходили соборы, а также реестры самих соборов всех трех церквей – Кавказско-Албанской, Грузинской и Армянской. При таком подходе и рассмотрении соборных актов выявляется географический ареал канонической территории той или иной из церквей. Азербайджанский ученый и ведущий эксперт по истории Кавказской Албании Фарид Мамедов на основе Армянского канонника (Канонагирк Хайоц), опубликованного на древнеармянском языке в Тифлисе в 1914 г., изучила все соборные акты Армянской церкви.

Из этого реестра становится совершенно очевидным, что почти все епархии Армянской церкви, города, местности, где собирались армянские соборы, были расположены вокруг озера Ван (т.е. на территории современной Турции), а также на восточном берегу реки Тигр, а некоторые – в междуречье Тигра и Евфрата. То есть, далеко на запад от реки Аракс, которая была границей между Кавказской Албанией и Арменией.

Что же касается двух кавказских церквей – Албанской и Грузинской, то их соборные акты свидетельствуют о нахождении всех подведомственных им епархий на территории Кавказа – соответственно Восточного и Западного. Албанские епархии располагались на двух берегах реки Куры – на левобережье и правобережье, вплоть до реки Аракс. Иными словами, на территории Южного Кавказа с первых веков н.э. и в период раннего и позднего средневековья практически были две христианские церкви – Албанская и Грузинская. Каноническая территория Армянской церкви охватывала главным образом восточную часть Малой Азии.

Литература:

1. Орбелиан Степанос. История области Сисакан (на древнеарм. языке). - Тифлис, 1910, гл. 5, с.13-15.
2. См.: Хоренский Моисей. История Армении. Перевод Н.О.Эмина. - Москва, 1893, кн. II, гл. 8.
3. См.: Каганкатуаци Моисей. История агван. – Санкт-Петербург, 1861, кн. I, гл. 4.
4. Пигулевская Н.В. Сирийские источники о народах Кавказа, 1939, №1 (6), с. 107-115.
5. Каланкатуаци Мовсес. История страны Алуанк. (Перевод Смбатьяна III.B.). - Ереван, 1984.
6. Edward N. Luttwak. The Grand Strategy of the Byzantine Empire, с.217.
7. Орманиян М. Армянская церковь, ее история, учение, управление, внутренний строй, литература, ее настоящее. - Москва, 1913.
8. Еремян С.Т. Идеология и культура Албании III-VIII веков. - Москва, 1958.
9. Петрушевский И.П. О дохристианских верованиях крестьян Нагорного Карабаха. Известия АЗГНИИ, 1930.
10. Марр Н.Я. Аркау, монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкедонитах. - Византийский Временник, 1906., т. 13.
11. Ишханян Б. Народности Кавказа. - Санкт-Петербург, 1916.

Хатира МЕХДИЕВА,

диссертант кафедры международных отношений
Бакинского государственного университета

УРОВЕНЬ СОТРУДНИЧЕСТВА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ СО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ ООН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Азербайджанская Республика на данный момент является членом всех специализированных учреждений ООН. Формирование и развитие сотрудничества Азербайджанской Республики со специализированными учреждениями ООН началось сразу же после того, как 2 марта 1992 года Азербайджан стал полноправным членом ООН.

Азербайджан активно и полезно сотрудничает со многими специальными организациями и органами ООН. К их числу относятся: Программа развития ООН (ПРООН), Международная организация труда, Организация ООН по образованию, науке и культуре, Всемирная организация по здравоохранению, Продовольственная и сельскохозяйственная организация и Международный фонд сельскохозяйственного развития, Международный валютный фонд. Организация по развитию промышленности.

В этой связи необходимо более детально рассмотреть и проанализировать деятельность основных из них.

Программа развития ООН.

В настоящее время ПРООН — это влиятельнейшая международная организация, имеющая свои представительства в 166 странах мира. Они готовят рекомендации для оказания финансовой помощи развивающимся государствам. Помощь ПРООН представляется по пятилетним планам и по конкретным проектам. При этом доля финансирования может составлять от 50 до 100 %, в зависимости от уровня развития конкретного государства, нуждающегося в такой помощи. ПРООН активно сотрудничает с Международным банком реконструкции и развития (МБРР) [7].

ПРООН действует в Азербайджане с 1993 г. За это время в стране при поддержке Правительства Азербайджана было подготовлено и реализовано несколько программ, направленных на оказание помощи в развитии разных сфер экономики. Несмотря на достигнутые результаты в экономическом развитии, в Азербайджане все еще высок уровень бедности. При этом важно отметить, что Правительство страны при содействии ПРООН успешно реализовало Государственную программу по сокращению бедности и экономического развития на 2003-2005 годы. Снижению

уровня бедности с 46,7 до 20 % способствовало увеличение зарплат, повышение пенсий и улучшение социальных условий для населения [7].

Совместно с Правительством Азербайджана был разработан Проект содействия развитию на 2005-2009 годы, успешно реализуемый сегодня. Уже в 2006 г. началась подготовка подобного проекта на 2010-2014 гг., в котором выделены направления деятельности ООН в Азербайджане на ближайший период времени [8].

Международная организация труда.

Деятельность МОТ основана на принципах трехстороннего представительства: правительства, предпринимателей и трудящихся, что находит прямое отражение в основе формирования руководящих органов МОТ и национальных делегаций стран-членов, занимающихся разработкой рекомендаций и проектов международных конвенций по вопросам труда и прав профсоюзов. Приоритетной проблемой, рассматриваемой МОТ с конца 1980-х гг., стал вопрос о взаимозависимости гражданских, социальных и экономических прав человека.

Азербайджанская Республика принята в члены МОТ 19 мая 1992 года. В целом связь между Азербайджанской Республикой и МОТ можно разделить на 2 группы: сотрудничество, осуществляемое непосредственно на основе взаимных поездок и обменов делегациями; сотрудничество, осуществляемое путем ратификации со стороны Азербайджанской Республики международных документов, принятых МОТ. По показателю ратификации конвенций, принятых МОТ, Азербайджан занимает одно из первых мест.

Так, Азербайджанская Республика ратифицировала около 70 конвенций МОТ. В качестве наглядного примера инкорпорации международных актов в национальное законодательство можно назвать Трудовой кодекс Азербайджанской Республики, утвержденный Законом Азербайджанской Республики от 1 февраля 1999 года и вступивший в силу с 1 июля 1999 года, Закон о занятости, принятый 2 июля 2001 года, Закон о профессиональных союзах от 24 февраля 1994 года, Закон о трудовой миграции, подписанный 28 октября 1999 года, и другие нормативно-правовые акты. Как

УРОВЕНЬ СОТРУДНИЧЕСТВА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ СО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ ООН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

отмечается в преамбуле Трудового кодекса Азербайджанской Республики, в настоящем кодексе закреплены нормы, регулирующие трудовые отношения в соответствии с международными договорами, которые заключила Азербайджанская Республика, либо с международными договорами, к которым присоединилась Азербайджанская Республика, конвенциями МОТ и другими нормами международного права [1].

Организация ООН по образованию, науке и культуре (ЮНЕСКО). Наше государство, приняв решение о сотрудничестве с ЮНЕСКО, 3 июля 1992 года стало членом этой организации. Формирование и развитие связей между ЮНЕСКО и Азербайджанской Республикой связано с именем Гейдара Алиева. Соглашение о сотрудничестве между Азербайджанской Республикой и ЮНЕСКО, подписанное в ноябре 1996 года, стало началом нового этапа сотрудничества в сферах образования, науки, культуры и гуманитарной сферы. Не случайно, что именно после этого в Азербайджане началась реализация двух проектов по перестройке высшего образования в соответствии с программами TESIS и TEMPUS. 2000 год был объявлен ЮНЕСКО годом Великого Шелкового пути – TRASECA.

Со времени вступления Азербайджанской Республики в члены ЮНЕСКО эта организация постоянно обращала особое внимание на одаренные личности в нашей стране в сфере науки и образования, приняла ряд решений о праздновании знаменательных событий, связанных с нашим государством в рамках программы их юбилеев. Среди этих событий можно назвать 500-летний юбилей со дня рождения Мухаммеда Физули, 1300-летний юбилей эпоса «Китаби Деде Горгуд» (2000), 800-летний юбилей Насиреддина Туси (2001), 200-летие выдающегося азербайджанского ученого востоковеда Мирзы Кязымбека (2002), 100-летие со дня рождения выдающегося азербайджанского ученого, академика Юсифа Мамедалиева (2005), 100-летие известного художника-ковроведа Лятифа Керимова (2006), 100-летие премьеры оперы «Лейли и Меджнун» (2008), 100-летний юбилей академика Мусы Алиева (2008), 100-летний юбилей азербайджанского писателя Мир Джаалала Пашаева (2008), 100-летие азербайджанского художника Саттара Бахлулзаде (2009).

Первым историческим памятником Азербайджана, включенным в список всемирного наследия ЮНЕСКО, стал архитектурный комплекс Ичери-шехер, являющийся историческим центром города Баку. Имя этого комплекса включено в названный список в декабре 2000 года. Очередным памятником нашего народа, который включен в этот список, стал Гобустанский историко-художественный заповедник. Решение о включении Гобустана в Список Всемирного наследия было принято на 30-й сессии Комитета ЮНЕСКО по всемирному наследию, состоявшейся в 2007 году в Новой Зеландии.

После избрания первой леди Азербайджана, президента Фонда Гейдара Алиева, депутата Мили Меджлиса Мехрибан ханум Алиевой послом доброй воли ЮНЕСКО в сфере устных и музыкальных традиций,

связи между ЮНЕСКО и Азербайджанской Республикой стали развиваться более высокими темпами. Мехрибан Алиева удостоена этого звания в сентябре 2004 года за вклад в развитие традиционной музыки, литературы и поэзии, заслуги в сфере музыкального образования и обмена мировых культур, за проявленную преданность идеям ЮНЕСКО. После этого азербайджанский мугам был объявлен в ЮНЕСКО шедевром нематериального наследия человечества. По инициативе и под руководством Посла доброй воли ЮНЕСКО и ИСЕСКО Мехрибан Алиевой осуществлен ряд важных проектов в сфере науки, образования и культуры. В частности, азербайджанские мугамы включены в список шедевров этой структуры, а Гобустанский заповедник – в список Всемирного культурного наследия.

Всемирная организация здравоохранения. Еще одним из специализированных структур ООН, в деятельности которых активно участвует наше государство, является ВОЗ. В результате координации деятельности ВОЗ и Министерства здравоохранения Азербайджанской Республики, в 1995-1996 гг. в нашей стране успешно завершена кампания по иммунизации. Сотрудничество Азербайджанской Республики с ВОЗ позволило провести иммунизацию в республике на высшем уровне, обогатить опыта медицинских работников республики в этой сфере, сократить количество случаев заболевания рядом инфекционных болезней, сократить детскую смертность. Сотрудничество с ВОЗ способствовало участию ученых нашей республики в работе международных научных конференций, симпозиумов и семинаров по разным отраслям медицины, организация подобных форумов Азербайджана стала традицией, появились широкие возможности для обмена научными знаниями. Начиная с 2002-2003 гг., сотрудничество между Азербайджанской Республикой и ВОЗ успешно продолжается не только на научном уровне, но и в виде осуществления совместных технических программ [1].

Продовольственная и сельскохозяйственная организация и Международный фонд сельскохозяйственного развития. Деятельность ФАО и МФСР в Азербайджане направлена на обобщение и анализ информации по вопросам питания, природопользования, сельскохозяйственного производства, лесного хозяйства и рыболовства, а также выделение выгодных кредитов на развитие сельскохозяйственной отрасли.

Главное направление в деятельности ФАО – решение экономических проблем в вопросах всемирного сельского хозяйства. В Азербайджане при поддержке ФАО в рамках Программы технического сотрудничества осуществляются семь проектов [5] развития сельскохозяйственного сектора с участием 40% населения [2, 97]. При этом было бы целесообразным открыть представительство ФАО в Азербайджане. Такой шаг помог бы оценке и реализации нужных сельскохозяйственных проектов. Следует также отметить, что ФАО непосредственно оказывает Азербайджану техническую помощь для вступления во Всемирную торговую организацию (ВТО).

Хатира МЕХДИЕВА

МФСР начал свою деятельность в Азербайджане в 1997 г. с проекта приватизации хозяйств в нескольких регионах. В настоящее время со стороны МФСР выделены льготные кредиты на сумму 18,3 млн. дол. США на осуществление двух крупных проектов в области ирригации и сельского хозяйства [6].

Международный валютный фонд. Азербайджан сотрудничает с МВФ с 18 сентября 1992 года. До сих пор Международным валютным фондом Азербайджану были выделены кредиты в рамках шести программ, однако, начиная с 2005 года, сотрудничество с МВФ осуществляется на уровне консультаций, так как азербайджанское правительство отказалось от получения кредитов из фонда. Кредиты, предоставленные МВФ азербайджанскому правительству, ежегодно и без опозданий выплачиваются в сроки, предусмотренные соглашениями. За прошедший период между правительством Азербайджана и МВФ было налажено плодотворное сотрудничество. Этот факт, в свою очередь, свидетельствует о наличии механизма динамичного развития экономики Азербайджана.

На основании Распоряжения общенационального лидера Гейдара Алиева от 2 марта 2001 года, с целью подготовки «Государственной программы по уменьшению бедности и экономическому развитию» была создана государственная комиссия. Для подготовки программы министерство экономического развития тесно сотрудничало с МВФ и Всемирным банком. 25 октября 2002 года в Баку состоялась общенациональная конференция, посвященная презентации «Государственной программы по уменьшению бедности и экономическому развитию». Помимо подготовки данной программы, эксперты МВФ оказали Национальному банку техническую помощь по созданию Карточного процессингового центра, подготовке Государственной программы по развитию Национальной системы выплат, а также по другим направлениям. С МВФ было осуществлено сотрудничество по подготовке в полном соответствии с международными стандартами законов Азербайджанской Республики «О банках» и «О Национальном банке Азербайджанской Республики».

Организация ООН по промышленному развитию.

Содействию промышленного развития развивающихся стран и установлению нового меж-

дународного экономического порядка способствует ЮНИДО, являющаяся специализированным агентством ООН в 1985 г. [3, 47]. Азербайджан, ставший членом этой организации в 1993 г., всегда тесно сотрудничал с ней. В 2005 г. состоялся визит Генерального директора ЮНИДО в Азербайджан. Министерство экономического развития Азербайджана и ЮНИДО подписали Программу сотрудничества между Азербайджаном и ЮНИДО на 2005-2010 годы. В рамках этой Программы в Азербайджане реализуется проект в области переработки сельскохозяйственных продуктов [2, 98].

За время сотрудничества в Азербайджане было реализовано несколько проектов в сфере энергоэффективности и альтернативной энергии, в том числе по развитию малых и средних предприятий, а также созданию промышленных городков. Благодаря проводимой индустриальной политике и тесному сотрудничеству с международными организациями рост промышленного производства в Азербайджане является самым высоким среди стран СНГ и составил в 2007 г. 35,6 % [4].

Таким образом, можно отметить, что для Азербайджана, как для страны с переходной экономикой, существует необходимость осуществления проектов в рамках перечисленных организаций. Сотрудничество международных организаций с Правительством Азербайджана в реализации проектов предоставляет возможности развития таких отраслей, как сельское хозяйство, промышленное производство, туризм и т. д., а также позволяет повысить потенциал государственных кадров.

Сегодня в Азербайджане развитие ненефтяного сектора является приоритетным и стратегически важным. В связи с этим целесообразно вложение доходов, полученных от продажи природных богатств (нефти и газа), в развивающиеся отрасли экономики. Важно отметить, что инвестиции, как внутренние, так и иностранные, вкладываются в информационно-коммуникационные технологии, сферу туризма, развитие промышленности, а также в сельское хозяйство.

Таким образом, в результате развития сотрудничества со специализированными учреждениями ООН, достигнуты определенные результаты. Также следует отметить, что с развитием отношений Азербайджанской Республики со специализированными учреждениями ООН, открываются новые возможности и перспективные направления данного сотрудничества.

Литература:

1. Azərbaycan-BMT münasibətləri yeni mərhələdə // İki sahıl, 2011, 2 mart, №39.
2. Дамирли Ф. Сотрудничество Азербайджана со структурами ООН социально- экономического профиля // Журнал Международного права и международных отношений, 2008, № 2, с.97.
3. Шеретов. С.Г. Международные организации системы ООН: Сб. междунар. договоров / Сост. С.Г. Шеретов. – Алматы: НИЦ КОУ, - 2008, 348 стр.
4. О социально-экономическом развитии и торгово-экономических отношениях государств - участников

Содружества Независимых Государств в первом полугодии 2007 г. и о прогнозных оценках на год // <http://cis.minsk.by/main.aspx?uid=1030405.08.2007>.

5. Azerbaijan-Technical Cooperation <http://www.fao.org/countryprofiles/index.asp?lang=en&iso3=AZE&subj=7>. 02.09.2007.

6. IFAD operation in Azerbaijan // <http://www.ifad.org/english/operations/pn/aze/projects.htm>. 15.08.2007.

7. About UNDP // <http://www.undp.org/about/> 20.07.2007.

Отчет Министерства экономического развития

**УРОВЕНЬ СОТРУДНИЧЕСТВА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ СО
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ ООН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Азербайджана за июль 2006 г. // Текущий архив Минис-
терства экономического развития Азербайджана.

8. Обсуждена реализация UNDAF в Азербайджане
Электронный ресурс // Аналитическое и информационное

Агентство «FINEKO». Режим доступа: <http://abc.az/cgi-bin/wnews_one.cgi?nid=19738&lang=>. Дата доступа:
10.12.2007.

Summary

In this scientific article locates that one of priorities of foreign policy of Azerbaijan is cooperation with specialized institutions of the UN. It is noted that cooperation with specialized institutions of the UN, is necessary for joint permission of questions of economic development and ensuring social protection of the population. Also cooperation with specialized institutions of the UN accelerates integration of Azerbaijan into the European and world space.

Keywords: Azerbaijan Republic, UN, cooperation, program of development of the UN, international organization.

Айнур ФАРМАНОВА,

старший преподаватель Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики

НАПРАВЛЕНИЯ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА АЗЕРБАЙДЖАНА С ЮНЕСКО

Введение

ЮНЕСКО – организация ООН по вопросам образования, науки и культуры позволяет своим членам пользоваться возможностью подготовки специалистов мирового уровня, технической помощью, а также подготовкой научных и педагогических кадров, принимать участие в глобальных научных проектах. История связей Азербайджана с ЮНЕСКО, служащей укреплению мира и безопасности путем расширения сотрудничества народов в сфере образования, науки и культуры, приходится на годы, предшествующие вступлению нашей страны в ООН.

Азербайджанская Республика принята в члены ЮНЕСКО – специализированной структуры Организации Объединенных Наций с 3 июля 1992 года [12]. А расширение связей Азербайджана с ЮНЕСКО началось со второй половины 1993 года, то есть после возвращения общенационального лидера Гейдара Алиева к власти. Таким образом, наиболее важным шагом в развитии отношений между Азербайджаном и ЮНЕСКО стала встреча Президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева с Генеральным директором ЮНЕСКО Федерико Майором в рамках официального визита во Французскую Республику с 19 по 21 декабря 1993 года [2, с.38-40]. В ходе встречи обсуждались вопросы двустороннего сотрудничества и перспективы развития.

В соответствии со статьей 7 Устава ЮНЕСКО, государство-член для координирования в рамках ЮНЕСКО деятельности структур, занятых образованием, наукой и культурой, в первую очередь, осуществляет соответствующие действия путем создания Национальной комиссии. Поэтому были предприняты необходимые шаги для создания Национальной комиссии ЮНЕСКО по Азербайджанской Республике, и 21 февраля 1994 года Президент Азербайджанской Республики Гейдар Алиев подписал в связи с этим распоряжение [8]. В соответствии с распоряжением Национальная комиссия была создана при Министерстве иностранных дел Азербайджанской Республики, министр иностранных дел назначен ее председателем, на которого были возложены полномочия определять сос-

тав Национальной комиссии. Азербайджан, оставаясь верным национально-культурным традициям нашей страны, наладил обширные культурные связи в различных международных организациях, создал благоприятные условия для интеграции в мировую цивилизацию.

Далее Национальная комиссия в составе 25 человек сформировала постоянный секретариат из руководителей соответствующих министерств и ведомств, представителей интеллигенции и других представителей общественности. 15 сентября 2005 года Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев, принимая во внимание уровень развития отношений между Азербайджанской Республикой и ЮНЕСКО, подписал распоряжение о дополнительных мерах в связи с Национальной комиссией по делам ЮНЕСКО в Азербайджанской Республике [12].

В соответствии с распоряжением был определен новый состав Национальной комиссии ЮНЕСКО по Азербайджанской Республике. Также Национальная комиссия определяет основные направления политики Азербайджана в ЮНЕСКО. Повседневную оперативную работу по сотрудничеству Азербайджана с ЮНЕСКО в Баку осуществляет Постоянный секретариат Национальной комиссии при Министерстве иностранных дел, а в Париже - Постоянное представительство Азербайджанской Республики в ЮНЕСКО.

18 июня 1994 года в Будапеште, на VII сессии Комитета ЮНЕСКО по региону Европы Азербайджан был избран членом этого комитета [6, S172]. Известно, что академическое признание для Европейского региона решается данным Комитетом. Академическое признание включает дипломы учебных курсов о высшем образовании, международное признание научных званий и степеней. Страны-члены поддерживали присоединение Азербайджана к Конвенции об академическом признании. Таким образом, Азербайджан был присоединен к Конвенции об академическом признании, выдвинутой странами, входящими в Комитет ЮНЕСКО Европейского региона. Это стало одним из самых больших успехов Азербайджана на международном уровне в области образования и науки.

НАПРАВЛЕНИЯ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА АЗЕРБАЙДЖАНА С ЮНЕСКО

Роль Гейдара Алиева в развитии отношений между Азербайджаном и ЮНЕСКО

В укреплении отношений между Азербайджаном и ЮНЕСКО важную роль сыграли встречи общенационального лидера Гейдара Алиева с генеральным директором этой специализированной структуры Федерико Майором. На встречах обсуждались вопросы образования, науки и культуры. 18 ноября 1994 года Президент Азербайджанской Республики Гейдар Алиев и генеральный директор ЮНЕСКО Федерико Майор подписали меморандум о сотрудничестве между Азербайджанской Республикой и ЮНЕСКО [6, с.173]. Меморандум предусматривал оказание помощи нашей республике в образовании, культуре и других областях. Здесь нашли отражение сотрудничество в сфере защиты и восстановления культурных памятников Азербайджана.

Проведение в штаб-квартире ЮНЕСКО 500-летия великого азербайджанского поэта Мухаммеда Физули, участие в этом мероприятии Федерико Майора, наконец, приезд генерального директора в ноябре 1996 года в Баку и его участие в юбилее – стало знаменательным событием, а также явилось показателем высокого уровня сотрудничества между Азербайджаном и ЮНЕСКО. В ходе визита было подписано соглашение о двустороннем сотрудничестве в области культуры [21]. Более того, учитывая основные положения Международной конвенции «О запрещении нелегального вывоза, доставке и передаче другим прав собственности на материально-культурные ценности с оккупированных территорий Азербайджана и передаче прав собственности на них другим», сотрудничество Азербайджана с ЮНЕСКО относительно возвращения, сохранения и восстановления материально-культурных памятников имеет важное значение.

Соглашение о сотрудничестве с ЮНЕСКО, подписанное в ноябре 1996 года, стало началом нового этапа сотрудничества в области образования, науки, культуры и гуманитарного сотрудничества. Не случайно, именно после этого события стали реализовываться два проекта высшего образования Азербайджана в соответствии с программами TEMPUS и TACIS, а 2000-й год ЮНЕСКО объявило годом Великого шелкового пути – годом ТРАСЕКА [21].

Кроме того, по инициативе общенационального лидера Гейдара Алиева для укрепления отношений с ЮНЕСКО и развития азербайджанской науки, образования и культуры, Азербайджан присоединился к ряду конвенций, принятых в рамках ЮНЕСКО.

В этой связи можно отметить конвенции ЮНЕСКО, к которым присоединился Азербайджан – Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 года, Конвенция о защите всемирного культурного и природного наследия от 16 ноября 1972 года, региональная Конвенция о признании дипломов и ученых степеней учебных курсов, высшего образования в государствах Азии и Тихого океана от 16 декабря 1983 года, Конвенция о запрещении нелегального ввоза в страну и вывозе из

страны культурных ценностей, незаконной передаче права собственности другим от 14 ноября 1970г. [21].

Общенациональный лидер Гейдар Алиев в письме от 3 сентября 1997 года, адресованном Генеральному директору ЮНЕСКО Федерико Майору, назвал предложение ЮНЕСКО принять Декларацию о праве людей на мир, достойный подражания, и довел до сведения генерального директора, что поддерживает проект декларации. Кроме того, в письме отмечалось, что политика Азербайджанской республики как демократического, правового и светского государства и впредь будет направлена только на установление мира [10].

В письме общенациональный лидер отмечает, что несмотря на оккупацию 20-ти процентов нашей территории в результате военной агрессии Армении, более чем один миллион граждан, изгнанных из своих домов, разрушение культурных памятников, Азербайджанская Республика проводит миролюбивую политику, достигла политической стабильности и гражданской солидарности в стране и намерено решить конфликт только мирным путем. В Письме отмечается, что все это является наглядным свидетельством уважения прав человека в Азербайджане, и в дальнейшем Азербайджанская Республика намерена осуществлять политику демократического, правового и светского сотрудничества

Следующим шагом общенационального лидера Гейдара Алиева в популяризации мирового культурного наследия Азербайджана стал Указ, подписанный 20 апреля 1997 года, о 1300-летнем юбилее «Китаби Деде Коркут» [9]. В рамках юбилея была проделана большая работа с научной, социальной, политической и художественной точки зрения, которой общенациональный лидер дал высокую оценку, назвав издание энциклопедии «Китаби Деде Коркут» большим достижением. Не остались равнодушными и представители ЮНЕСКО и в 2000-м году в связи с 1300-летним юбилеем «Дастана Китаби Деде Коркут» в рамках ЮНЕСКО в Дрездене, Москве, в различных городах Турции были организованы юбилейные мероприятия [1, с.222]. Эти мероприятия завершились торжественной церемонией с участием глав тюркоязычных государств, приглашенных в апреле 2000 года в Баку на У1 саммит.

Одним из основных направлений сотрудничества с ЮНЕСКО является вопрос о защите культурного и природного наследия Азербайджана. В связи с этим в декабре 2000 года в Список всемирного наследия включен исторический центр Баку – архитектурный комплекс Ичеришехер. Однако в результате землетрясения, случившегося в Азербайджане, были повреждены архитектурные памятники, возник ряд проблем, в связи с чем 4 июля 2003 года на 27-й сессии Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО комплекс Ичеришехер был включен в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой.

В соответствии с указами и распоряжениями Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева государственная поддержка Ичеришехер увеличилась. В отчетах экспертов Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО была представлена работа Азербайджанского

Айну́р ФАРМАНОВА

Правительства по сохранению Ичеришехер. В результате, на основании решения 33-й сессии Комитета всемирного наследия, состоявшейся в испанском городе Севилья 22-30 июня 2009 года, Ичеришехер был исключен из списка памятников ЮНЕСКО, находящихся под угрозой [22].

В соответствии с решением, принятым на 31-й сессии Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО, состоявшейся в Новой Зеландии в 2007 году, в Список всемирного наследия включен Государственный историко-художественный заповедник Гобустан. В целях защиты природного наследия Азербайджана подготовлены и представлены заявочные документы на включение в Комитет всемирного наследия Гирканских лесов. Сейчас в этом направлении ведется соответствующая работа [22]. 7 ноября 2003 года азербайджанский мугам был объявлен ЮНЕСКО шедевром нематериального наследия человечества [11].

На основании итогового решения 4-й сессии Межправительственного комитета ЮНЕСКО по защите нематериального культурного наследия, которая проходила 28 сентября - 2 октября 2009 в городе Абу-Даби Объединенных Арабских Эмиратов, ашугское искусство и Новруз байрам были включены в Репрезентативный список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, что следует считать важным событием для азербайджанской культуры [21].

Древняя и богатая культура Азербайджана вышла за национальные рамки и стала частью всемирной культуры. ЮНЕСКО является многосторонней международной организацией, посредством которой стало возможным взаимное сотрудничество с различными странами. В результате этого Азербайджанская республика через ЮНЕСКО устанавливает обширные связи и расширяет сотрудничество с различными странами в сфере образования, науки и культуры.

Новый этап отношений между Азербайджаном и ЮНЕСКО

В развитии и расширении отношений между Азербайджаном и ЮНЕСКО незаменимую роль играет первая леди Азербайджана, президент Фонда Гейдара Алиева Мехрибан Алиева. В сентябре 2004 года Мехрибан Алиева за вклад в развитие традиционной музыки, литературы и поэзии, за заслуги в сфере музыкального образования и обмен между культурами мира, поддержку идей ЮНЕСКО была удостоена звания Посла доброй воли этой организации в области устных и музыкальных традиций.

Фонд Гейдара Алиева проводит обширную деятельность в области культуры, образования и спорта. С 1995 года под эгидой Фонда друзей азербайджанской культуры проводятся фестивали, выставки, культурные мероприятия и концерты, Президент Фонда Мехрибан Алиева уделяет большое внимание популяризации культурного наследия нашей страны, обеспечивая его защиту на национальном и региональном

уровнях. В целях популяризации традиционной классической музыки Азербайджана на мировом уровне Мехрибан ханум Алиева выступила с инициативой создания Международного мугамного центра. За истекшие годы в рамках ЮНЕСКО на высоком уровне отмечались 800-летие со дня рождения Н. Туси, 200-летие ученого, востоковеда Мирза Казимбека, 100-летие академика Юсифа Мамедалиева, знаменитого художника ковra Латифа Керимов, академика Мусы Алиева, выдающегося писателя Мир Джалала Пашаева, знаменитого художника Саттара Бахлулзаде [21].

В целом благодаря усилиям, президента Фонда Гейдара Алиева Мехрибан Алиевой отношения Азербайджан - ЮНЕСКО достигли самого высокого уровня развития. Кроме того, особого одобрения заслуживает деятельность первой леди Азербайджана, президента Фонда Гейдара Алиева, посла доброй воли ЮНЕСКО и ИСЕСКО Мехрибан Алиевой в развитии и укреплении отношений между различными структурами Организации исламского сотрудничества. За подвижническую и широкомасштабную деятельность в различных областях, включая диалог между цивилизациями, за внимание к детям, лишенным родительской опеки, улучшение условий их жизни, образования, большую работу, проделанную в исламском мире, 4 ноября 2006 она была удостоена звания посла доброй воли ИСЕСКО [13].

В результате этого 26 ноября 2006 года, генеральный директор ИСЕСКО Абдулазиз бин Осман аль-Тувейджри за деятельность по сближению цивилизаций вручил Мехрибан Алиевой диплом посла доброй воли ИСЕСКО [14].

10-11 июня 2008 года в Баку прошел международный форум «Расширение роли женщин в межкультурном диалоге». В Форуме, проведенном по инициативе президента Фонда Гейдара Алиева Мехрибан ханум Алиевой при поддержке ЮНЕСКО и ИСЕСКО, приняли участие более 300 делегатов из разных стран мира, в том числе, первые леди нескольких стран, генеральный директор ИСЕСКО, послы доброй воли ЮНЕСКО. В итоге Форума были приняты Бакинская декларация и Заявление первых леди [15].

Кроме того, генеральный секретарь Организации исламского сотрудничества (ОИС) Экмеледдин Ихсаноглу, принимавший участие в международном форуме, за деятельность в гуманитарной сфере вручил первой леди диплом «Специальный посланник ОИС по гуманитарным вопросам» [16]. Весьма знаменательно то, что президент Фонда Гейдара Алиева, депутат Милли Меджлиса Мехрибан Алиева стала первой женщиной, получившей этот почетный титул Организация исламских стран.

Следует отметить, что проведение в Баку четырех грандиозных международных мероприятий по межкультурному диалогу с участием признанных научных исследователей и экспертов, в частности, Всемирного форума по межкультурному диалогу 7-8 апреля 2011 года, а также решение объявить Баку столицей исламской культуры в 2009 году является

НАПРАВЛЕНИЯ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА АЗЕРБАЙДЖАНА С ЮНЕСКО

результатом сотрудничества с ОЭС и неумолимой деятельности первой леди Азербайджана.

Включение в сокровищницу нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО азербайджанских мугамов, ашугского искусства, национального ковроткачества, знакомство мира с корифеями нашей литературы, культуры на уровне ЮНЕСКО вызывает у всех нас чувство удовлетворения. Проведение в стране международных фестивалей классической музыки, ашугского, мугамного, коврового искусства, встреч мастеров из разных стран, обмен мнениями между учеными – все это создает широкие возможности для диалога. Лидеры мира, культуры, науки, религиозные деятели совместно стремятся найти решение глобальных проблем в ходе международных мероприятий в Азербайджане.

Еще в октябре 2005 года, в Париже, выступая на мероприятии «Азербайджан: на перекрестке культур и цивилизаций» в рамках недели «Диалог между цивилизациями», посвященном 60-летию ЮНЕСКО, президент Фонда Гейдара Алиева, посол доброй воли ЮНЕСКО и ИСЕСКО Мехрибан Алиева отметила, что Азербайджан, расположенный на пересечении Востока и Запада, готов внести свой вклад в глобальный культурный диалог, практические шаги, предпринятые в последующие годы, выдвижение конкретных инициатив и проведенные в Азербайджане международные мероприятия подтвердили это.

Именно благодаря этой деятельности в 2009 году Баку был объявлен столицей исламской культуры. Фундамент в восстановление Великого Шелкового пути, соединявшего Восток и Запад, был заложен в Баку, в рамках этого года столица нашей республики стала центром фестивалей искусств, местом проведения международных научных конференций. В результате этой деятельности, 30 июля 2010 года генеральный директор ЮНЕСКО Ирина Бокова вручила послу доброй воли ЮНЕСКО, президенту Фонда Гейдара Алиева Мехрибан Алиевой, золотую медаль Моцарта [17].

Президент Азербайджана Ильхам Алиев на открытии года «Баку - столица исламской культуры- 2009» сказал: «Все эти инициативы имеют одну цель: установление мира во всем мире, стабильности, укрепление диалога между цивилизациями. В некоторых случаях много говорится о диалоге между цивилизациями, но еще многое предстоит сделать. Роль Азербайджана в этой работе значительно возросла». Естественно, эти мероприятия, ставшие местом духовного общения, межкультурного диалога, целенаправленная деятельность нашей страны должны были сделать ее местом проведения Всемирного форума.

Как известно, инициатива о проведении Всемирного форума по межкультурному диалогу была выдвинута Президентом Ильхамом Алиевым на конференции «Межкультурный диалог – основа мира и устойчивого развития в Европе и соседних регионах», проведенной в Баку при участии министров культуры стран Совета Европы 2 - 3 декабря 2008 года [16]. Ини-

циатива, получившая название «Бакинский процесс» – наглядный пример того, какое значение придается руководством Азербайджана диалогу и сотрудничеству между культурами и цивилизациями. Азербайджан на этом международном мероприятии открыл окно в глобальный межкультурный диалог. Президент Азербайджана Ильхам Алиев выдвинул инициативу «Бакинский процесс», предусматривающую развитие межкультурного диалога: «Я очень хотел бы, чтобы начатый сегодня «Бакинский процесс» стал долгосрочным. Очень хотелось бы, чтобы после этой конференции были разработаны конкретные механизмы, подготовлен план действий. Чтобы проведение таких мероприятий стало традицией» [16]. На конференции была принята «Бакинская декларация» по межкультурному диалогу, и заложена основа исторического процесса. Работа, проделанная за истекший период для перехода «Бакинского процесса» от идеи к практике, дала результат, и 7 - 8 апреля 2011 года столица Азербайджана впервые стала местом проведения Всемирного форума по межкультурному диалогу [18].

17 сентября 2013 в Париже, в штаб-квартире ЮНЕСКО постоянные представительства ТЮРКСОЙ, Азербайджана, Казахстана и Турции отметили 100-летие музыкальной комедии выдающегося азербайджанского композитора У. Гаджибейли «Аршин мал алан». Отмечалось, что «Аршин мал алан» У. Гаджибейли – первая оперетта на Востоке, которая с успехом шла во многих странах и переведена на многие языки. Кроме того, эта оперетта стала одним из шедевров мирового искусства, ярким образцом богатой и древней азербайджанской культуры, 100-летие которой отмечается на уровне такой авторитетной международной организации как ЮНЕСКО [19].

Отметил, что охрана культурного наследия является одним из приоритетов Правительства Азербайджана, Мехрибан Алиевой напомнила, что мугам, ашугская музыка, тар, Новруз байрам, а также Девичья Башня, Ичеришехер, дворец Ширваншахов и Государственный историко - художественный заповедник Гобустан были включены в Список всемирного нематериального наследия ЮНЕСКО.

Первая леди отметила, что Азербайджан также сотрудничает с ЮНЕСКО в области межкультурного диалога, известен как город высокой религиозной и этнической толерантности, где веками представители различных религий и этнических групп всегда жили в мире и гармонии. Мехрибан ханум Алиева отметила важность рамочного соглашения, подписанного с ЮНЕСКО, выразила уверенность, что наша страна будет продолжать сотрудничество с ЮНЕСКО, а также укреплять связи для реализации имеющегося огромного потенциала.

На встрече первой леди Азербайджана, посла доброй воли ЮНЕСКО Мехрибан Алиевой с генеральным директором ЮНЕСКО Ириной Боковой велись обсуждения о дальнейшем сотрудничестве между Фондом Гейдара Алиева и ЮНЕСКО, о включении в список нематериального культурного наследия куль-

Айнур ФАРМАНОВА

турных памятников Азербайджана, о заседании Межправительственного комитета в Баку 2-8 декабря этого года. После встречи между Правительством Азербайджана и ЮНЕСКО было подписано Рамочное соглашение о сотрудничестве в области образования, науки, культуры и коммуникаций [20].

Заключение

Сегодня Азербайджан вносит свой вклад в диалог между цивилизациями и культурами, обогащает своим культурным наследием, ценностями окружающие культуры и мировоззрения, заимствуя при этом наиболее прогрессивные взгляды. Насколько Азербайджан связан своей культурой с Востоком, настолько близок он к Западному миру интеллектуальным потенциалом, применением широкого спектра научных и культурных инноваций и технологий. В настоящее время, наряду с богатыми национальными и культурными ценностями, Азербайджан известен в мире как средоточие культурной коммуникации и понимания. В процессе глобализации мы избрали неоднозначный путь интеграции в международное сообщество. Этот путь двусторонний, так как мы способны представить миру и популяризировать свое культурное богатство и побудить мир поучиться чему-то у нас. Как справедливо отметил Президент Ильхам Алиев: «Одним из основных приоритетов Азербайджана является интеграция с мировым сообществом при условии обеспечения сохранения национальных обычаев и традиций».

Если взглянуть на статистику и географию международных мероприятий в области диалога цивилизаций и культур за последние годы, можно ясно увидеть, что подавляющее большинство инициатив в этой области было выдвинуто Азербайджаном. Утверждать это позволяют практические шаги, предпринятые в последнее время, выдвинутые идеи и инициативы. С этой точки зрения, наряду с правительственными структурами, следует отметить и работу, проводимую неправительственными организациями и, в первую очередь, инициативы президента Фонда Гейдара Алиева, посла доброй воли ЮНЕСКО и ИСЕСКО Мехрибан Алиевой. Стоит отметить, что важная работа в этом направлении ведется как по государственной, так и негосударственной линиям. Работа, проделанная в этой области первой леди Азербайджана, президентом Фонда Гейдара Алиева, послом доброй воли ЮНЕСКО и ИСЕСКО Мехрибан Алиевой стала большим вкладом в популяризацию азербайджанской культуры, истории.

Обобщая вышеперечисленное развитие многосторонних международных культурных связей, становится ясно, что в современных геополитических условиях грандиозные мероприятия, поддерживаемые авторитетными международными организациями, включая ЮНЕСКО, еще более укрепили престиж нашей республики на международной арене, придали импульс исторической миссии нашей страны, как месту толерантности, и в результате, заложили основу глобальной платформы для межкультурного диалога.

Литература:

1. 1991-2001 Азербайджанская Республика. - Баку, 2001. - 280 с.
2. Гейдара Алиева представляет Азербайджан миру / составитель - Шукюров И. / - Баку, 1994. - 175 с.
3. Алиев Г.А. Наша независимость вечна. I-XXXXV книги. - Баку, 1997. - 2012гг.
4. Гасанов А. Современные международные отношения и внешняя политика Азербайджана. Учебник, - Баку, 2005. - 752 с.
5. Гасанов А. Отношения Азербайджана с США и европейскими странами (1991-1996гг) - Баку, 2000. - 368 с.
6. Раджабли Х. Специализированные учреждения Организации Объединенных Наций. - Баку, 2003. - 256 с.
7. Азербайджан, 1992, 10 июня.
8. Азербайджан, 1994, 22 февраля.
9. Азербайджан, 1997, 21 апреля.
10. Азербайджан, 1997, 5 сентября.
11. Народная газета, 2003, 8 ноября.
12. Азербайджан, 2005, 15 сентября.
13. Азербайджан, 2006, 6 ноября.
14. Азербайджан, 2006, 27 ноября.
15. Азербайджан, 2008, 10-11 июня.
16. Азербайджан, 2008, 3-4 декабря.
17. Азербайджан, 2010, 31 июля.
18. Азербайджан, 2011, 8 апреля.
19. Азербайджан, 2013, 18 сентября.
20. Азербайджан, 20 июля 2013 г.
21. Азербайджан и ЮНЕСКО - www.mfa.gov.az
22. Азербайджан и ЮНЕСКО - www.azembassy.ma/unesco_az
23. www.unesco.org/new/en/
24. www.unesco.org/new/ru/
25. www.unesco.org/comnat/azerbaidjan/az/

Summary

After gaining the independence in 1991, the Republic of Azerbaijan began to cooperate with a number of influential international and regional organizations. Among these international organizations the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization – UNESCO allows to its members to benefit from opportunities to participate in global research projects, gives technical assistance, as well as the preparation of the scientific and teaching staff.

At the same time, Azerbaijan's relations with UNESCO which plays very important role in expanding cooperation among nations in the field of education, science and culture for strengthening peace and security, coincides with the period before being a member of the UN.

Azerbaijan's international relations investigated in the context of cooperation with UNESCO in the article. The establishment and development of relations between Azerbaijan and UNESCO have been investigated in the article. The stages of co-operation of Azerbaijan with UNESCO in science, education, culture and humanitarian spheres are shown and analyzed in the article.

Key Words: The Republic of Azerbaijan, UNESCO, international relations, intercultural dialogue, cooperation

Юрий ТЫРКУС,
аспирант кафедры политологии Прикарпатского
национального университета имени Василия
Стефаника, г. Ивано-Франковск, Украина

ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР ЕВРОИНТЕГРАЦИИ УКРАИНЫ

Первая статья Конституции Украины провозглашает, что Украина представляет собой демократическое, социальное, правовое государство [1]. Соответственно основной целью социально-политического развития является становление ее как сильной, развитой страны, авторитетного члена европейского и мирового сообщества; государства, которое обеспечивает гражданам благосостояние и полноценную реализацию прав и свобод. Действенным средством достижения этой цели выступает повышение эффективности общественных и государственных институтов на основе дальнейшей демократизации жизни страны. Именно поэтому приоритетами государственной политики в этой сфере в новую историческую эпоху стали: демократизация политического процесса, содействие развитию гражданского общества, повышение уровня прозрачности деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, обеспечение свободы слова, судебная реформа, направленная на утверждение справедливого суда и соблюдение прав человека и гражданина.

Статья 18 Конституции закрепляет направления внешнеполитической деятельности Украины, которая направлена на обеспечение ее национальных интересов и безопасности путем поддержания мирного и взаимовыгодного сотрудничества с членами международного сообщества на основе общепризнанных принципов и норм международного права [2]. Сегодня реализация этой статьи происходит в рамках евроинтеграционного процесса и подписания политической части Соглашения об ассоциации между Украиной и Европейским Союзом (ЕС) 21 марта 2014 г. во время внеочередного саммита между Украиной и Европейским Союзом и его государствами-членами. Настоящее Соглашение предусматривает формирование сильного, независимого гражданского общества, которое будет способствовать эффективному контролю за действиями государства со стороны общественности [3]. Это актуализирует необходимость исследования влияния институтов гражданского общества на качество и скорость интеграционных процессов.

Учитывая интенсификацию евроинтеграционного процесса в Украине, необходимость укрепления институтов гражданского общества для дальнейшей демокра-

тизации, рост количества общественных организаций и растущую политическую активность граждан, целью работы является исследование функционирования институтов гражданского общества как влиятельного фактора европейской интеграции.

Феномен гражданского общества является одним из наиболее разработанных в политической науке. Если опираться на известную периодизацию развития концепта гражданского общества в научной литературе американского политолога Дж. Александера, то изучение и функциональное обновление содержания этого института прошло три стадии [4]. На первой стадии (конец XVII – первая половина XIX вв.) активными создателями данной теории стали Дж. Локк, Ш. Монтескье, И. Кант, А. де Токвиль и др. На этом этапе были отделены две взаимосвязанные, но автономные сферы – политическая и общественная. С середины XIX до середины XX вв. длилась вторая стадия, на которой исследователи (М. Вебер, А. Грамши, Э. Дюркгейм) пытались углубить содержание разделения общества на две сферы и наполнить их современными качественными параметрами. Актуализация теории гражданского общества происходит на третьем этапе (длится он с 1950-х гг.), что связано, с одной стороны, с процессами налаживания прочных и эффективных взаимосвязей между институтами гражданского общества и органами государственной власти в странах развитой демократии (где уровень общественного развития позволяет выйти на стадию консолидации политических и общественных институтов). С другой стороны, в странах Центральной и Восточной Европы (Украина в том числе), в которых произошли изменения формата политической системы, связанные с распадом социалистической системы, возникает необходимость формирования институтов гражданского общества как влиятельного фактора предотвращения властных злоупотреблений.

На современном этапе данную проблему изучают такие зарубежные авторы, как Дж. Александер, Г. Алмонд, Э. Арато, Ю. Хабермас, Э. Гидденс, Р. Инглехарт, Дж. Кин, Дж. Коэн, Р. Патнэм, Н. Розенблюм. В конце XX – начале XXI вв. в Украине появляются

Юрий ТЫРКУС

исследования, посвященные формированию и функционированию институтов гражданского общества. Среди ученых, которые разрабатывали эти процессы в Украине, необходимо назвать В. Бебика, Г. Зеленько, В. Горбатенко, И. Кресину, М. Лацибу, О. Михайловскую, Е. Новакову, Ф. Рудича, Ю. Тищенко, В. Цвиха, Г. Щедрову. Другой аспект исследуемой проблемы, коррелируемый с евроинтеграцией, анализируется такими политологами, как М. Алле, Ф. Барановским, Е. Бевзюк, А. Гальчинским, К. Дойчем, А. Этциони, Л. Линдбергом, А. Кудряченко, Ф. Махлупом, М. Михальченко, Г. Перепелицей, Е. Хаасом, Р. Харрисоном и др.

Отметим, что опыт стран Европы подсказывает необходимость сочетания ценностей социального, правового, демократического государства путем определенного развития всех структур гражданского общества. Украинский философ М. Попович по этому поводу отмечает: «Мы являемся свидетелями того, что наши шаги в экономике, политике и даже в духовной жизни определяются не столько прошлым, не столько затратами, сколько будущим, теми рисками, к которым эти шаги могут привести. Поэтому гражданское общество может играть для государства, по крайней мере, такую роль, которую не играет ни один государственный институт» [5, с. 67].

Формирование гражданского общества является сложным и длительным процессом, который в развитых странах Европы уже имеет четко определенные типологические признаки, в частности: приоритет частной собственности и связанных с ней интересов собственников; наличие высокоразвитого «среднего класса», который «цементирует» собой государственно-общественную жизнь; высокий уровень жизненных и творческих возможностей самореализации личности во всех сферах общественной жизни; функционирование значительного количества общественно-политических организаций, которые отражают интересы различных общественных групп; постоянное развитие и утверждение гражданственности через обмен взаимодополняющими качествами по принципу «политичность гражданского общества и гражданственность политического» [6, с. 31].

В отличие от большинства стран Евросоюза, в постсоветских странах только начинает формироваться специфический тип гражданского общества, в котором переплетаются авторитарные и демократические свойства и признаки. Его переходный характер особенно отчетливо выступает в незащищенности от вмешательства государства и политической власти в жизнь и деятельность граждан. Учитывая это, гармонизация отношений государства и гражданского общества в условиях реформирования украинского общества выступает как жизненно решающая необходимость. При этом создание действенного механизма взаимодействия государственных институтов со структурами гражданского общества, наряду с пониманием функционального характера его всеобщих признаков, требует учета характера их проявлений в

условиях конкретно взятого общественно-государственного организма. Все это должно быть учтено и в нашем государстве.

Вместе с тем следует заметить, что за годы независимости Украины не удалось преодолеть ситуацию, при которой большинство населения осознает себя в качестве пассивных объектов политики, а это, в свою очередь, не позволяет создать действенный механизм ограничения государственной власти. Так, согласно данным Центра Разумкова на вопрос «Можете ли Вы сказать, что вовлечены в активную общественную деятельность?» в июне 2013 г. 8,1% граждан ответили «Да», 85,2% – «Нет», 6,7% – «Затрудняюсь ответить» [7]. Другим измерением политической позиции граждан является посещение выборов. По данным ЦИК, явка электората на выборы в Верховную Раду Украины в 2012 г. составила 57,98% [8]. Также необходимо принимать во внимание количество членов политических партий и общественных организаций. В 2008 г. согласно данным Центра Разумкова, лишь 4,7% граждан дали положительный ответ на вопрос «Можно о Вас сказать, что Вы являетесь членом политической партии?» [9]. Опросы Всемирной службы Института Гэллапа показывают, что менее 3% опрошенных в 2009 г. Украинцев определили себя как активными членами любых общественных организаций [10, с. 27].

При этом СМИ и политики пытаются навязать украинцам мнение, что все европейцы «политически сонные» нации, которые неохотно голосуют и вступают в коммуникации с властью. Но, например, исторический порог явки на выборы в Германии достигал 90%, а 22 сентября 2013 г. на последние на сегодня парламентские выборы пришло почти 72% граждан [11]. При этом общественное участие немцев и судьба организаций гражданского общества в ВВП страны одна из самых высоких в мире. Так, на начало 2009 г. в Германии было более 550000 ассоциаций, 16000 общественных фондов, 50000 кооперативов. В этом секторе задействованы 3,6% граждан трудоспособного возраста, и еще дополнительно 3% составляют волонтеры. Согласно Отчету ООН о состоянии добровольчества в мире (2011 г.), в Украине только 10% волонтеров привлекались к волонтерской деятельности организациями «третьего сектора». Зато волонтерская деятельность в Германии осуществляется преимущественно на базе общественных организаций и достигает 43% от их количества [12]. Исследователи пишут, что в случае, если бы немецкое гражданское общество было страной, ее ВВП для Германии составил бы 2,2 трлн. долларов США [13, с. 87].

Таким образом, Германия демонстрирует удачный пример того, что гражданское общество может сочетать такие общественно важные функции, как демократизация общества, снижение рисков узурпации власти в государстве, а, с другой стороны, способствовать наполнению бюджета страны. В условиях демократического транзита, присущего Украине, су-

ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР ЕВРОИНТЕГРАЦИИ УКРАИНЫ

ественным признаком взаимодействия государства и гражданского общества считается распространение демократии из государственно-властного на общественно-личностный уровень. Известный западный политолог Р. Дарендорф справедливо считает, что путь к свободе ведет в сторону, противоположную административному централизму, туда, где возможно создание более открытых форм государства и общества. На этом пути следует помнить о двух условиях, на которых подчеркивает ученый [14]: 1) путь к свободе – это только переход от закрытого общества к обществу открытому, которое должно стать своеобразным механизмом для изучения альтернатив посредством проб и исправления ошибок; 2) в идеале гражданских обществ никто не строит, они развиваются самостоятельно, однако в переходных демократиях нет ни времени, ни средств, чтобы ждать, что все произойдет само собой; необходимо строить независимые организации и институты как промежуточное звено между правительством и индивидом.

Исходя из этих соображений, делаем вывод, что именно общественные организации являются одним из самых влиятельных и активных актеров гражданского общества. По информации Государственной службы статистики, на 1 января 2013 г. количество украинских общественных организаций и политических партий увеличилось на 5,4% – до 3943 тыс. ассоциаций граждан по сравнению с 1 января 2012 г. Только в столице (г. Киев) по состоянию на 1 января 2013 г. было легализовано 13589 общественных объединений и политических партий. Из этого значительного количества организаций только 205 – политические партии [15]. Таким образом, гражданское общество в Украине количественно вполне сформировано, на политической повестке дня стоит вопрос, связанный с повышением качества его функционирования, привлечения большего количества членов, проведение различных акций, выполнение общественных экспертиз, реализации общественных инициатив и т.п. По мнению эксперта ОБСЕ Б. Шатору, для обеспечения жизнеспособности общественных организаций требуется стратегический, систематический подход к их финансированию, включающий потребности общественных организаций с учетом обеспечения их оптимальной работы, а также возможности, которые открывают культурный контекст, и финансовая среда [16, с. 9].

Сегодня украинские общественные организации финансируют преимущественно местные благотворители и иностранные доноры (75-85%). Годовой бюджет среднестатистической украинской обществен-

ной организации составляет 50-60 тыс. грн. и только 2-3% этого бюджета приходится на государственное финансирование. По данному показателю Украина приближается к Филиппинам, Пакистану и Кении. Вместе с тем, годовой бюджет рядовой организации в странах Восточной Европы, являющихся членами ЕС, составляет 560-670 тыс. грн., при этом 40-60% этой суммы формирует государство [17, с. 3].

Важным направлением утверждения гражданского общества является преодоление правового нигилизма. Основными условиями обеспечения этой проблемы можно считать: подход к правам человека как высшей социальной ценности, обеспечение которой должно рассматриваться как главная функция государства; обеспечение социальной справедливости через создание соответствующего законодательства и механизмов его внедрения; развитие социальных программ, ориентированных на создание достойной жизни и свободного развития человека; поощрение благотворительной деятельности; политико-правовая защита свободы конкуренции и т.д.

К этому следует также отнести и регулирования отношений, которые стимулируют материальные основы жизнедеятельности населения (налоговая, антиинфляционная политика), участие в международных социальных программах гуманитарного характера.

Таким образом, функциональное гражданское общество является одним из условий успешной евроинтеграции Украины. Гармоничное взаимодействие институтов гражданского общества с государством позволит постепенно ограничить государственное вмешательство в экономическую и социокультурную жизнь граждан. Государство будет занимать подобающее ему в условиях современного развития место и выполнять свои функции под постоянным и всесторонним контролем гражданского общества. Необходимо ввести европейские механизмы солидарности и сотрудничества государства и гражданского общества. Государство и гражданин должны действовать не вопреки друг другу, а совместно, при этом государство должно способствовать повышению общественной активности. Таким образом, будут налажены партнерские отношения европейского образца. Обеспечение результативности взаимодействия органов власти с институтами гражданского общества является необходимым условием утверждения консолидированной модели демократии как основополагающего принципа общественно-политического устройства и весомого фактора реализации евроинтеграционных устремлений Украинского государства.

Литература:

1. Конституція України [Електронний ресурс] // Офіційний веб-сервер Верховної Ради України. - Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua>. — Загол. з екрану.
2. Конституція України [Електронний ресурс] // Офіційний веб-сервер Верховної Ради України. - Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua>. — Загол. з екрану.
3. Угода про асоціацію між Україною, з однієї сторони, та Європейським Союзом і його державами-членами, з
- іншої сторони [Електронний ресурс] // Єдиний веб-портал органів виконавчої влади України. - Режим доступу : <http://www.kmu.gov.ua>. - Загол. з екрану.
4. Alexander J. C. Civil Society I, II, III: Constructing an Empirical Concept from Normative Controversies and Historical Transformations / Alexander Jeffrey C. // Real Civil Societies. - London: Sage, 1998, p. 1-19.
5. Попович М. В. Моделі громадянського суспільства

Юрій ТЫРКУС

та основні напрями його становлення / М. В. Попович // Відносини між державою і громадянським суспільством: Матеріали «круглого столу» 19 листопада 2003 року. - Київ: НІСД, 2003, с. 67-68.

6. Кочетков А. П. На пути к гражданскому обществу / А. П. Кочетков. - Москва: Ин-т молодежи, 1992. - 141 с.

7. Статистичні дані [Електронний ресурс] : сайт Українського центру економічних та політичних досліджень ім. О. Разумкова. — Режим доступу : <http://www.razom.org.ua>. — Загол. з екрану.

8. Результати голосування по Україні [Електронний ресурс] // Офіційний веб-сервер Центральної виборчої комісії України. — Режим доступу : <http://www.cvk.gov.ua/pls/vp2010/WP0011>. — Загол. з екрану.

9. Статистичні дані [Електронний ресурс] : сайт Українського центру економічних та політичних досліджень ім. О. Разумкова. — Режим доступу : <http://www.razom.org.ua>. — Загол. з екрану.

10. Вінніков О. Організації громадянського суспільства в Україні: правда, брехня та державна статистика / Олександр Вінніков // Громадянське суспільство. - 2011. - № 2 (16), с. 25-28.

11. Айвазовська О. Німецькі вибори, або суспільство довіри / Ольга Айвазовська // LB.ua, 2013, 3 жовтня. - Режим доступу: http://lb.ua/news/2013/10/03/230846_nimetski_vibori_abo_suspilstvo.html

12. Рак О. Волонтерство в Україні [Електронний ресурс] / Олена Рак. - Режим доступу: <http://volonteriinua.blogspot.com/> / І Загол. з екрану.

13. Шатор Б. Міжнародні практики фінансування громадських організацій. Дослідження Координатора проектів ОБСЄ в Україні / Балаж Шатор. - Київ: Координатор проектів ОБСЄ в Україні, 2010. - 162 с.

14. Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе / Ральф Дарендорф // Вопросы философии, 1990, № 9. с. 69-75.

15. Перелік громадських формувань [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Державної реєстраційної служби України. - Режим доступу : <http://www.drsvu.gov.ua/show/199>. - Загол. з екрану.

16. Шатор Б. Міжнародні практики фінансування громадських організацій. Дослідження Координатора проектів ОБСЄ в Україні / Балаж Шатор. - Київ: Координатор проектів ОБСЄ в Україні, 2010. - 162 с.

17. Дослідження існуючого досвіду та законодавства України у сфері фінансування громадських організацій органами державної влади, органами місцевого самоврядування та приватним сектором / Спільний проект Секретаріату Кабінету Міністрів України та Координатор проектів ОБСЄ в Україні «Сприяння розробці інституціональної бази фінансування громадянського суспільства в Україні». - Київ: Координатор проектів ОБСЄ в Україні, 2011. - 112 с.

Summary

The features of formation of civil society in Ukraine are studied. Specific character of the financing of Ukrainian public organizations is analyzed. Determined that Ukraine's European integration will contribute to a strong, functional, functioning civil society.

Keywords: European integration, the state, civil society, non-governmental organizations, civil society, public funding, private funding.

Порядок публикации и требования к оформлению статей научного журнала «Право и политология».

Для опубликования статьи в журнале необходимо предоставить в редакцию журнала публикуемые материалы в электронном виде в единичном экземпляре на любом из перечисленных носителей (CD-ROM, DVD-ROM, флэш-носитель) и на бумажном носителе в двух экземплярах. В конце текста статьи необходимо указывать электронный адрес автора (авторов). Публикации в журнале подлежат только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях.

Объем публикуемых материалов не должен превышать, как правило, 20 страниц (14 шрифт, 1,5 интервала) и 500 Кб.

Публикуемые в журнале статьи состоят из следующих элементов:

- сведения об авторе (соавторах), включающие в себя: Ф.И.О. автора (соавторов), ученая степень автора (соавторов), место работы или учебы автора (соавторов), должность автора (соавторов);
- основной материал (текст) статьи;
- краткая аннотация статьи (500-580 зн.), дающая общую характеристику работе (на русском и английском языках);
- фотография автора размером 4х6 см в электронной версии

Оформление сносок сквозное: в тексте указывается номер и страница научного источника (в квадратных скобках). Список литературы публикуется в конце, в порядке цитирования, согласно нижеуказанному примеру:

1. Алиев, Н. Г. Проблемы военного права Азербайджана. – Баку: Азернешр, 1999, с. 35.
2. Алмонд, Г. А., Верба, С. Гражданская культура и стабильность демократии. – Полис, 1992, № 4, с. 122-134.
3. Об утверждении Стратегии социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями (2010-2013 гг.). Закон Республики Молдова № 169 от 9 июля 2010 г. – Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2010, 12 октября, № 200-201, ст. 660.
4. Речь Президента Ильхама Алиева на политическом брифинге на тему «Европейский Союз и Азербайджан - новые способы сотрудничества», состоявшемся 19 мая 2004 года. – Азербайджан, 2004, 22 мая.
5. Mehdiyev, R. Goris-2010. Season of the theatre of the absurd. – Tbilisi: Universal, 2010. – 185 pp.
6. Осакская декларация по развитию туризма. – www.world-tourism.org.

Статьи, предлагаемые к публикации в журнале, проходят обязательное рецензирование. В качестве рецензента должен выступать как минимум один специалист, имеющий степень доктора наук по специальности данной работы. Содержание рецензии должно подтверждать, что данная статья содержит новые интересные материалы и заслуживает публикации. Решение о публикации статьи в журнале принимается сопредседателями редколлегии журнала.

International scientific journal
LAW AND POLITOLOGY

Международный научный журнал
ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 26

Подписанно в печать: 1.07.2014

Формат 60×84 1/8

Объем _____ п. л.

Заказ № _____

Тираж 500

“Print-Caro” SRL, 2014
MD-2049, m. Chișinău,
str. Mircești 22/2
tel/fax /373 22/ 931-653